

Во ВСЕМ ВИНОВАТА КНИГА 2

Рассказы
о книжных тайнах
и преступлениях,
связанных
с книгами

The Big Book

Элизабет Джордж

Во всем виновата книга – 2

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джордж Э.

Во всем виновата книга – 2 / Э. Джордж — «Азбука-Аттикус»,
— (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16658-5

Новая антология, составленная Отто Пенцлером, лауреатом премий «Эдгар», «Эллери Куин» и «Ворон» за вклад в развитие детективного направления в литературе, получилась еще более объемной и разнообразной, чем первая. Авторы большинства произведений прекрасно знакомы отечественным ценителям детективного и остросюжетного жанра и просто любителям хорошей литературы: это Линдси Фэй, Джойс Кэрол Оутс, Элизабет Джордж, Стивен Хантер, Джеймс Грейди, Иэн Рэнкин и другие. Великий инквизитор Торквемада сражается с опаснейшим еретическим трудом, британский агент вступает в схватку с немецкой контрразведкой изза старинной рукописи, изощренные замыслы сталкиваются с еще более изощренными, что приводит к неожиданным последствиям, а в одном из рассказов читатель вновь погрузится в Викторианскую эпоху и встретится с самим Шерлоком Холмсом... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16658-5

© Джордж Э.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Предисловие	7
Питер Лавси	8
Ф. Пол Вилсон	26
Линдси Фэй	52
Брэдфорд Морроу	78
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Колектив авторов
Во всем виновата книга – 2
Рассказы о книжных тайнах и
преступлениях, связанных с книгами
повести и рассказы

Edited by Otto Penzler
BIBLIOMYSTeries VOLUME 2

Compilation and introduction copyright © 2018 by Otto Penzler
Remaindered copyright © 2014 Peter Lovesey
The Compendium of Srem copyright © 2014 F. Paul Wilson
The Gospel of Sheba copyright © 2014 Lyndsay Faye
The Nature of My Inheritance copyright © 2014 Bradford Morrow
The Sequel copyright © 2014 R.L. Stine
Mystery, Inc. copyright © 2014 Joyce Carol Oates
The Book of the Lion copyright © 2014 Thomas Perry
The Mysterious Disappearance of the Reluctant Book Fairy copyright © 2014 Elizabeth

George

From the Queen copyright © 2015 Carolyn Hart
The Little Men copyright © 2015 Megan Abbott
Citadel copyright © 2015 Stephen Hunter
Every Seven Years copyright © 2015 Denise Mina
Condor in the Stacks copyright © 2015 James Grady
The Travelling Companion copyright © 2015 Ian Rankin
The Haze copyright © 2016 James W. Hall
All rights reserved

© А. И. Ахмерова, перевод, 2019
© Е. Л. Бутенко, перевод, 2019
© А. С. Киланова, перевод, 2019
© Е. В. Кисленкова, перевод, 2019
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019
© Т. Ф. Мамедова, перевод, 2019
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019
© Т. А. Савушкина, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Робу У. Харту, моему другу, бесценному коллеге-издателю из «MysteriousPress.com» и невероятно талантливому автору

шести романов, в том числе «The Warehouse», который станет самой успешной книгой 2019 года

Предисловие

Если вы любите тайны и если вы любите книги, что может быть лучше, чем тайны из мира книг? Эти чудесные истории так и называются: книготайны.

Возьмете ли вы с полки словарь, коль скоро привержены традициям, или воспользуетесь компьютерной проверкой орфографии, – это слово нигде вам не встретится. А если наберете его в редакторе «Word», внизу появится красная волнистая линия, давая понять, что не существует такого слова либо допущены ошибки в написании.

И тем не менее библиофилы, а по совместительству любители детективной литературы, сразу поймут, что это слово означает, пусть оно и покажется малоупотребительным и неудобоваримым тем бедным и несчастным невеждам, кто еще не вкусил предлагаемых им наслаждений. Я же, страстный книжник с молодых ногтей и вот уже полвека обожатель детективов, держу в сердце особый уютный уголок для книг о книгах – с тех пор как подростком прочел «The Haunted Bookshop» Кристофера Морли.

Несколько лет назад, когда у «Mysterious Bookshop» возникли финансовые проблемы (а они были всегда, но в 2010–2012 гг. положение стало отчаянным), у меня родилась идея, как подзаработать денег и удержать на расстоянии кредиторов. Надо издавать то, что можно продать не только в нашем магазине.

Мое давнее пристрастие к произведениям о книгах соединилось со страстью к детективам, и я попросил нескольких авторов, с которыми дружил, сочинить для «Mysterious Bookshop» по оригинальной «книготайне». Объяснить, что я имею в виду, было непросто, но писатели поняли, и большинству из них удалось выкроить время и создать удивительно талантливые вариации на заданную тему.

Мы печатали «книготайны» в мягкой обложке и даже выпустили каждую в твердой – правда, крошечным тиражом в сто экземпляров, пронумерованных, с автографом, для коллекционеров. Далее произведения публиковались в электронном виде, причем многие были переведены на десятки языков; отчасти благодаря этому гибель магазина была предотвращена.

Первые пятнадцать новелл из этой серии вошли в антологию под названием «Во всем виновата книга. Рассказы о книжных тайнах и преступлениях, связанных с книгами». А это вторая коллекция, озаглавленная не менее изобретательно: «Во всем виновата книга – 2». «Mysterious Bookshop» продолжает публикацию отдельных произведений, и все мы верим, что в свое время появится третий том. Ну а пока, надеюсь, вы получите удовольствие от самых разнообразных детективных произведений, составивших эту красивую книгу.

В ней Иэн Рэнкин рассказывает о пропаже авторской рукописи «Доктора Джекила и мистера Хайда» в легендарном парижском книжном магазине «Шекспир и компания», а Ф. Пол Вилсон – о книге с магическими свойствами. Джойс Кэрол Оутс изображает чрезмерно амбициозного книготорговца, а Джеймс Грейди отправляет Кондора в Библиотеку Конгресса. Стивен Хантер проливает свет на секретную деятельность Алана Тьюринга в ходе Второй мировой войны, а Меган Эбботт и Дениз Мина дополняют эту коллекцию своими новеллами, удостоенными премии «Эдгар», названной в честь Эдгара Аллана По.

Любите ли вы традиционный детектив, или вам по вкусу нечто более крутое, смешное и экстравагантное, – я могу смело пообещать: ни одно из этих пятнадцати произведений выдающихся современных авторов вас не разочарует.

Отто Пенцлер

Питер Лавси СТОК

Питер Лавси, родившийся в 1936 году в Уиттоне, графство Мидлсекс, – удостоенный многих наград автор детективов, действие которых разворачивается как в прошлом, так и в наши дни. Самые известные его циклы – о сержанте Криббе, сыщике Викторианской эпохи, и о Питере Даймонде, расследующем преступления в городе-курорте Бате.

В 1944 году дом, где жила семья Лавси, был разрушен самолетом-снарядом Фау-1, и ей пришлось эвакуироваться в Уэст-Кантри. Этот эпизод лег в основу восторженно принятого критикой романа «Терпкий сидр» (1987).

Работая преподавателем в Таррокском техническом колледже, а затем в Хаммерсмитском колледже, Питер Лавси написал свою первую книгу, «Короли дистанции» – «Спортивную книгу года» по версии журнала «Уорлд спорта». В 1975 году, опубликовав седьмой викторианский детектив, Лавси оставил преподавательскую деятельность и полностью посвятил себя литературе.

За последний роман о сержанте Криббе «Восковая фигура» он получил премию «Серебряный кинжал» (1978), а «Вероломный инспектор Дью» был удостоен «Золотого кинжала» (1982). В Соединенных Штатах автору присудили премию «Энтони» за «Последнее дело Даймонда». За выдающийся вклад в детективный жанр ему был вручен «Бриллиантовый кинжал Картье» (2000). Многие его книги, в том числе «Goldengirl», «Восковая фигура», «Abracadaver» и «Внезапная развязка», легли в основу телесериалов и кинофильмов. Питер Лавси живет в Западном Суссексе, Англия.

Убийство совершила Агата Кристи.

Доказательство было налицо, но никто не видел его больше суток. Тело Роберта Риппла успело остыть.

Должно быть, оно пролежало так весь понедельник – у магазина «Драгоценные находки» этот день был выходным. Бедный мистер Риппл! Его обнаружили утром во вторник, в помещении, которое он называл офисом. Ни один книготорговец не выбрал бы для последней в жизни сделки такую вот позу перочинного ножа: живот на коробке с книгами, зад кверху, голова и ноги уперты в пол. У коробки лопнул картонный бок, и книги вывалились, рассыпались по ковру, все до одной – с фамилией Кристи на обложке.

Груз был доставлен вечером в воскресенье. А пришел он с Парк-авеню, с одной из лучших улиц Покетауна, штат Пенсильвания. История этих книг весьма любопытна. Перед Второй мировой войной их привез в США иммигрант, в прошлом торговый представитель английского издательства. Он надеялся, что мода на Джеффри Фарнола и Этель М. Делл рано или поздно пройдет и британские читатели вновь увлекутся детективами; тут-то и пригодится запас романов Кристи, этих памятников трудной эпохи. Но, переселившись, он увлекся продажей автомобилей «Форд-Т» и сколотил приличное состояние. Заработав первый миллион, он приобрел элегантный деревянный коттедж; там-то, на чердаке, и лежали в забвении эти тома. И вот теперь легкомысленный потомок надумал снести старый дом, чтобы воздвигнуть на его месте достойное космического века жилище из стекла и бетона. Освобождая чердак, внук обнаружил там книги и решил от них избавиться. Роберт лишь одним глазком взглянул и предложил за все пятьсот долларов, и парень с радостью отправил чек в карман.

С трудом поверив в свою удачу, Роберт, видимо, дождался закрытия магазина и ухватился за коробку, чтобы переложить ее на стол и теперь уже внимательно ознакомиться с содержанием. Напрасно он это затеял.

Книги в твердой обложке довольно увесисты. И хотя Роберт десятки лет таскал их туда-сюда, возраст есть возраст. Когда тебе шестьдесят восемь и сердце в наилучшей форме, едва ли стоит браться за такую тяжесть.

Букинистика – занятие не самое прибыльное, но Роберт вопреки всем невзгодам продержался в этом бизнесе двадцать шесть лет, торгуя книгами самой разной направленности. Однако «Драгоценные находки» – нечто большее, нежели просто книжный магазин. В Поке-тауне они стали очагом культурной жизни, центром увлечений городка: тут и читательские кружки, и писательский клуб, и кофейные утреники, и музыкальные вечера. Далеко не все посетители устаивали хотя бы взглядом товар на стеллажах. Очень немногие делали покупки или дарили книги Роберту в знак благодарности, поэтому нелегко понять, почему он до сих пор не вылетел в трубу. Сам он объяснял, что его выручает посылочная торговля, а позднее на помощь пришел Интернет.

Безвременная кончина Роберта вызвала множество проблем. Таня Трипп, считанные месяцы проработавшая в его магазине продавцом, получила сильнейшее нервное потрясение, когда обнаружила тело, и тут же на нее свалилась куча срочных дел: надо вызывать врача, потом звонить в похоронное бюро и, наконец, искать родственников Роберта.

Напрасный труд – в живых не осталось ни одного Риппла. Роберт никогда не был женат. Похоже, о похоронах следует позаботиться благодарным посетителям магазина. И кому-то придется взять на себя организацию этого мероприятия. Тане, кому же еще!

К счастью, эта молодая особа была энергичной, с характером таким же твердым, как и ее мускулатура. На сверхурочную неоплачиваемую работу она не жаловалась даже себе самой.

Никто не сомневался, что причиной смерти стала попытка поднять коробку с книгами Агаты Кристи, но даже в таких случаях полагается вскрытие. Патологоанатом обнаружил серьезный ушиб головы и счел, что он получен при падении. А умер книготорговец от инфаркта. Все просто.

Непросто стало потом. Тане не удалось найти завещание. Она обыскала «офис», где скончался Роберт, и его жилище наверху, где прежде не бывала. Заурядный человек на ее месте вошел бы в комнаты мертвеца, испытывая страх. Но Таня, решительная и хладнокровная, была личностью незаурядной. Без малейшего трепета она разыскала паспорт Роберта, его свидетельство о рождении и налоговую отчетность. Но где же завещание? Обратилась в его банк – там ничего не нашлось.

Тут один из самых состоятельных завсегдатаев предложил оплатить похороны, а прочие друзья Роберта собрали деньги, чтобы достойно помянуть его в «Драгоценных находках». Такое впечатление, будто Роберт всерьез рассчитывал на душевные проводы.

Стол накрыли в подсобке – она и раньше служила для разных посиделок. Хранившиеся здесь книги не считались ценными. В любой букинистической лавке накапливается товар, который вряд ли удастся сбыть: ужастики, переставшие ужасать, научная фантастика, отставшая и в научном, и в развлекательном плане от современных вкусов. Спрашивается, что мешает выбросить весь этот хлам? Иногда кое-что мешает. Например, в журналах девятнадцатого века есть гравюры, которые можно вырезать, поместить в рамки и продать отдельно, как эстампы. У Роберта до подобной возни не доходили руки, и неликвид годами ждал своего часа в подсобке. В самом низу на стеллажах покоились тяжелые тома: устаревшие энциклопедии, словари, художественные альбомы. Выше – сборники произведений и клубные издания давно забытых авторов. Над ними – малотиражная проза и поэзия. И на самом верху, в побуревших, с замятыми уголками обложках – полные собрания сочинений Миченера, Хейли и Клавелла.

Конечно, это помещение не годилось бы для собраний, не будь стеллажи в его средней части передвижными, на колесиках. В углу стояли сложенные штабелем пластмассовые кресла. Денег с организаторов Роберт не брал, его вполне устраивало, что люди проходят через торговые залы и задерживаются иногда, чтобы взять в руки приглянувшуюся книжку. По вторникам

в подсобке собиралось историческое общество Покетауна, по средам – арт-клуб, по четвергам – шахматный кружок, и так далее. Во второй половине дня и по вечерам, кроме воскресенья и понедельника, здесь что-нибудь обязательно происходило.

А теперь здесь проходили поминки.

Класс музыкального развития пригласил знакомого ирландского скрипача, тот привел четырех друзей, и они взялись поднять настроение людям, скорбящим по безвременно ушедшему другу. А людей пришло столько, что подсобка всех не вместила; остальные залы тоже оказались заполнены.

Ирландцы играли в мажоре, дешевого вина было вволю, так что грусть мешалась с весельем. Но еще и с озабоченностью: как быть дальше? Некоторое время магазин поработает под Таниным управлением, но нет уверенности, что он не закроется.

– Придется продать, – сказала Таня в перерыве между джигами. – Наследника-то нет.

– И кто же купит книжный магазин в такие трудные времена? – спросил Джордж Дигби-Смит, один из «друзей Англии», собиравшихся нерегулярно по пятницам, предположительно для разговоров про крикет, чай со сливками и прочие радости британского бытия. Вообще-то, для Англии Джордж был не просто другом. Он родился там шестьдесят лет назад. – Кто-нибудь выбросит книги и переделает комнаты в жилые.

– Только через мой труп! – возмущенно заявила Мертл Рафферти, тоже из «друзей Англии».

– Спасибо, не надо, – буркнул Джордж. – Один труп уже есть.

– Нельзя же просто сидеть и ничего не предпринимать! Магазин так много значит в нашей жизни!

– Э, народ, – вмешался один из любителей утреннего кофе, – давайте-ка без розовых очков. Никто из нас не потянет этот бизнес, даже если средства найдутся.

– Таня в книгах разбирается, – сразу же возразил Джордж. – И она потеряет работу, если закроется магазин. Что скажешь, Таня?

Вопрос поставил молодую женщину в тупик. Много ли времени прошло с того утра, когда она пришла сюда и спросила у Роберта, не нужен ли ему продавец? Оказалось, что еще как нужен, хозяин зашивается без помощника, и свою зарплату Таня отработывала до последнего цента. Мягкая в общении женщина, которой не исполнилось еще тридцати, скользила между стеллажами бесшумным призраком и умело наводила порядок, предоставляя Роберту разбираться с посетителями.

– Купить? Нет, нереально.

– А я и не предлагаю купить. Но управлять им ты сможешь. Мы же видели: у тебя это куда лучше получалось, чем у старины Роберта.

– Нехорошо так говорить, – упрекнула Мертл.

Лицо Джорджа, и без того всегда красное, побагровело.

– Но ведь правда же.

– Все мы перед Робертом в долгу, – сказала Мертл.

– Да упокой Господь его душу. – Джордж поднял бокал. – За Роберта, книжника до мозга костей, ушедшего, но незабвенного. Роберт – это сток в хорошем смысле этого слова.

– Ты о чем?

– Сток – это залежавшийся товар. Он не исчез; он где-то там, куда он стек.

– По-моему, тут уместнее укладка в коробку и отправка по почте, – пробормотал мужчина из кофейного клуба.

– Или переработка на макулатуру.

Мертл не внимала шуткам, она думала о деле.

– Таня не отвергла идею Джорджа. Она держала бы магазин, будь у нее такая возможность.

Таня промолчала.

– А что происходит, когда человек умирает, не оставив завещания? – спросил Джордж. Айвор Циплински, руководитель исторического общества, слегка разбирался в законах.

– Назначается распорядитель, ведутся широкие поиски родни, даже самой далекой.

– Я уже искала, – сказала Таня. – Бесполезно.

– Двоюродные, троюродные братья, сестры? Может, внучатые племянники?

– Ни одного.

– А если родственники не обнаруживаются? – спросила Мертл у Айвора.

– Тогда это выморочное имущество, и оно переходит в казну.

– Какое-какое?

– Выморочное. Это юридический термин, означающий, что наследство автоматически достается государству.

– И противно же звучит! – сказал Джордж.

– Даже думать об этом противно, – кивнула Мертл. – Наш любимый книжный магазин приберут к рукам бюрократы.

– Это пришло из феодального права, – пояснил Айвор.

– Лучше бы оно там и осталось, – проворчала Мертл. – Ну надо же, «выморочное»! Это от слова «морочить», точно. Морочат голову приличным людям, чтобы лишить их невинных радостей. Нельзя этого допустить. «Драгоценные находки» – главное сокровище нашего города.

– Только не предлагай сообща выкупить магазин, – предупредил Айвор. – Как ни дорог он нам, мало кто пожелает впрячься в такой сомнительный бизнес. Это не на похороны скинуться. Меня можешь сразу вычеркнуть.

– И это называется «историческое общество»! – фыркнула Мертл. – Война еще не началась, а вы уже капитулировали. Но зато «Друзья Англии» слеплены из другого теста. Напомню тебе, Айвор, на тот случай, если в четверговые вечера вы этого не проходили: шестьсот лет назад, в знаменитой битве при Азенкуре, англичане стояли насмерть. А еще вспомни, кто преградил путь испанской армаде.

– Не забудем также Веллингтона при Ватерлоо и Нельсона при Трафальгаре, – добавил Джордж.

– Майкл Кейн, – вставил Эдвард, третий «друг Англии».

Это вызвало недоумевающие взгляды. Потом Джордж понял:

– «Зулусы», фильм. Ты про бой за Роркс-Дрифт.

– Битва за Британию! – на высокой торжественной ноте закончила Мертл.

– Кто эти люди? – поинтересовался мужчина из кофейного клуба.

Интересный вопрос. Мертл, Джордж и Эдвард собирались в подсобке не каждую пятницу, но эти встречи начались давным-давно, никто из других кружков уже и не помнил, когда именно. Должно быть, эта тройца под каким-то предлогом обратилась к Роберту и получила добро. Конечно, отказать он не мог, поскольку и сам был англофилом – по крайней мере, в том, что касается книг. Однако больше никто к этому крошечному клубу не примкнул. Свои мероприятия «друзья Англии» никогда не анонсировали – поди угадай, в которую из пятниц состоится очередное. Вас не пригласят на него, даже если вы обожаете все британское, пьете горячее пиво и питаетесь исключительно ростбифами и йоркширским пудингом.

Из этих троих только Джордж имел прямое отношение к Англии. Он покинул ее в конце шестидесятых, будучи юным хиппи с цветками в кудрях и травкой в рюкзаке – ну прямо живой образ из песни «Сан-Франциско». В зрелые годы он расстался с цветами, но не с травой – и по-прежнему носил длинные волосы, теперь поседевшие, стягивая их в конский хвост; его футболки и протертые джинсы еще хранили остатки психоделических красок.

Совсем иначе выглядел Эдвард. Этот рядился под английского джентльмена: синий клубный пиджак, белая сорочка, галстук-шарф, тщательно выглаженные брюки. Отрастил карандашные усики, как у Дэвида Нивена, а волосы чернил, завивал и расчесывал на пробор. И пока не услышишь его речь, нипочем не догадаешься, что он родился и вырос в Бронксе.

Мертл тоже была уроженкой и воспитанницей Нью-Йорка. Волосы она часто перекрашивала – сейчас ее шевелюра представляла собой буйные оранжевые джунгли. Внешностью эту женщину природа не обделила. Этим личиком и этой фигуркой в девяностые прельстился Буч Рафферти, известный гангстер, и Мертл вторично вышла замуж. Буч дарил ей бриллиантовые кольца и водил ужинать в лучшие нью-йоркские рестораны. Но в 2003-м он был застрелен Гритти Болоньей, конкурентом, с которым имел неосторожность временно объединиться ради выгодного преступления. Мертл рассталась с криминальной средой и перебралась в Пенсильванию, где не бедствовала и вела довольно стильную жизнь, поселившись в самой благополучной части города, в большом колониальном особняке. Ее привязанность к старой доброй Англии для всех оставалась загадкой, но в чем никто не сомневался, так это в том, что она спит с Джорджем и Эдвардом, правда не с обоими сразу. Мертл много раз посещала Англию – то с одним, то с другим. Либо мужчины не ревновали ее друг к другу, либо она на диво искусно контролировала отношения.

Мало было известно и о том, чем занимаются «Друзья Англии» в книжном магазине. Подсобка, при всей ее уединенности и уютности, не была оборудована для гериатрического секса. Вполне объяснимое любопытство побудило Таню пристать к Роберту с расспросами, и он высказал предположение, что троица разглядывает туристические буклеты и планирует очередной вояж. Как правило, встречи в подсобке случались непосредственно перед визитами в Англию. На них обязательно присутствовала Мертл и кто-нибудь из ее приятелей, реже оба.

Сейчас все трое были в сборе. Они забрались в самый дальний закуток, где проводили все свои пятничные встречи и где три древних комплекта «Британской энциклопедии» закономерно занимали всю нижнюю часть стеллажа.

– Если магазин станет... как это называется?

– Выморочным имуществом.

– Если это случится, его по-быстрому продадут и мы окажемся в глубоком дерьме.

– Но сначала для нас откроется бесценное окно возможностей, – сказал Джордж. – Государство должно убедиться, что никто не заявит свои права на наследство, а такая проверка – дело небыстрое. Мы должны успеть. Помнится, Мертл, ты хотела в этом месяце посетить Котсуолдс – так вот, поездку придется отложить.

– Эх, гадство! – буркнула Мертл. – Я дни считала. Предлагаешь остаться здесь и что-нибудь предпринять?

– Нельзя же просто ждать конца.

– Есть наколки? – спросил Эдвард, и по разочарованию в его голосе можно было понять, что в этот раз сопровождать Мертл должен был он.

Джордж поглядел по сторонам и понизил голос:

– Есть одна идея, очень смелая, но сейчас не время и не место ее обсуждать.

– Назначим встречу? – заинтересовалась Мертл. – Давайте на этой неделе. Разрешение Роберта больше не требуется.

– Вежливости ради надо бы предупредить Таню, – сказал Джордж.

– И объяснить ей, что ты задумал?

– Еще чего! Просто скажу, что нам надо собраться, пусть запишет нас на пятницу.

В пятницу подсобка оказалась в полном распоряжении «Друзей Англии». Таня хлопотала в офисе, посетителей не было. С тех пор как «Покетаун обсервер» сообщил о кончине Роберта Риппла, в торговых залах «Драгоценных находок» почти не звучали шаги.

Даже Эдвард, все еще грустный из-за сорвавшейся поездки в Котсуолдс, был вынужден признать: Джордж придумал весьма толковый план.

– Не просто толковый, а гениальный, – возразила Мертл. – И магазин спасем, и сможем заниматься тем же, чем раньше. – Откинувшись в кресле, она поглаживала корешки «Британской энциклопедии». – «Друзья Англии» будут встречаться здесь до скончания века.

– Ну, по крайней мере, пока средства позволяют, – сказал Джордж. – До сих пор мы вели себя разумно, давайте продолжать в том же духе.

Джорджа в этой компании уважали. Его умные, вразумляющие советы позволяли троице вести комфортное существование в глуши, и это продолжалось уже долго. Говоря откровенно, клуб «Друзья Англии» был создан на основе общей выгоды. Когда-то Джордж и Эдвард принадлежали к шайке Буча Рафферти, а упомянутые средства были добыты путем ограбления инкассаторской машины.

– Моему милому Бучу понравился бы этот план, – задумчиво глядя в пустоту, произнесла Мертл. – Будто наяву слышу, как он говорит: «Не все просто, что ясно».

– Не фраернулся бы Буч, мы бы здесь не гасились, – проворчал по-прежнему мрачный Эдвард. – Остались бы в Нью-Йорке, жихтарили бы стильно.

– Не говори глупостей, – сказала Мертл. – Ты бы за полгода проиграл свою долю. Жил бы, может, и в Нью-Йорке, но ходил в обносках и ночевал в Центральном парке. Я тебя, Эдвард, знаю лучше, чем ты сам.

– Тут похуже, чем в Центральном парке, – возразил он. – Этим Покетауном я уже сыт по горло. Давным-давно надо было свалить из Пенсильвании.

– Хватит, а?

– Мой план только потому и может сработать, что мы в Пенсильвании, – сказал Джордж.

– Лучше бы ему сработать, – скривился Эдвард.

– А Таню, мне кажется, нужно привлечь на начальном этапе, – продолжал Джордж.

– На кой ее привлекать? – возмутился Эдвард. – При чем тут эта бикса? Ты что, запал на нее?

– Я запал? Очень смешно. Это ты на нее все время пялишься.

– Джордж, прекрати, – вмешалась Мертл. – Тебе сколько лет? Вот и води себя соответственно. Это обоих касается. Насчет Тани я согласна с Эдвардом: пока ей ничего знать не нужно.

Получив поддержку, Эдвард едва не замурлыкал.

– Чем больше в корыте рыл, тем меньше хавки на рыло, – проговорил он. – Это тоже из Буча.

– Ладно, как скажете, – не стал спорить Джордж. – Таню не посвящаем. Будет ей приятный сюрприз.

– Как разделим работу? – спросила Мертл.

– Я бы взял на себя бумажную, если не возражаешь, – ответил Джордж. – С английским языком я в ладах.

– Только покороче и попроще. Без выкрутасов.

– Стало быть, решено?

Эдвард выразил согласие, пожав плечами.

– Мы с тобой тоже примем участие, – сказала ему Мертл. – Буч говорил еще вот что: «Каждый обязан запачкать руки».

– Да без проблем, – проворчал Эдвард. – А что именно мне замантулить?

– Нужно добыть кредитную карточку Роберта, – сказал Джордж.

Эдвард отрицательно покачал головой:

– Нет уж. Пойдем этим путем – в два счета погорим.

Резко, раздраженно вздохнув, Джордж объяснил:

- Мы не будем ничего покупать по кредитке.
- Тогда какой с нее понт? – Миг спустя Эдвард сообразил: – Подпись на обороте!
- Верно, – подтвердила Мертл. – Справишься?
- Геморно это.
- Почему? Наверняка Роберт пользовался карточкой, сейчас у всех такие.
- И где мне ее ништарить?
- «И где мне ее ништарить»! – передразнила Мертл. – Это называется – он готов запачкать руки. Предполагаю, что она валяется где-то в офисе.
- Таня оттуда не вылезит.
- Мертл закатила глаза:
- Господи помилуй! Эдвард, если тебе не по зубам такой пустяк, достоин ли ты быть одним из нас?
- Джордж взял дипломатический тон:
- Да ладно, дружище, чего тебе стоит поболтать с Таней? Ты же глаз неводишь с ее тугой попки.
- Джордж, прекрати! – рявкнула Мертл и повернулась к Эдварду. – Вымани ее под каким-нибудь предлогом из офиса и пошмонай там.
- Ладно, попробую, – неохотно пообещал Эдвард и взглянул на Мертл. – А сама-то как собираешься руки ганить?
- Я-то? Найду лучшее место для закладки.

Без преувеличения, за одну ночь Таня из продавца превратилась во временную хозяйку магазина и управляющую всем имуществом Роберта. Сама она не напрашивалась, но желающих впрячься вместо нее не нашлось. Ладно, с работы пока не гонят, и то хорошо.

Таня решила делать все по-прежнему, пока какой-нибудь представитель власти не потребует закрыть магазин. Оплату принимать наличными, товар не закупать, бухгалтерию вести аккуратно. К банковскому счету Роберта у нее доступа нет, но в кассе остались деньги, и книги помаленьку продаются.

А пока она, как могла, воевала с хаосом, царившим в офисе Роберта. Систему учета хозяин забросил много лет назад. День за днем Таня сортировала бумаги, разбиралась с корреспонденцией и сообщала клиентам о случившемся. Когда-нибудь кто-нибудь явится в «Драгоценные находки» для инвентаризации – ох и тяжело же ему придется. В компьютере ничего нет, даже учетных документов. Роберт по старинке пользовался отрывными товарными чеками и копировальной бумагой.

Она взглянула на лежащую поодаль коробку с романами Агаты Кристи, по чьей вине скончался бедный Роберт. После того как увезли тело, Таня с помощью клейкой ленты починила коробку, вернула в нее вывалившиеся книги и перетащила ее в соседний зал, в секцию детективов. И как же теперь оценить их? Роберт заплатил за все пятьсот долларов, значит это не дешевые издания. К коробке прилеплена копия счета на оплату, но без перечня названий. «Романы Агаты Кристи, по договоренности», и только.

Таня подошла к коробке и взяла «Загадочное происшествие в Стайлзе», первый роман классика. Состояние, безусловно, хорошее, даже суперобложка на месте. Таня знала, что первые издания Агаты Кристи стоят дорого, но решила, что это наверняка более поздний тираж или репринт. Глупо было бы поверить, что она нашла клад.

На корешке Таня прочла название издательства: «Бодли Хед». Значит, книга напечатана в Англии. Посмотрела выходные данные: 1921 год. Нет причин сомневаться, что это первое издание.

Запах, как у старой книги, а по виду – нечитаная. Неужели такое возможно?

У Тани участилось сердцебиение. В этом бизнесе она без году неделя, но как-то раз Роберт сказал, что Агата Кристи в супере – коллекционная редкость: книготорговцы имели обыкновение выставлять эти книги «голыми», демонстрируя тканевый переплет.

В офисе напротив входа стоял стеллаж со справочной литературой, среди которой было несколько аукционных каталогов. Таня сняла один из них, нашла нужную страницу и узнала, что в прошлом году книга 1921 года издания, выпущенная «Бодли Хед», без суперобложки, ушла за десять с лишним тысяч долларов. А книга в супере, похоже, не выставлялась на аукционы уже лет пятьдесят.

– Обалдеть! – ахнула Таня.

Неудивительно, что Роберт ухватился за эту коллекцию. Он был достаточно опытен, чтобы почуять жирный навар; один этот томик многократно перекрывает заплаченную им цену. Легко представить его эмоциональное состояние в тот воскресный вечер. Нагрузка на больное сердце оказалась невыносимой.

Удача, какая выпадает только раз в жизни, эту самую жизнь и пришибла.

А теперь Таня беспокоилась за собственное сердце, – казалось, в груди буйствовал рок-ансамбль.

Если книжка без супера тянет на десять косарей, сколько же можно выручить за эту вот очаровательную малютку? Уж наверняка хватило бы на несколько безбедных месяцев, если не лет.

Роберт с компьютером не дружил, для него это была всего лишь продвинутая пишущая машинка. Свою клиентскую базу он держал в каталожном шкафу. Таня быстро перелистала карточки в поисках состоятельных людей, интересующихся «золотым веком британского детектива», по выражению Роберта. Она выбрала пять карточек, каждая – с указанием заключенных сделок и сумм, выплаченных за ранние издания Агаты Кристи, Дороти Л. Сэйерс и Энтони Беркли. Цифры не пятизначные, но и книги наверняка были не в таком отличном состоянии, как эти.

Таня решила: не будет лишним, если она позвонит кому-нибудь из этих клиентов и спросит, не заинтересует ли их первое издание «Загадочного происшествия в Стайлзе» – «Бодли Хед», 1921 год, суперобложка.

– Надо бы взглянуть, – ответил первый, явно стараясь говорить равнодушно. Но тут же сдался и добавил: – Вы даже не представились. Откуда звоните? Я могу и прилететь.

Таня была осторожна:

– Честно говоря, я собираюсь переговорить и с другими потенциальными покупателями.

– Сколько вы хотите? – еще пуще возбудился собеседник. – Готов перевести деньги на любой счет, который вы назовете, и без вопросов. Назовите цену.

Коллекционирование – штука заразная.

– С этим еще не решено, – ответила Таня. – Всего лишь предварительный опрос: выясняю, кому может быть интересно. Как я уже сказала, буду звонить и другим.

– Вы что, хотите ее продать на аукционе?

– Нет, к аукционисту я обращаться не стану. Это будет продажа по частному соглашению. Но для начала я хочу выяснить, кто может предложить наилучшие условия.

– Вы сказали, есть оригинальный супер? В каком состоянии? Бывает, что клапан надорван или утрачен...

– В идеальном, не беспокойтесь.

Пауза. Затем:

– Я бы предложил шестизначную сумму. А если я смогу убедиться, что нет ни загрязнений, ни повреждений, и узнать историю экземпляра, цена может быть повышена.

Шестизначная сумма?! Неужели правда?

– Спасибо, – с трудом выговорила потрясенная Таня. – Но мне нужно обзвонить еще...

– К черту! Сто двадцать штук!

Таня судорожно сглотнула:

– Я пока не принимаю предложений, но, возможно, снова обращусь к вам.

– Сто сорок! – собеседник пришел в ужас, сообразив, что разговор вот-вот прекратится.

– Буду иметь в виду. – И Таня положила трубку.

Она позвонила другому коллекционеру детективов «золотого века». Этого не интересовали ни пятна на книге, ни ее история. Он даже не пытался скрыть возбуждение:

– Леди, назовите вашу цену! Я за эту вещь убить готов! – И, не дожидаясь торга, предложил сто пятьдесят тысяч. – Если хотите, в подержанных банкнотах.

Больше Таня никому не звонила. Надо было разобраться с мыслями. Всех в Покетауне так потрясла внезапная смерть Роберта, что книги Агаты Кристи оказались забыты. Одна лишь Таня задумалась об их возможной стоимости – и была ошеломлена предложениями библиофилов. Неужели суперобложка, лист бумаги с односторонней печатью, способен увеличить цену книги больше чем на сто тысяч?

Она вынула из коробки еще несколько томов. Все первые издания: «Убийство на поле для гольфа», «Тайна замка Чимниз», «Убийство Роберта Экройда». Как же удачно, что на коробке не указано количество книг! Только копия счета – за все. «Романы Агаты Кристи, согласно договоренности». Можно унести домой дюжину, и никто не узнает. А Таня разбогатеет. Да еще как!

Ей ведь недолго управлять этим магазином. Ходят слухи, что уже назначен распорядитель имущества.

На столе зазвонил телефон. Таня аж вздрогнула от неожиданности. И, словно она была не одна в помещении, положила книгу передней обложкой книзу, да еще и прикрыла рукой.

– Мисс Трипп?

– Я вас слушаю.

– Это Джонсон, из банка, насчет имущества мистера Риппла.

– Имущества мистера Риппла? – машинально повторила она.

– Когда мы в последний раз беседовали, вы сказали, что намерены искать его завещание. С тех пор от вас не было звонка. Полагаю, поиски не дали результатов.

– Поиски не дали результатов...

– Мисс Трипп, все ли у вас в порядке? Кажется, вы чем-то озабочены.

– Да столько всего навалилось... Извините. Вы спросили про завещание. Нет, не нашлось. Я где только не искала.

– Сколько это уже продолжается, пять недель? Похоже, вскоре придется признать, что мистер Риппл скончался, не оставив завещания.

– Боюсь, что так и будет.

– Смерть без завещания – не такой уж и редкий случай даже среди стариков. Здесь, в Пенсильвании, закон на этот счет вполне прямолинеен. Мы назначаем распорядителя, он полностью оценивает имущество и разыскивает возможных наследников.

Тане стоило огромных усилий отвлечься от Агаты Кристи.

– Я уже пыталась связаться с его семьей перед похоронами, но никого, похоже, не осталось. Как вы знаете, он никогда не был женат, не имел братьев или сестер. Даже двоюродных найти не удалось.

– Если это подтвердится, имущество будет отчуждено в пользу Содружества Пенсильвании. Основными активами Роберта были магазин и квартира над ним. Вы еще не определились?

– Определилась?

– Насчет новой работы?

– А-а-а... Еще нет. Сколько у меня времени?

– Вы о магазине? Пожалуй, неделя. Я обязан вызвать администратора, и обычно он не заставляет себя ждать.

– Прикажет закрыться?

– Между нами, вам уже давно следовало закрыться, но я знаю, каким ударом это будет для нашей общины, и поэтому не тороплю события.

После этого разговора Таня взяла фирменную сумку «Драгоценных находок» и наполнила ее книгами Агаты Кристи. Общине она не в силах помочь, но будет последней душой, если не поможет себе.

На следующее утро, когда Таня пришла открывать магазин, у входа ее дожидался Эдвард, «друг Англии», похожий на Дэвида Нивена, – как всегда холеный, безупречно одетый. В руках он держал пластиковые стаканы с кофе.

– Как поживаешь? – Едва он открыл рот, оттуда полился шарм.

– Да шикарно, – ответила она, нисколько не преувеличив, но тотчас спохватилась и взяла расстроенный тон: – Вот только с магазином, похоже, беда. Через неделю явится распорядитель имущества.

– Так скоро? И правда плохо. – В голосе Эдварда почему-то не было ни малейшей обеспокоенности. – Таня, я тебе кофе принес. Латте, обезжиренный, без сиропа, в высоком стакане, правильно?

Он протянул ей стакан.

– Откуда знаешь?

– Вчера утром сидел в «Старбаксе» у тебя за спиной.

– И запомнил? Какой ты добрый. Не хочешь ли зайти?

Как тут не пригласишь...

Эдвард поискал стул, но свободных не было, так что он поставил кофе на каталожный шкаф, с которым пыталась кое-как разобраться Таня. Стакан не выдавал намерения опрокинуться – и обманул. Крышка соскочила, черный американо потек по металлическому боку шкафа. С воплем «О господи!» Таня кинулась к рабочему столу, где в ящике лежали салфетки «Клинекс».

– Не кипишуй, – сказал Эдвард, быстро осмотрев свой костюм. – На меня не попало.

А Таня уже стояла на коленях, оттаскивала коробку с Агатой Кристи от капающего кофе, и голос ее звучал пронзительно от ужаса:

– Все на книги пролилось!

Эдвард подошел поближе, взглянул:

– Твою же мать! – После чего пожертвовал белоснежным платком из нагрудного кармана, чтобы вытереть каталожный шкаф.

А затем, увидев Танину паническую попытку обсушить книги в коробке, опустился на корточки и стал промокать.

– Не надо! Только хуже делаешь! – взмолилась она. – Это особые книги!

– Особые?

Таня уловила в его голосе интерес. Но прежде чем она осознала свою ошибку, слова хлынули потоком:

– Первые издания Агаты Кристи, охренеть какие дорожные! Помогите переложить. Большинство теперь испорчено...

Эдвард стал переносить мокрые книги на ее стол.

– Агата Кристи, говоришь? Ценные, в натуре?

– Были ценные, пока ты не... – Таня осеклась, сообразив, что слишком много болтает, – вот же идиотка! – и попыталась отыграть: – Роберт пять сотен за них выложил. Случайная сделка...

– Пятьсот баксов за это барахло? – присвистнул Эдвард. – А я слышал, книжки теперь просто отдают, чтобы дома не держать.

– Не такие. Этим больше семидесяти лет, и ни единого пятнышка... не было.

– Высохнут – и можно будет читать.

Таня тяжело вздохнула: растяпа даже не представляет, какой чудовищный ущерб он нанес.

А может, это и к лучшему?

Оправившись от шока, она постаралась успокоиться и с помощью Эдварда опустошила коробку. И сказала себе, осмотрев книги, что катастрофа не так уж и страшна. К счастью, лучшие предметы коллекции целы и невредимы, лежат у нее дома. А эти она оставила для блезиру, на случай, если кто-нибудь заинтересуется последней сделкой Роберта.

Эдвард еще раз протер каталожный шкаф, как будто проблема заключалась в нем.

– Тут теперь алмазно, – похвалил он.

– Прибираюсь помаленьку, – отозвалась Таня. – Роберт был не ахти какой аккуратист.

– А что с завещанием? – спросил Эдвард. – Так и не нашлось?

– Завещание? – Таня заставила себя думать о Робертовом имуществе. – Давай смотреть правде в глаза. Завещания нет, а значит, у нас нет будущего.

– Где он держал свои корки?

– Все перерыла. Свидетельство о рождении – наверху, налоговые декларации и выписки по кредитным картам – здесь, в ящиках стола. Банковские документы – в каталожном шкафу, в самой глубине.

– Водительское удостоверение?

– В машине на улице. Я даже там искала.

– Кредитки?

– Лежали в заднем кармане, полная визитница. На прошлой неделе их вернули из морга. Я все разрезала, но сначала переписала номера.

– Ништяк решение, – похвалил Эдвард, переборов спазм лицевых мышц.

– Получается, покетаунской эпохе настал конец. – Таня понемногу приходила в себя. – Что будет с вами, «друзьями Англии»? Найдете, куда перебраться?

Эдвард покачал головой:

– Такой козырной масти, как здесь, нигде не найдем.

– Значит, все?

– Похоже на то. – Но эта перспектива его как будто нисколько не расстраивала. Он взглянул на шеренги унылых мокрых книг. – Я тут это... хочу типа извиниться. Как насчет пообедать вместе?

– Это еще зачем?

– Да я же вон как накосячил. В натуре, должен отмазаться, хотя бы хавкой угостить. Знавал я кореша одного, так он ботал: «Шмальнул себе в копыто – учись скакать на здоровом».

Таня натужно улыбнулась:

– Ну хорошо. Когда?

Обедали в «Джиммисе», лучшем ресторане на Мейн-стрит. К этому времени Таня уже полностью взяла себя в руки. Все-таки дома достаточно неповрежденных книг Агаты Кристи, чтобы разбогатеть. А этот тет-а-тет с Эдвардом – неплохой шанс узнать о том, ради чего она и прибыла в Покетаун.

Но сначала они съели пасту «волосы ангела» с пряными креветками по-тайски, и за это время Эдвард выпил три бокала шабли.

– Итак, дни «Драгоценных находок» сочтены. В связи с этим можно задать тебе один вопрос?

– Валяй.

– Что происходит на ваших встречах?

– На встречах? – переспросил Эдвард так, будто не понял значения слова.

Таня испугалась, что он уже пьян.

– На собраниях «друзей Англии». Я как-то раз спросила у Роберта, но он, похоже, не знал. Была у него такая манера: говорит-говорит, а ничего толком не скажет.

– Да ничего не происходит, – осторожно ответил Эдвард. – Просто перетираем то да се.

– Ну, перетирать-то вы можете где угодно. Если закроется магазин, для вас это не станет катастрофой.

– Все не так просто, – сказал Эдвард, стараясь не смотреть в глаза. – Не можем мы дыру поменять на раз-два.

– Не понимаю почему.

– А тебе и не надо понимать.

Пришлось дожидаться, когда Эдвард осушит четвертый бокал.

– Расскажи хотя бы, как сложилась ваша компания.

– Мы же все из Нью-Йорка.

– И Мертл была там замужем за человеком, которого потом убили?

– Ага, – кивнул Эдвард. – За Бучем Рафферти.

– Слыхала я про мистера Рафферти. Считался крутым парнем. Предводитель гангстеров, да? Могу себе представить, что влечет женщин к таким мужчинам. – От Тани не укрылось то, как распахнулись глаза Эдварда, как расправились его плечи. – Ты его знал?

– Знал ли я Буча?! – Для убедительности Эдвард слегка выпятил челюсть.

– Близко, да?

Эдвард поставил бокал, соединил мизинцы в одну линию и так сильно прижал друг к другу, что они покраснели.

– Ну, типа того.

– Ух ты! Наверное, после смерти мистера Рафферти для его друзей настали нелегкие времена. Вам пришлось покинуть Нью-Йорк?

– Мы не дрейфанули, – буркнул Эдвард.

– «Мы» – это ты, Мертл и Джордж? Вы еще в Нью-Йорке познакомились?

– Точно. И решили сюда рвануть.

– Я слыхала, там ограбили инкассаторский фургон. Громкое было дело, из-за него у Буча будто бы вышел конфликт с Гритти Болоньей.

У Эдварда напряглись мышцы рта.

– Да ты, по ходу, в теме.

Таня почувствовала, что краснеет.

– Ну, об этом кричали все газеты. А когда я узнала, кем был муж Мертл, то стала читать эти статьи. Я же любопытная.

– Любопытство сгубило кошку.

Эта пословица, которую Эдвард узнал не от Буча, положила конец нежелательному разговору.

– Ладно, спасибо за обед, – сказала Таня через несколько минут. – Было очень вкусно.

– Давай завтра повторим.

Для нее это прозвучало как музыка.

– Почему нет? В этот раз заплачу я.

Она может себе это позволить – у нее есть первые издания Агаты Кристи. Эдвард снова налижется и обязательно разговорится.

Отрадно было узнать, что упоминание о нью-йоркском ограблении не заставило Эдварда замкнуться в себе. Теперь он изображал заботливого джентльмена:

- Слышь, давай я еще каталожный шкаф почищу.
- Он же закрыт, – возразила Таня.
- Все равно кофе мог туда протечь. Я полукаю, ладно?

– Господи, чем же он занимается, а? – сказал в конце недели Джордж. – Сегодня в обед я видел его выходящим из «Джиммиса». Это уже регулярные свидания.

– Ублажает ее, надо думать, – ответила Мертл. – Мы сами его на это подбили, не помнишь, что ли?

– Потому что нам понадобилась кредитка с подписью Роберта. В каталожном шкафу Эдвард нашел старую квитанционную книжку с кучей подписей, но это было три дня назад. Он свою задачу выполнил, книжка у меня. Ему не нужно каждый день обедать с Таней.

– Старый дурак, – вздохнула Мертл. – Нет у него шансов. Крутой прикид заставляет мужчину мнить о себе невесть что. Но когда мужчина голый, сам Господь ему не поможет.

– Это из Буча?

– Нет, из меня.

– Ох, не нравится мне все это, Мертл. – Джордж, когда нервничал, хватался за свой конский хвост и натягивал его поперек горла. – А ну как он проболтается?

– Насчет нашей затеи?

– Нет, насчет инкассаторского фургона.

– Ей это неинтересно. У нее из-за магазина голова пухнет, а скоро навалятся новые заботы. Как продвигается наш проект?

– Я свою часть выполнил. – Джордж полез в карман. – Твой черед.

– Отлично, – кивнула Мертл. – Завтра отнесу подарочек для нашей прелестницы, пока Эдвард будет оттачивать на ней свое обаяние в «Джиммисе».

– Знаешь, я вот все думаю... – сказала Таня за очередным обедом.

– Ну? – У Эдварда, уже опустошившего бутылку шабли и взявшегося за бурбон, глаза были мутными, как будто созрели для операции по удалению катаракты.

– О Роберте, – продолжила она, – и о том, что вас троих с ним связывало. Он когда-нибудь бывал в Нью-Йорке?

– А то! – Эдвард даже ладонью по столу хлопнул. – Но это давние дела, мы все были куда моложе.

– В банде Буча Рафферти?

– Я что, базланул, что он был в банде? – Речь Эдварда уже стала невнятной. – Не был, но все мы его знали. Он юмал барменом на Бауэри, расслаблялись мы в том шалмане.

– Надежный человек?

– Точно. Как и все в семье.

– В семье Буча?

– Ага. Нравился Бучу этот фраерок, да и нам тоже. Роберт зря боталом не шлепал и рогом не шевелил. А ведь там серьезные терки терлись.

– Нью-йоркский бармен, значит? Как-то далековато от покетаунского букиниста, нет?

– Была у него мечта: свалить из большого города и обзавестись книжным лабазом. Так он и сделал, когда на кармане захрустело.

– За стойкой, что ли, накопил? – недоверчиво спросила Таня.

– Буч ему тусанул на ход ноги. Буч, он был такой. И ведь не пропало лаве. Буч знал: ежели припечет, в пенсильванском Покетауне нас будет ждать надежная хаза. – Эдвард сокрушенно покачал головой. – Как же жалко, что ему не дали рвануть сюда вместе с нами!

Все это было известно Тане. Но она хотела знать больше.

– Стало быть, когда убили Буча, кое-кто из вашей шайки перебрался в Покетаун?

Эдвард кивнул:

– Мертл идею подкинула. Она была в курсах, что Роберт книжками тут барыжит.

– Мертл была активным членом банды?

– На работу не ходила, но наколки давала хорошие, мозги у нее варят. Помогала Бучу все планировать. – Он часто заморгал, будто на миг протрезвел. – А ты, часом, не баллон?

– В смысле – не коп переодетый? Конечно нет. Просто мне очень нравятся ваши громкие дела.

Успокоившись, Эдвард ухватился за бутылку и наполнил стакан бурбоном.

– Сексуально, да?

– Я бы сказала – волнующе.

– Умеешь же ты свое волнение ныкать.

– Лыстец! – Хмель не мешал Тане тщательно продумывать вопросы: она еще не допила первый бокал. Вопросик насчет баллона – тревожный звонок. Эдвард, конечно же, ткнул пальцем в небо, но все же не стоит его недооценивать. – А почему вы «друзья Англии»? Почему собираетесь в магазине? Только там можно поговорить без свидетелей?

– Где хотим, там и собираемся. Мы в свободной стране.

– Ах, какие же мы таинственные! – улыбнулась она.

Эдвард ухмыльнулся в ответ:

– А ты как хотела? В отношениях должна быть таинственность.

– Кто говорит об... – Таня осеклась, почувствовав на бедре мужскую ладонь.

Все шло по ее плану.

Самостоятельно добраться до «Драгоценных находок» он бы не смог, и Таня подставила ему плечо.

– Может, закроешь лавочку пораньше?

– Отличная мысль, – сказала Таня. – Я и сама об этом думала. – Она и не собиралась открывать магазин после обеда.

Пропустив Эдварда внутрь, Таня задвинула засовы и перевернула висящую на двери табличку словом «Закрето» к улице. Затем сказала гостю:

– Столько вина – теперь неплохо бы кофейку.

– Мне бы чего повкуснее, – сказал Эдвард и потянулся к ее груди.

Таня отступила за пределы досягаемости.

– Сначала кофе. Есть только растворимый, но не посылать же тебя обратно в «Старбакс». Давай так: я вскипачу воду – и мы перейдем в подсобку, где оба сможем сесть.

– И если я опять пролью, это будет не слишком крутой косяк, – ухмыльнулся Эдвард.

Таня отнесла в подсобку чашки с кофе. Но сначала отправила туда Эдварда – не хотелось поворачиваться к нему спиной.

Он ухитрился снять со штабеля два кресла и плюхнулся в одно из них.

– Даже не мечтал побыть с тобой наедине.

«И какой тебе, пьяному в хлам, с этого толк?» – подумала Таня. Сказала же она совсем другое:

– Ну надо же иногда расслабляться. Почему бы и не в компании знаменитого нью-йоркского гангстера?

Было видно, что Эдварду польстила грубая лесть.

– Очень хочется услышать про ваше последнее дело, про инкассаторский фургон, – продолжала Таня. – Мне казалось, это абсолютно надежная машина, никаким гангстерам не по зубам.

- Можно и касару жмокнуть, – возразил Эдвард. – Были б мозги.
- Так это твоя идея?
- Ага, – ответил гость, с вождением пялясь на Таню. – Та ее часть, что сработала. Тебе интересно, да? Ладно, дам раскладку. Что в касаре самое слабое?
- Колеса?
- Люди. Собирается охранник на работу, и тут к нему гость: «Твоя мамаша у нас, будешь нам помогать». Скотчем лепишь ему на грудь фальшивую мину и предупреждаешь: «Не вздумай рыпнуться, взорвем дистанционно».
- Блеск! – восхитилась Таня. – И ты все это проделал?
- Ну, в основном. Охранник уже запуган, выполняет все, что я говорю. Ведет на стоянку касару. На тебе такая же форма, как на нем. Со стоянки едем в банковское хранилище. Водила шелковый, все делает как надо. Помогает уложить лаву в кузов.
- Гору денег? – широко раскрыла глаза Таня, изображая наивность.
- Мелочь они не возят. И вот ты на улице, за тобой едут кореша на «транзите».
- Джордж?
- Ага, он был в деле. Мы работали с бойцами Гритти Болоньи. У Гритти был суфлер в охранном предприятии, так мы получили адрес водилы и форму. Загоняем касару на склад, грузим мешки в наш фургон и сваливаем.
- А охранник?
- Связали и заперли в касаре. Никакого насилия.
- И много вы взяли?
- Почти миллион фунтов.
- Фунтов?!
- Ага, – с тупой миной на лице повторил Эдвард. – Лоханулись конкретно. Думали, нормальная касара, возит приличное лаву в большие банки. А тут английские фунты для обменников в главных аэропортах Нью-Йорка.
- Целый фургон бесполезных денег!
- Во-во! Новенькие, хрустящие банкноты для туристов.
- Какой облом!
- Кому ты это говоришь? Гритти взбесился, наехал на Буча. Дошло до стрельбы, и наш босс словил маслину. Прикинули мы, что один мокряк Гритти не успокоит, и двинули из города.
- Вы – это ты, Джордж и Мертл? – В ожидании развязки Таня была само терпение.
- Мертл вспомнила, что в Покетауне Роберт жихтарит, и вот мы здесь.
- С фунтами?
- С фунтами. Я надеялся, что они нам пригодятся. И правда, вскоре Роберт рюхнул, как с ними быть.
- Поездки в Англию? Умно.
- Двадцать – тридцать тысяч зараз. Часть лавешек обменивали на баксы, часть расходовали на месте. Помаленьку – банкноты-то свежие, номера идут подряд.
- Потому вы и назвались «друзьями Англии»? Как остроумно! – Таня захлопала в ладоши. – Эдвард, ты гений! И что, все потратили?
- Больше половины осталось.
- И у кого же эти денежки хранятся?
- Да здесь они зажуканы, в сейфах. Мы потому и не хотим, чтобы закрылась лавочка.
- Не нашла я тут никакого сейфа, – произнесла Таня так отстраненно, словно обращалась не к Эдварду, а к неликвидному экземпляру Джейн Остин. – Что ты мне голову морочишь?
- Он лишь улыбнулся.
- Здесь – это где? В подсобке?

Эдвард погрозил ей пальцем, как капризному ребенку:

– Секрет.

Он что, издевается?! Таня давно убедилась, что ни в магазине, ни в жилых комнатах нет никакого сейфа. Всю наличность Роберт держал в кассе. Слишком мало ее было, чтобы тратиться на сейф.

Она сосредоточилась и вперила в Эдварда испепеляющий взгляд:

– Поиграть решил, да? Ладно, давай так: ты откроешь свой секрет, а я – свой.

– К-кой скрт? – спросил Эдвард, крелясь и хватаясь за подлокотники кресла.

– Гадкий мальчишка! Не притворяйся, будто тебе неинтересно.

Перед Таней разыгралась сцена борьбы буйной похоти с реальностью, и первая взяла верх.

– Только это должен быть козырный секрет, – проговорил Эдвард.

– Согласна. Но надо подняться наверх, в спальню.

– Ух ты! – Мужчина заерзал в кресле, словно ему вдруг стало тесно. – Это что, приглашение?

Помедлив, Таня кивнула.

Эдвард огладил усики большим и указательным пальцами и глубоко, с дрожью, вздохнул:

– Сейф рядом с тобой. Можешь коленкой дотронуться.

Таня опустила взгляд:

– Да иди ты!

– «Британская эн... энц...» – Ему не удавалось выговорить.

– «Британская энциклопедия»?

– Средние пять томов. Фальшивые обложки.

Таня склонилась и осмотрела корешки больших книг, занимавших всю нижнюю секцию стеллажа. Выблекшие буквы, истрепанная ткань – обложки как обложки.

– Девятьсот одиннадцатого года, – подсказал Эдвард. – Зеленая. Нажми на золотую фигулю сверху – увидишь.

Большим пальцем Таня надавила на королевский герб и услышала щелчок. Эдвард не обманул: пять корешков служили ложным фасадом. Откинулась дверка на петлях, за ней пряталась серая металлическая поверхность с диском шифрозамка.

– Потрясающе!

– Штормит меня не хило, а то бы открыл и показал. Правда, там только пачки денег.

– Но ты же должен знать шифр.

– Ноль, четыре, два, три, один, девять, шесть, четыре. Знаю, но не скажу, вот!

– Разумно. Как ты запомнил?

– Дата рождения Мертл. Двадцать третье апреля, шестьдесят четвертый.

Он был настолько пьян, что не смог бы остановить Таню, если бы она решила сейчас же уйти. Но черт побери, Таня и в самом деле хотела открыть ему секрет – и получить кое-что взамен.

– Ну что, поднимемся?

– Еще бы, детка! – хихикнул Эдвард.

И он поднялся на второй этаж, хотя последние ступеньки пришлось преодолевать на четвереньках.

– И где тут спальня? – спросил Эдвард, задыхаясь от усилий.

– Этажом выше. Еще один рывок, любовничек.

– Да ладно... Тут тоже найдется диван.

Таня отрицательно покачала головой и ткнула пальцем вверх. Помаявшись, Эдвард вроде бы смирился с мыслью, что игра пойдет по ее правилам.

– Куда теперь?

– По коридору до конца, там винтовая лестница.

Он бодро прошел по коридору, но подъем дался ему нелегко.

– У, как башка кружится...

– Лестница не виновата. – Таня отворила дверь. – Входи, ловелас.

Спальня Роберта была величиной с подсобку, окно выходило на задний двор. Громадная кровать из дуба, с красиво выгнутым изголовьем и изножьем, была выполнена во французских ампирических традициях. Под стать кровати – прочие предметы мебели, довольно многочисленные: трюмо, платяные шкафы, комод, стулья. При этом комната выглядела просторной. Вдоль стены, противоположной входу, тянулись полки, на которых стояли книги; еще здесь присутствовали пятидесятидюймовый плазменный телевизор и музыкальный центр с динамиками высотой по грудь. Дверь в душевую была приоткрыта; другая дверь вела на пожарную лестницу.

– О, ништяк, – одобрил Эдвард, входя следом за Таней. И похлопал по кровати. – Иди сюда, я тебе мой секрет открою.

– Что ж, щедро с твоей стороны. Но сейчас моя очередь. – Она подошла к трюмо и развернула зеркало. Сзади к нему был прикреплен скотчем желтый конверт. – Надо же, как смешно: неделю назад я заглядывала сюда – и ничего не было. А утром вот что нашла. Завещание Роберта.

– Да ты что? – рассеянно спросил Эдвард, явно думая о другом.

– А ну-ка соберись и послушай, тут и про тебя написано. – Таня выхватила из конверта лист бумаги. – «Это завещание Роберта Риппла, владельца „Драгоценных находок“, Мейн-стрит, Покетаун, Пенсильвания, составленное им и отменяющее все предыдущие завещательные документы и дополнительные распоряжения к ним. Соисполнителями завещания я желаю назначить Джорджа Дигби-Смита и Эдварда Майерса». Это ты. Увы, как исполнитель завещания, ты не можешь получать прибыль от распоряжения наследством.

– Никаких проблем, – сказал Эдвард. – Давай-ка мы это отложим и проверим кровать на прочность.

– Ты вот что послушай: «Мой дом и магазин переходят в доверительное управление, а затем и в полную собственность к моей надежной помощнице, продавцу Тане Трипп, с условием, что под ее управлением магазин будет функционировать в течение десяти лет со дня моей смерти». Хорошая попытка.

– А что тебе не нравится? – нахмурился Эдвард.

– Да все не нравится. Роберт этого не писал. Подделка. Теперь я знаю, зачем тебе понадобились его кредитки и почему ты забрал старую квитанционную книжку. Чтобы подделать подпись. И ведь неплохо вышло, видно руку мастера. Но ты кое о чем забыл. Завещание должно быть засвидетельствовано, а свидетелей нет.

– Свидетелей нет? – Он хохотнул и, воздев руку, более-менее связно продекларировал официальным тоном: – В штате Пенсильвания завещания имеют силу, даже не будучи засвидетельствованы. Нет причин беспокоиться, крошка. Это все твое: и хавира, и лабаз. Просто будь благодарна тем, кто о тебе позаботился.

– Позаботился? Обо мне? Вы заботитесь только о себе. Хотите, чтобы все осталось по-прежнему, чтобы можно было спокойно брать из сейфа краденые фунты и тратить их в Англии. А я должна десять лет беречь эту кучу гнилых досок и пластика, пока вы купаетесь в роскоши? Даже не надейся.

Таня подняла завещание над головой и разорвала.

Драматизм ситуации наконец проник в одурманенный алкоголем мозг. Эдвард вдруг сообразил, что на кону нечто гораздо большее, чем сексуальные утехи с молодой женщиной.

– Я просек. Ты прикинула, что больше наваришься на Агате Кристи, которая у тебя в офисе. Сама говорила, что это целое состояние. Из-за несколько кофейных пятнышек книжки не сильно подешевели. Хочешь закрыть лавку, выждать время и сбавить их по-тихому.

Таня почувствовала, как от лица отливает кровь. Зря она надеялась, что сказанные в запальчивости слова не дошли до него. Как же опасно она подставилась! И какая разница, что самые дорогие книги лежат у нее дома, целые и невредимые? Этот пьяный идиот способен все испортить.

Однако у нее оставался мощный козырь, и, похоже, обстоятельства вынуждали выложить его.

– Ты не знаешь, кто я. Не догадываешься, что тебе и твоим друзьям-подельникам пришел конец. Я Тереза, дочь Гритти Болоньи. Это не ваши деньги в сейфе, вы не имеете права их тратить. Все эти годы мы вас разыскивали, и след привел сюда. Я специально устроилась к Роберту, чтобы узнать, где хранятся фунты.

– Ты Тереза Болонья? – ошарашенно переспросил Эдвард. – Но ты же тогда сявкой была, школьницей...

– Я из семьи, а семья ничего не прощает.

На лице у Эдварда смешались страх и ярость. Для пьяного он двигался слишком быстро. Эдвард ринулся на Таню, как бешеный бык.

В коридор не выскочить – на пути Эдвард. Душевая станет ловушкой. Остается пожарная лестница. Таня повернулась и ударила по рычагу быстрого открывания – дверь распахнулась. Схватившись за перила, Таня едва успела отклониться влево, когда в проеме возник Эдвард.

При таком сильном опьянении координация движений оставляет желать лучшего. Эдварда шатнуло вперед, он сильно ударился бедрами о перила, схватился за них, но было поздно – верхняя половина туловища перевесила, и он опрокинулся. Наверное, орал, пока летел, – Таня, она же Тереза, ничего такого не запомнила. Но тошнотворный шлепок человеческого тела о бетон, сорока футами ниже, навсегда остался в ее памяти.

При вскрытии было обнаружено высокое содержание алкоголя в крови. Почему Эдвард оказался в спальне покойного книготорговца, так и осталось загадкой. Люди, способные пролить свет на те события, моментально покинули город – как сквозь землю провалились. Судья вынес открытый вердикт и вернул дело на следствие.

Завещание Роберта Риппла так и не было найдено, поэтому «Драгоценные находки» надлежащим образом перешли под контроль распорядителя, а затем были признаны выморочным имуществом и отчуждены в пользу штата Пенсильвания. Магазин был закрыт, помещения переоборудованы в жилые.

Спустя примерно год на отдаленном шотландском острове приобрела дом супружеская пара. Соседи решили, что мужчина – бывший хиппи, а женщина – американка. Сами они представлялись как мистер и миссис Инглиш. Они внесли вклад в развитие туристической индустрии, совершая множество развлекательных поездок в различные города.

В последующие годы рынок книжного антиквариата встряхнуло появление нескольких редких экземпляров Агаты Кристи – первые издания в суперобложках перешли из рук в руки за баснословные суммы. Происхождение их осталось темным, но в подлинности не возникло ни малейших сомнений.

Ф. Пол Вилсон «КОМПЕНДИУМ СРЕМА»

Ф. Пол Вилсон – автор более сорока романов в разных жанрах, от фантастики до ужасов. Самой известной стала его многолетняя серия о Наладчике Джеке. Он также писал для театра, кино и интерактивных медиа, в том числе вместе с другими авторами.

Его книги вошли в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и получили многочисленные награды, включая премию Брэма Стокера за прижизненные достижения и Зал славы «Прометеев», а также попали в списки рекомендованной литературы – в частности, Американской ассоциации библиотек и Нью-Йоркской публичной библиотеки. Недавно он получил престижную награду «Чернильница» на Комик-коне в Сан-Диего и премию «Пионер» на Конвенции книголюбов журнала «RT».

Роман Вилсона «Застава» был экранизирован киностудией «Парамаунт» в 1983 году. В настоящий момент киностудия «Бикон филмз» работает над фильмом «Наладчик Джек» по роману «Могила».

1

Томас де Торквемада открыл глаза в темноте.

Кажется?..

Да. Кто-то стучал в дверь.

– Кто это?

– Брат Аделяр, добрый приор. Мне нужно с вами поговорить.

Даже если бы Томас не расслышал имени, он распознал бы французский акцент. Он посмотрел в открытое окно. Небо, полное звезд, и ни намека на зарю.

– Очень поздно. До утра не ждет?

– Боюсь, нет.

– Тогда входите.

Томас с большим усилием привел свое восьмидесятилетнее тело в сидячее положение, а брат Аделяр тем временем вошел в крошечную комнату. В руках он держал свечу и нечто, завернутое в ткань. Все это он оставил рядом с Вульгатой¹ на шатком столике в углу.

– Могу я присесть, приор?

Томас указал на единственный в комнате стул с прямой спинкой. Аделяр плюхнулся в него, но тут же вскочил:

– Нет. Не могу сидеть.

– Что побудило вас нарушить мой сон?

Аделяр был вполонину моложе его и кипел праведным пылом – четырем годами ранее папа подчинил его Томасу, в числе прочих инквизиторов. Сейчас он, казалось, не мог сдерживать свой пыл и принялся мерить шагами комнату. Огонь свечи отражался в его ярко-голубых глазах.

– Я знаю, вам нездоровится, приор, но подумал, что лучше принести это, пока темно.

– Принести что?

Аделяр буквально прыгнул к столу и потянул ткань с прямоугольного свертка, открывая книгу. Даже на другом краю комнаты, даже со своим севшим зрением, Томас понял, что в жизни не видел ничего подобного.

¹ Вульгата – Священное Писание в латинском переводе. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Вот это, – сказал Аделяр, взял свечу и поднес книгу Томасу, показывая обложку. – Вы когда-нибудь видели такое?

Томас покачал головой. Нет, не видел.

Переплет, казалось, был сделан из штампованного металла. Прищурившись, он постарался разглядеть странные знаки, вытисненные на обложке. Сначала они казались бессмысленными, но потом сделались ясными... Слова... на испанском... по крайней мере одно было на испанском.

Верхнюю половину обложки пересекало слово «Compendio», набранное затейливыми крупными буквами, а под ним, наполовину меньшим шрифтом, стояло слово «Srem».

– Что вы видите? – спросил Аделяр.

Пламя свечи дернулось – у него задрожала рука.

– Заглавие, полагаю.

– Слова, приор. Пожалуйста, скажите, какие слова вы видите.

– Глаза меня подводят, но я не слепой: «Compendio» и «Srem».

Пламя дернулось сильнее.

– Когда я смотрю на нее, приор, я тоже вижу «Срем», но для меня первое слово – не «Compendio», а «Compendium».

Томас наклонился ближе. Нет, глаза его не обманывали.

– Вижу ясно как день: «Compendio». Заканчивается на «io».

– В детстве вы говорили по-испански, не так ли, приор?

– Я вырос в Вальядолиде, а значит, так и есть.

– Как вы знаете, я вырос в Лионе и большую часть жизни говорил по-французски, пока папа не направил меня, чтобы помогать вам.

«Чтобы держать меня в узде», – подумал Томас, но ничего не сказал.

Нынешний папа, Александр VI, считал, что он слишком... какое там было слово? «Рьяный». Да, именно так. Но как можно быть слишком рьяным, защищая веру? И разве он не сократил область применения пыток, оставив их только для тех, кого обвинили по меньшей мере два добропорядочных гражданина? До того человек мог пойти на дыбу из-за любого беспочвенного обвинения.

– Да-да. И что?

– Когда... – Он сглотнул. – Когда *вы* смотрите на обложку, то видите «Compendio», испанское слово. Когда на нее смотрю *я*, то вижу французское слово: «Compendium».

Томас отодвинул книгу и с трудом поднялся:

– Вы с ума сошли?

Аделяр отшатнулся, дрожа:

– Я боялся, что это так, даже был уверен, но вы тоже это видите.

– Я вижу штамповку на металле, и не более того!

– Но этим утром, когда Амаури подметал мою комнату, он заметил обложку и спросил, когда я научился читать по-берберски. Я спросил, что он имеет в виду. Он улыбнулся, показал на обложку и сказал: «Берберский! Берберский!»

Томас почувствовал, что холодеет:

– Берберский?

– Да. Он родился в Альмерии, где говорят по-берберски, и, на его взгляд, два слова на обложке написаны берберским письмом. Он очень плохо читает, но, пока рос, видел достаточно текстов. Я открыл ему книгу, а он все кивал и улыбался, повторяя: «Берберский».

Томас знал Амаури, как и все обитатели монастыря: простоватый мориск выполнял черную работу для монахов – подметал пол и прислуживал за столом. Он был не способен кривить душой.

– Потом я попросил брата Рамиро взглянуть на обложку, и он увидел «Compendio», как и вы.

Аделяр выглядел так, словно испытывал физическую боль.

– Мне представляется, добрый приор, что всякий, кто смотрит на эту книгу, видит слова на родном языке. Но как это возможно? *Как* это возможно?

Томас ощутил слабость в коленях. Он пододвинул к себе стул и опустился на него.

– Что за дьявольщину вы принесли в наш дом?

– Я понятия не имел, что это дьявольщина, когда покупал книгу. Увидел ее на рынке. Она лежала у одного мавра на одеяле, вместе с безделушками и резными вещами. И показалась мне такой необычной, что я купил ее для брата Рамиро, – вы знаете, как он любит книги. Я подумал, он сможет приобщить ее к нашей библиотеке. И пока Амаури не сказал, что видит, я не понимал, что это не просто книга со странной обложкой. Она... – Он покачал головой. – Не знаю, что это, приор, но без дьявольщины здесь точно не обошлось. Поэтому я принес ее вам.

«Мне, – подумал Томас. – Конечно же мне, кому же еще!»

Но за пятнадцать лет пребывания в должности Великого инквизитора он никогда не сталкивался с колдовством или чернокнижием. По правде говоря, он и не верил в подобную чепуху. Суеверия простолюдинов.

– Это не все, приор. Посмотрите на узоры вокруг слов. Что вы видите?

Томас наклонился ближе:

– Я вижу перекрестную штриховку.

– Я тоже. Теперь закройте глаза и сосчитайте до трех.

Томас сделал это и открыл глаза. Узор изменился: теперь это были полукружия, которые выстроились сверху вниз ровными рядами.

Он почувствовал, как больно сжалось сердце.

– Что вы видите?

– Волны... волнистый узор.

– Я не закрывал глаза и вижу штриховку.

Томас ничего не сказал, пытаясь понять происходящее. Наконец...

– На обложке точно какая-то дьявольщина. А что внутри?

Взгляд Аделяра стал суровым.

– Ересь, приор... Худшая ересь, которую я видел или слышал в своей жизни.

– Это крайность, брат Аделяр. Кроме того, ваш ответ означает, что вы прочли книгу.

– Не всю. Далеко не всю. Я читал остаток дня и всю ночь, пока не пришел к вам. И при этом я только начал. Это зло, приор. Неизреченное зло.

Томас не помнил, чтобы Аделяр был склонен к преувеличениям, но последнее утверждение звучало слишком уж смело.

– Покажите.

Аделяр положил том на стол и открыл его. Томас заметил, что металлическая обложка крепится к корешку странными переплетенными петлями, каких он никогда не видел. Страницы тоже выглядели странно. Пододвинув стул поближе, он протянул руку, провел пальцами по бумаге – если это вообще была бумага – и понял, что она тоньше луковой шелухи, но совершенно непрозрачная. Такой нежный материал должен был порваться и помяться, но все страницы оставались безупречными.

Безупречными, как текст на испанском, заполнявший страницы. Он выглядел как затейливый почерк, но каждая буква была совершенна и ничем не отличалась от другой такой же. Каждая «а» была похожа на все остальные «а», каждая «т» была как другая «т». Томас видел Священное Писание, напечатанное одним немцем, Гутенбергом, где каждая буква была в точности как все ее сестры. Но книга Гутенберга была отпечатана в два столбца, а текст «Компендиума» растекался от одного поля до другого.

– Покажите мне ересь, – сказал Томас.

– Разрешите сначала показать вам дьявольщину, приор, – сказал монах и начал листать страницы с головокружительной скоростью.

– Вы листаете слишком быстро. Как вы поймете, где остановиться?

– Я пойму, приор. Я пойму.

Томас смотрел, как мелькают бесчисленные иллюстрации, многие из которых были цветными.

– Вот! – сказал Аделяр, остановился и ткнул пальцем в страницу. – Вот самая что ни на есть адская дьявольщина!

Томас почувствовал, как у него пересохло во рту. На странице перед ним была иллюстрация, которая двигалась... глобус вращался в прямоугольнике черной пустоты. Его пересекали линии, соединявшие яркие точки на поверхности.

– Господь благословенный! – Томас облизал губы. – Она движется.

Он протянул руку, но заколебался. Казалось, рука может погрузиться в бездну, изображенную на странице.

– Не бойтесь, приор. Я прикасался к нему.

Он провел пальцами по крутящемуся глобусу. На ощупь тот был плоским и гладким, как и остальная страница, – пальцы не чувствовали движения, но глобус продолжал вертеться под ними.

– Что это за колдовство?

– Я молился о том, чтобы вы смогли мне рассказать. Вы считаете, эта сфера должна представлять мир?

– Не знаю. Возможно. Королева только что послала того генуэзца, Колона, в третье путешествие в Новый мир. Он доказал, что мир круглый... что это сфера.

Аделяр пожал плечами:

– Он всего лишь доказал вещи, о которых моряки говорили десятилетиями.

Ах да. Брат Аделяр считал себя философом.

Томас смотрел на вращающийся глобус. Хотя некоторые члены церковной иерархии еще спорили, большинство уже согласилось с тем фактом, что мир, созданный Богом для человечества, действительно шарообразен. Но если это наваждение было миром, то его показывали с точки зрения самого Господа.

Почему сейчас? Почему, когда здоровье ускользает, как песок между пальцев, – он сомневался, что доживет до конца года, – этот том, который нельзя назвать иначе как колдовским, появился в его покоях? Будь он моложе, он с наслаждением взялся бы изловить виновников этой дьявольщины. Но теперь... теперь ему едва хватало сил, чтобы дотянуть до конца дня.

Он вздохнул:

– Зажгите мою свечу и оставьте это кошунство. Я прочту его.

– Я знаю, что это необходимо, дорогой приор, но будьте готовы. Эти ереси столь глубоки, что они... они лишат вас сна.

– Сомневаюсь, брат Аделяр. – За время, проведенное на должности Великого инквизитора, он слышал все ереси, какие только можно вообразить. – Очень сомневаюсь.

Но каким бы ни было содержание книги, она уже лишила его сна. После ухода Аделяра он осмотрел свое пустое обиталище. Четыре знакомые беленые стены, голые, если не считать распятия над кроватью. Белый потолок и пол, выложенный плитками цвета сепии. Всю обстановку составляли койка, письменный стол, стул, маленький комод и Библия. Никто и бровью не повел бы, если бы он, приор, Великий инквизитор и духовник королевы, потребовал бы себе более роскошное жилище. Но земные прелести отвлекают, а он не думал сходить со священного пути.

Прежде чем открыть «Компендиум», он взял Библию, поцеловал ее обложку и положил к себе на колени...

2

Томас читал всю ночь. Его свеча сгорела до основания, когда заря уже показалась на небе, а он все читал, пропустив завтрак. Наконец он заставил себя закрыть и кощунственную книгу, и глаза.

Ссутулившись, он осел на стуле. Из окна доносились крики рабочих, звуки молотков, пил и топоров. Каждый день походил на другой – кроме, разумеется, воскресенья. Основные работы по строительству монастыря – Monasterio de Santo Tomás – официально завершились четыре года назад, но всегда оставалось что-нибудь еще: здесь – патио, там – садик. Казалось, это не закончится никогда.

Монастырь стал главным украшением Авилы. Но это неправильно. Он слишком разросся, слишком обогатился декоративными элементами. Томас вспомнил элегантные колонны с шипами в галерее третьего этажа, выходившей на огромный двор, – великолепное произведение искусства, неподходящее, однако, для нищенствующего ордена.

В монастыре было три клуатра – для послушников, для тихого уединения и для королевской семьи. Поскольку король и королева выделили средства на монастырь и использовали его как летнюю резиденцию, такие излишества, полагал он, были неизбежны. Именно из-за королевы Томас покинул Севилью и переехал сюда – уже много лет он был ее духовником.

Томас открыл глаза и посмотрел на обложку «Компендиума Срема».

Он не знал, что такое «Срем» – город, вымышленная цивилизация или же человек, составивший книгу. Но название не имело значения. Содержание... содержание было потрясающим из-за своей еретичности и совершенно демоническим из-за вкрадчивой соблазнительности тона.

Книга не поносила Церковь и не возводила хулу на Отца, Сына или Святого Духа. О нет. Это было бы слишком очевидным. Это воздвигло бы барьер между читателем и святотатством внутри книги. Томасу было бы легче справиться с крикливым, диким богохульством, чем с альтернативой, представленной здесь: Бог и Его Церковь не описывались как враги – они просто отсутствовали! *Ни единого упоминания!* Сколь бы невозможным это ни казалось, автор притворялся, что совершенно не ведает об их существовании.

Этого уже хватало. Но тон... тон...

«Компендиум» был собранием коротких эссе, в которых описывались все аспекты воображаемой цивилизации. Где – или когда – могла существовать эта цивилизация, вообще не обсуждалось. Возможно, книга имела целью описать легендарный остров Атлантида, упомянутый Платоном в «Тимее» и якобы ушедший под воду тысячи лет назад. Но никто не воспринимал эти истории всерьез. В книге говорилось о цивилизации, которая приручила молнии и повелевала погодой, которая бросила вызов творению Бога, создавая новых существ из гуморов других.

Но тон... Адские чудеса описывались в абсолютно невозмутимой манере, точно все были знакомы с ними, точно это были обычные, повседневные факты, которые автор просто каталогизировал, чтобы записать.

Обычно, когда речь шла о воображаемых существах – можно вспомнить древнегреческие легенды о богах и богинях, – рассказчик описывал их, дивясь чудесам и словно затаив дыхание. Но не в «Компендиуме». Описания были простыми и четкими, почти обыденными. И то, как они сплетались и соотносились друг с другом, показывало, что эти вымыслы были прекрасно продуманы.

Именно это и делало их такими соблазнительными.

Много раз за ту ночь и утро Томас заставлял себя откинуться назад и прижать Священное Писание к разгоряченному лбу, чтобы победить чары, которыми пытался опутать его «Компендиум».

К тому времени, когда Томас закрыл обложку, он погрузил лишь кончик пальца в воды чумного колодца, но прочел достаточно, чтобы понять: так называемый «Компендиум Срема» – на самом деле «Компендиум Сатаны», библиотека фальшивок, сочиненных самим отцом лжи.

Самая глубокая ложь касалась богов, хотя он не знал, можно ли называть «богами» сущности, описанные в книге. Нет, «описанные» было неподходящим словом. Автор ссылаясь на две парообразные сущности, воюющие в эфире. Люди, принадлежавшие к этой вымышленной цивилизации, не поклонялись сущностям. Скорее, они сражались вместе с ними – иные принимали сторону одной и помогали бороться с другой, иные поступали наоборот. Они не потрудились дать своим богам имена и не создавали их изображений. Эти боги просто... *были*.

Но чтобы понять адское происхождение «Компендиума», его даже не надо было читать. Достаточно было перелистать страницы. Ведь книга не имела конца! В ней было сто листов – Томас сосчитал их, – но когда он дошел до последнего, то увидел, что его просто нет. Переворачивая последнюю – будто бы – страницу, он обнаруживал, что его ждет следующая. Но при этом листов всегда оставалось сто, потому что первый исчезал всякий раз, как только сзади появлялся новый. Когда же Томас закрывал и вновь открывал книгу, она снова начиналась с титульного листа.

Колдовство... единственным объяснением было колдовство.

3

Брат Аделяр и брат Рамиро прибыли вместе.

Томас снова завернул «Компендиум» в одеяло Аделяра и принес его в зал трибунала. Он был поражен тем, что толстый том почти ничего не весит. Придя, он призвал братьев и в ожидании их сел на свое место во главе длинного стола для трапез. Комната была похожа на зал трибунала в сеговийском монастыре, где он провел большую часть времени после назначения Великим инквизитором: длинный стол; повернутые к двери стулья с высокими спинками – самая высокая обозначала его место; витражные окна с обеих сторон и распятие, почти в полный размер, над камином за его спиной. Распятие было расположено так, чтобы заставить обвиняемых смотреть в лицо их распятого Господа, пока они стояли перед инквизиторами и отвечали на обвинения. Им не сообщали имен обвинителей – только обвинения.

– Добрый приор, – сказал Аделяр, входя в помещение. – Вижу по вашим глазам, что вы ее прочли.

Томас кивнул:

– Не всю, конечно же, но достаточно много, чтобы понять, как мы будем действовать. – Он перевел взгляд на Рамиро. – А вы, брат... вы ее читали?

Рамиро был примерно одного возраста с Аделяром, но на этом сходство заканчивалось. Рамиро был плотным, а Аделяр – стройным, с карими, а не голубыми глазами и смуглой, а не бледной кожей. Эти темные глаза сейчас расширились и неотрывно смотрели на «Компендиум», который развернул Томас.

– Нет, приор. Я видел только обложку, и этого достаточно.

– Вы не желаете изучить ее содержимое?

Тот яростно мотнул головой:

– Брат Аделяр сказал мне...

Томас пристально взглянул на Аделяра:

– Сказал? Кому еще вы сказали?

– Никому, приор. Поскольку Рамиро уже видел книгу, я подумал...

– Проследите, чтобы на этом и закончилось. Никому не говорите, что вы прочли ее. Никому не говорите, что это кошунство существует. Известие о книге не должно выйти за пределы этой комнаты. Ясно?

– Да, приор, – сказали они хором.

Он повернулся к Рамиро:

– Вы не желаете узнать об этих ересьях из первых рук?

И снова тот яростно замотал головой:

– Судя по тому немногому, что я знаю от брата Аделяра, их надо изолировать. Ереси распространяются все дальше с каждой новой парой глаз, которая их видит. Я не хочу прибавлять свою пару.

Томас был впечатлен:

– Вы мудры не по годам, Рамиро. – Он жестом подозвал монаха поближе. – Но сегодня нам нужны ваши познания в книжном деле.

Рамиро отвечал за монастырскую библиотеку. Он руководил ее строительством в клуатре для монахов – и до сих пор занимался усовершенствованиями, – а еще приобретал книги, чтобы заполнить полки.

Рамиро приблизился к «Компендиуму», словно это была свернувшаяся гадюка. Он прикоснулся к книге так, будто опасался, что та обожжет его плоть. Аделяр приблизился сзади и стал смотреть через его плечо.

– Не знаю, что это за металл, – сказал Рамиро. – Похоже на полированную сталь, но блики на поверхности выглядят очень необычно.

Томаса тоже удивили перламутровые блики.

– Это не сталь, – сказал Аделяр.

Томас поднял брови:

– Да? А вы не только философ, но еще и металлург?

– Я стараюсь узнать о Божьем творении столько, сколько могу, приор. Но думаю, очевидно, что обложка сделана не из стали. Иначе книга весила бы гораздо больше.

Рамиро взял «Компендиум» и прикинул его вес:

– Легкий как перышко.

– Обратите внимание на шарниры, которые соединяют обложку с корешком, – сказал Томас. – Вы видели что-нибудь подобное?

Рамиро поднял книгу, чтобы присмотреться, и Томас добавил:

– Я спрашиваю, потому что мы должны выяснить, где это изготовлено.

Аделяр понимающе закивал:

– Да, конечно. Чтобы выследить еретика, который ее сделал.

Рамиро покачал головой:

– В жизни не видел ничего подобного. Представить не могу, как ее изготовили.

– С помощью колдовства, – сказал Томас.

Рамиро посмотрел на него ясными глазами:

– Да, это единственное объяснение.

Томас скрыл разочарование. Если бы Рамиро понял, где ее сделали, это заметно приблизило бы их к обнаружению еретика.

– Тот мавр, который продал ее вам, – сказал Томас, поворачиваясь к Аделяру, – торговал на рынке?

– Да, приор.

– Может, это его работа?

– Сомневаюсь. Бедный, оборванный, со скрюченными пальцами. Не представляю, как это возможно.

– Но он может знать, кто ее сделал.

– Да, определенно может.

Аделяр хлопнул ладонью по столу:

– Ах, если бы мы имели право заниматься маврами!

Эдикт Фердинанда и Изабеллы давал инквизиции власть лишь над теми, кто объявлял себя христианами, но ее внимание всегда было сосредоточено на «конверсо» – евреях, которые по Альгамбрскому декрету должны были либо перейти в христианство, либо покинуть страну.

– Мы имеем право следить за чистотой веры, – сказал Томас, указывая на «Компендиум». – Это относится к ересям любого рода, а перед нами – самая грязная ересь. Доставьте его сюда.

4

Мавр стоял перед ними, трясаясь от страха.

Из-за колдовской сущности «Компендиума» и решимости хранить в тайне само его существование Томас решил отказаться от судилища в полном составе, ограничившись собой и двумя другими, уже знавшими о книге.

Когда Аделяр опознал мавра, солдаты, приписанные к инквизиции, схватили его и доставили в зал трибунала.

Томас рассматривал этого жалкого представителя человеческого рода. Имя, которое тот назвал по прибытии, звучало как берберская белиберда. Томас разобрал лишь «Абдель» и решил звать его так. На Абделе был грязный тюрбан, который, вкупе с клочковатой бородой, говорил о том, что он не оставил обычаев Мухаммеда. Левый глаз, молочно-белый, резко выделялся на темном морщинистом лице. У него почти не осталось зубов, а руки были узловатыми и скрюченными. Томас подумал, что Аделяр был прав: этот человек не мог изготовить «Компендиум».

– Абдель, принял ли ты Иисуса Христа как своего спасителя? – спросил Аделяр.

Старик кивнул:

– Да, господин. Много лет назад.

– Значит, ты – мориск?

– Да, господин.

– И все же ты носишь бороду по обычаю религии, от которой ты якобы отрекся.

Томас понимал, что делает Аделяр, – он наполнял страхом душу мориска.

Мавр сверкнул здоровым глазом:

– Я ношу бороду так, как Иисус, изображенный в церквях.

Томас закрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку. Аделяра перехитрили.

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать твою манеру одеваться, Абдель, – сказал Томас, желая направить расследование в сторону, которая интересовала его больше всего. – Тебя ни в чем не обвиняют.

Он увидел внезапное облегчение в глазах мавра.

– Тогда могу я спросить – почему?..

Томас поднял «Компендиум», чтобы мавр увидел обложку:

– Мы здесь для того, чтобы выяснить, почему ты продаешь ересь.

Удивление мавра выглядело искренним.

– Я не знал! Я просто нашел эту книгу!

– Нашел? – спросил Аделяр. – Где?

– В сундуке, – сказал мавр еле слышным голосом, опустив голову.

– И где этот сундук?

Голос мавра стал еще тише:

– Я не знаю.

Аделяр спросил еще громче:

– Ты хочешь сказать, что забыл? Может, дыба освежит твою память?!

Томас поднял руку. Кажется, он понял, в чем загвоздка.

– Ты украл ее, правда, Абдель?

Мавр вскинул голову и снова опустил взгляд, ничего не ответив.

– Пойми, Абдель, – продолжил Томас, – мы не можем рассматривать гражданские преступления. Да, нас тревожит безнравственность твоего поступка, и мы верим, что ты покаешься в этом грехе своему духовнику, но мы не можем выдвинуть против тебя обвинение в самой краже.

Он сделал паузу, чтобы его слова дошли до собеседника, и добавил:

– У кого ты ее украл?

Мавр снова не ответил, и Томас тихим голосом продолжил, несмотря на подступающий гнев:

– Мы не вправе наказывать тебя за кражу, но можем использовать любое доступное нам средство, чтобы вытянуть из тебя признание относительно источника ереси.

Дав волю гневу, он принялся стучать кулаком по столу:

– И я лично прослежу, чтобы ты прошел через все адские мучения, если ты не...

– Ашер бен Самуэль! – закричал мавр. – Я украл ее у Ашера бен Самуэля!

В зале трибунала воцарилась тишина. Наконец Рамиро, который молчал в течение всего допроса, заговорил:

– Ашер бен Самуэль... наконец-то!

Самуэль был крупным торговцем-евреем, который предпочел перейти в христианство, чтобы не покинуть страну после Альгамбурского декрета, но никто в трибунале инквизиции не верил, что он действительно сменил веру. Они посылали горожан шпионить за ним, чтобы застать его за отправлением иудейских ритуалов. Они следили, идет ли из его трубы дым по субботам, – отсутствие дыма указывало бы на соблюдение еврейского Шаббата. Они предлагали ему квасной хлеб во время Песаха – если бы тот отказался, вскрылась бы его истинная вера. Но он всегда ел хлеб без колебаний.

Однако членов трибунала это не убеждало.

Но теперь... теперь он попался.

Попался или все-таки нет?

Когда Абделя увели, чтобы отпустить, Томас сказал:

– Какое обвинение можно выдвинуть против Ашера бен Самуэля?

– В ереси, конечно! – сказал Рамиро.

– Кто обвинит его?

Аделяр ответил:

– Мы.

– По указанию презренного уличного торговца – мориска, которому придется признаться в воровстве, чтобы выдвинуть обвинение?

Вопрос был встречен молчанием.

– У меня есть идея, – сказал Рамиро. – Что важнее для нас – разоблачить тайного иудея или узнать происхождение адской книги?

Томас уже знал ответ:

– Думаю, все мы согласимся, что «Компендиум» представляет гораздо более серьезную угрозу для веры, чем один конверсо.

– Сомнений нет, – сказал Рамиро. – Хотя в глубине души я верю, что Ашер бен Самуэль повинен во многих ересьях, мы еще ни разу не поймали его. Но, пытаясь уличить его, мы многие

годы наблюдали за ним – слишком пристально, чтобы у него была возможность изготовить эту книгу втайне от нас.

Томас неохотно согласился:

– Вы говорите, что, если книга вышла не из его рук, он явно купил ее у кого-то другого.

– Именно так, добрый приор. Каждый владелец и последующий владелец – это камни в воде, по которым можно перейти реку. Каждый приводит нас ближе к берегу – еретика, который ее изготовил. Поэтому я предлагаю вот что: мы с братом Аделяром пойдем к нему домой, покажем книгу и узнаем, где он ее взял.

– Это против всех правил, – сказал Томас.

– Понимаю, приор, – согласился Рамиро. – Но если мы хотим ограничить число тех, кто знает о существовании книги, мы не можем приводить в монастырь одного подозреваемого за другим. Кто знает, скольких придется допросить, прежде чем мы найдем изготовителя? В конце концов другие члены трибунала начнут задавать вопросы, на которые мы не хотим отвечать. А наши правила требуют давать каждому обвиняемому тридцать дней, чтобы признаться и покаяться. При таком долгом сроке у изготовителя будут многие месяцы, и за это время он сможет сбежать.

На редкость точные замечания. Томас был горд за брата Рамиро.

– Но как вы вынудите его говорить у себя дома? Орудия правды лежат в двух этажах под нами.

Рамиро пожал плечами:

– Скажу ему как есть: нам важнее найти еретика, стоящего за «Компендиумом», чем наказать тех, через чьи руки книге пришлось пройти. Ашер бен Самуэль – богатый человек. Он может потерять не только жизнь. Он знает, что если предстанет перед трибуналом и будет признан виновным, то не просто подвергнется очищающему огню: все его имущество изымут, а жена и дочери окажутся на улице. – Рамиро улыбнулся. – Он скажет правду. И тогда мы ступим на следующий камень.

Томас медленно кивнул. План заслуживал внимания.

– Тогда сделайте это. Начните сегодня. – Он похлопал по странной металлической обложке «Компендиума». – Я хочу, чтобы еретика нашли. Чем раньше мы его найдем, тем скорее его душа очистится в аутодафе.

5

Глядя из-под капюшона черной сутаны, прикрывавшего лицо, Аделяр рассматривал в сумерках улицы Авилы. Он был рад оказаться на свежем воздухе. В последнее время он очень редко выходил из монастыря. Весна вступила в свои права, о чем свидетельствовало оживление среди горожан. Когда наступит лето, они, вплоть до глубокой темноты, будут вялыми из-за жары.

Брат Рамиро нес тщательно завернутый в ткань «Компендиум», прижимая его к груди скрещенными руками. Пересекая городскую площадь, Аделяр взглянул на обугленные столбы, у которых еретики были освобождены от грехов очистительным пламенем. Он не раз видел здесь аутодафе после прибытия из Франции.

– Заметьте, прохожие отводят глаза и обходят нас стороной, – сказал Рамиро.

Аделяр и правда это заметил.

– Не понимаю почему. Они не могут знать, что я член трибунала.

– Они и не знают. Они видят черные сутаны и понимают, что мы доминиканцы, члены ордена, который заведует инквизицией, и этого достаточно. Печально.

– Почему?

– Вы инквизитор, а я простой нищенствующий монах. Вам не понять.

– Я не всегда был инквизитором, Рамиро.

– Но вы не знали Авилу до прихода инквизиции. Нас приветствовали улыбками и с радостью принимали везде. Теперь никто не смотрит мне в глаза. Как вы думаете, почему они отводят взгляды? Скрывают какие-то ереси?

– Возможно.

– Тогда вы не правы. Это значит, что одеяния монахов нашего ордена теперь связаны для них с публичным сожжением еретиков, и ни с чем другим.

Аделяр никогда не слышал, чтобы его товарищ говорил такие вещи:

– О чем вы, Рамиро?

– Я говорю, что мы не тот орден, который замыкается внутри стен. Мы всегда шли к людям, помогали больным, кормили бедных, облегчали боль и горе. Но участие ордена в защите веры, кажется, стерло всю память о столетиях добрых дел.

– Следите за своими словами, Рамиро. Вы играете с ересью.

– Вы хотите меня обвинить?

– Нет. Вы – мой друг. Я знаю, что вы говорите от чистого сердца и полны веры, но другие могут этого не понять. Так что, пожалуйста, следите за своим языком.

Аделяра удивило, что Рамиро хорошо знаком с жителями Авилы. Он думал, что тот проводит все время, работая в библиотеке или возделывая монастырские поля. Он сменил тему:

– Я знаю вас уже много лет, Рамиро, но не знаю, откуда вы.

– Из Торо. Это провинция к северу отсюда.

– У вас остались там родственники?

– Нет. Мою семью истребили в битве при Торо. Я был тогда мальчиком и едва выжил.

Аделяр слышал об этом – одно из сражений за корону Кастилии.

– Как вы вступили в орден?

– После всех ужасов, которые я видел, мне захотелось жить мирно, посвящать время размышлениям и добрым делам. Так оно и было, пока инквизиция все не изменила.

Аделяр пришел к доминиканцам совершенно по другим причинам. Орден дал ему возможность заниматься натурфилософией и создавать труды, объясняющие, что такое Божье творение и как его, Аделяра, находки подкрепляют учение Церкви. Порой приходилось вольно обращаться с правдой, чтобы избежать цензуры, но в целом его работы встречали хороший прием и воспринимались как убедительный довод в поддержку учения. В итоге, когда папа решил, что испанской инквизиции необходим свежий взгляд со стороны, он назначил Аделяра одним из новых инквизиторов.

Но заботы об учении отошли на второй план: на ум снова пришел «Компендиум», который заполнял его мысли с того момента, как он открыл книгу и начал чтение. Способность текста казаться написанным на родном языке автора явно была колдовской, и все же... и все же она, похоже, весьма подходила цивилизации, описанной в книге.

С молодых лет Аделяр был очарован натурфилософией. Когда отец приносил с охоты мелкую дичь, он настойчиво предлагал выпотрошить ее, но делал это на свой манер – методически, систематически, так чтобы понять внутреннее устройство живых существ. Да и сейчас он выделил себе в монастыре комнату, чтобы смешивать различные вещества и записывать результаты их взаимодействия.

Он задавался вопросом, можно ли найти естественные объяснения для чудес, описанных в «Компендиуме», и для чуда, явленного самим существованием этого тома, – такие, которые не противоречат церковным догматам.

Оставалось лишь размышлять об этом в одиночестве. Он не мог обсуждать книгу с Рамиро, который ее не читал, и подверг бы риску свое положение, а возможно, и жизнь, если бы поднял этот вопрос в разговоре с Великим инквизитором.

Они дошли до большого участка земли на краю города, где жил Ашер бен Самуэль, и посмотрели на длинную дорогу, ведущую к дому.

– Справедливо ли, что еврей может быть так богат? – сказал Аделяр, когда они шли по оливковой роще.

– Он конверсо – больше не еврей.

Хотя конверсо признавали себя христианами, они не пользовались доверием и даже навлекали на себя презрение. Особенно такие денежные воротилы, как Самуэль. Было ли его «обращение» продиктовано практическими соображениями, или он действительно отрекся от прежней религии? Аделяр подозревал – нет, был убежден, – что верно второе. Проблема была в невозможности это доказать.

– Вы так наивны, Рамиро. Тот, кто был иудеем, навсегда им останется.

– Во мне есть еврейская кровь. И в вас, без сомнения, тоже.

– Вы лжете!

– Вряд ли в Кастилии найдется образованный человек, в котором нет еврейской крови.

– Я вырос во Франции.

– Возможно, там то же самое. Даже наш приор – вы знали, что его дед по линии Торквемада был евреем?

Томас де Торквемада, молот еретиков, духовник королевы... с еврейской кровью?

– Это не может быть правдой!

– Но это правда. Он и не скрывает. Он сказал, что цель святой инквизиции – истребить не еврейскую кровь, а иудейские обычаи.

– Хорошо. Если приор говорит, что это правда, я тоже сочту это правдой. Но даже если так, его еврейская кровь, как и ваша, отличаются от крови Ашера бен Самуэля.

– Чем?

– Приора и вас воспитали в вере. Конверсо вроде него – нет.

В конце пути они увидели дом Ашера бен Самуэля, окруженный высокими стенами.

– Напоминает крепость, – сказал Рамиро.

Они остановились у кованых ворот и потянули за веревку звонка.

Из дома вышел старый слуга и, хромя, приблизился к ним.

– Слушаю вас? – сказал он, глядя на них со страхом.

– Мы пришли поговорить с твоим хозяином, – объявил Рамиро.

– О вопросах веры, – добавил Аделяр.

Старик отвернулся:

– Я должен пойти и спросить...

– Открывай немедленно! – сказал Рамиро. – Члены трибунала святой инквизиции не ждут снаружи, словно нищие!

Старик дрожащими руками отпер ворота и распахнул их. Затем провел посетителей через тяжелую дубовую дверь в просторную, мощенную плиткой галерею, которая выходила во двор. Там, под большим светильником, сидел и что-то читал Ашер бен Самуэль, коренастый мужчина лет пятидесяти. Увидев посетителей, он поднялся и направился к ним:

– Братья! Чем обязан такой честью?

Аделяру стало интересно, почему он не выглядит удивленным или расстроенным. Неужели видел, как они подходят к дому?

– Мы поговорим с вами наедине, – сказал он.

– Конечно. Диего, иди к себе. Но прежде... я прикажу ему принести вам вина?

Аделяр с удовольствием выпил бы хорошего вина, однако не собирался принимать гостеприимство этого еврея.

– Это не светский визит, – сказал он.

Самуэль, все так же невозмутимо, отпустил слугу мановением руки и повернулся к ним:

– Чем могу служить?

Рамиро указал на большую иллюстрированную книгу, которая лежала на столе позади Самуэля:

– Сначала скажите нам, что вы читаете.

Самуэль улыбнулся:

– Евангелие от Матфея. Мое любимое.

«Лжец, – подумал Аделяр. – Он *видел*, что мы ищем».

Рамиро развернул «Компендиум» и положил его на стол:

– Мы подумали, что это больше придется вам по душе.

Самуэль наконец лишился самообладания, но лишь ненадолго:

– Как?..

– Вопрос не в том, как она дошла до нас. Как она дошла до вас?

Он сделал шаг назад и тяжело плюхнулся на стул:

– Я коллекционирую книги. Эту мне предложили. Поскольку она так необычно устроена и написана на еврейском языке, я сразу ухватился за нее.

– Написана на ев?.. – начал Рамиро и нахмурился. – О да, конечно.

– Когда я начал читать ее, то понял, что эта книга слишком опасна, чтобы держать ее у себя.

– Почему вы не принесли ее на трибунал? – спросил Аделяр.

Самуэль бросил на него уничтожающий взгляд:

– Право же, добрые братья... Годами вы пытались найти причину, чтобы затащить меня туда. Неужели я должен сам давать повод?

– Вы знаете не хуже нашего, что многие конверсо только притворяются, что следуют учению Церкви, но за закрытыми дверями придерживаются иудейских обычаев. Нельзя сбросить веру, которой следовал всю жизнь, словно старую одежду.

– Ах, вы забываете, что я и сам кастилец. Если моя королева и ее король хотят править христианской страной, я становлюсь христианином. Не то чтобы я отказался от иудейского Бога ради языческого идола. Уверен, вы знаете, что Иисус был рожден иудеем. Ветхий Завет иудеев ведет к Новому Завету Иисуса. Мы поклоняемся одному Богу.

А он умеет убеждать, этот еврей. Аделяр не мог этого не признать.

Рамиро спросил:

– Итак, вместо того чтобы принести эту книгу на трибунал, вы схоронили ее в сундуке. С какой целью?

– Вы, кажется, знаете так много...

– Отвечайте на вопрос!

– Я намеревался бросить ее в реку. Не хотел, чтобы такой опасный текст оставался в моей библиотеке или в чьей-нибудь еще. – Он развел руками. – Но когда я подошел к реке, то не смог ее найти. Книга исчезла как по волшебству.

Не по волшебству, подумал Аделяр. А из-за вора-мориска.

– Кто продал ее вам?

Самуэль помолчал и сделал глубокий вдох:

– Мне нелегко, ведь я обреку другого человека на пытки. Вы понимаете?

– Мы понимаем, – сказал Аделяр. – Мы желаем найти создателя этой ереси как можно скорее. Если вы поможете его обнаружить, я воспользуюсь своей властью и закрою глаза на то, что она была в вашей собственности.

Ашер бен Самуэль постучал пальцами по подлокотнику кресла, размышляя над предложением. Он знал, что, если не назовет имени продавца, его семье и ему самому придется заплатить страшную цену.

Наконец он поднял взгляд и спросил:

- Вы сделаете такое же предложение человеку, которого я назову?
- Мы предлагаем вам отпущение грехов, и вы имеете наглость торговаться с нами?
- Я просто задал вопрос.

Аделяр с отвращением думал об уступках этому еврею, но надо было сосредоточиться на конечной цели.

– В том случае, если ее изготовил не он. Если книга просто прошла через его руки, он не будет наказан. Но изготовитель... он еретичествует самым гнусным образом и подвергнется суровому наказанию.

Самуэль улыбнулся:

– Человек, о котором идет речь, никак не может быть изготовителем. Это простой плотник. Сомневаюсь, что он прочел за свою жизнь хоть десяток слов, и уж тем более ему не измыслить небылиц, описанных в книге.

– Значит, он ее украл? – спросил Рамиро.

Самуэль пожал плечами:

– Он сказал мне, что книгу дали ему по доброй воле, но кто знает? Он сделал для меня работу: сколотил полки для библиотеки. Он знает, как я люблю познание, и пришел ко мне, чтобы продать ее.

Аделяр повысил голос:

– Имя! Нам нужно его имя, а не пустые отговорки.

– Я знаю его только как Педро-плотника.

Рамиро закивал:

– Я тоже его знаю. Он делал полки и для монастырской библиотеки. Прекрасно работает.

Рамиро посмотрел на Аделяра:

– И я согласен: невозможно представить, чтобы он написал «Компендиум».

– Может быть. Но он способен рассказать, как книга попала к нему. И тогда, как вы любите говорить, брат Рамиро, мы будем на один камень ближе к источнику.

6

Спросив дорогу у прохожих на нескольких перекрестках, они наконец пришли к убогой хижине у восточного берега реки Адаха. Река текла здесь лениво и воняла из-за отходов, которые сбрасывали в воду выше по течению. Слабый свет мелькал в щелях между потемневшими досками. Внутри горела одна свеча, не больше.

Аделяр остановился в темноте и уставился на хибару. Рамиро подошел к нему сбоку.

– Справедливо ли, Рамиро, что искусный мастер живет в такой бедности, а человек, который просто покупает и продает, живет в роскоши?

– Не стоит ждать справедливости в этом мире, брат. Только в ином.

– Верно, верно, но все же это берedit мне душу.

– Педро – простой человек. Боюсь, если мы вдвоем появимся у него на пороге, он придет в ужас. Или даже убежит и спрячется. Но он знает меня. Позвольте мне войти, поговорить с ним наедине и заверить, что ему нечего бояться, если он скажет правду.

– Очень хорошо, но только поторопитесь.

Аделяр был измотан. Он плохо спал прошлой ночью. Да и как было спать, зная, что его стареющий, больной приор остался наедине с адской книгой? Теперь он хотел только одного – покончить с этой частью расследования и вернуться на свою койку.

Он наблюдал за тем, как брат Рамиро приближается к двери с «Компендиумом» под мышкой и, поколебавшись, входит без стука.

Изнутри сразу же раздался возглас, и хриплый голос закричал:

– Нет! Нет! Пощадите, я не знал!

А потом – крик боли.

Аделяр бросился вперед и почти столкнулся с Рамиро, который, шатаясь, вышел на порог.

– Что случилось?

Рамиро дрожал:

– Увидев меня, он схватил нож. Я боялся, что он нападет на меня, однако он вонзил нож себе в сердце!

Аделяр протиснулся мимо него и окинул взглядом помещение. Худой человек с седеющими волосами лежал на полу, из груди его торчала рукоятка ножа. Невидящие глаза были устремлены в небо.

– Видите? – закричал Рамиро. – Видите, что наделали вы и ваша инквизиция! Я ведь говорил: от этой сутаны люди приходят в ужас! Педро видел не меня, а пытки и горящую плоть!

7

– Других путей у нас нет? – спросил Томас у двух монахов, стоявших перед ним.

Этим вечером он подремал, пока их не было, но потом бодрствовал, ожидая их возвращения. Принесенные ими новости не оправдали его надежд.

Аделяр покачал головой:

– Боюсь, что нет, приор. Смерть плотника обрывает все прочие нити расследования.

– Как это случилось?

Брат Рамиро развел руками:

– Когда я вошел внутрь, он начал кричать от страха. Я и слова сказать не успел, как он схватил нож со стола и вонзил себе в сердце.

– Должно быть, он подумал, что брат Рамиро хочет силой отвести его на трибунал, – сказал Аделяр. – Он знал, что согрешил, и боялся оказаться на костре.

Томас покачал головой. После стольких лет существования святой инквизиции простой народ так и не разобрался в процессе. Люди видели, что кого-то уводят на допрос, потом видели этого человека на костре и слышали, как он кричит в языках пламени. Из этого они делали вывод, что каждый арест заканчивается аутодафе, но это было крайне далеко от истины. На костре обычно погибали «релапсы» – грешники, которые вернулись к ереси после того, как трибунал отпустил их.

– До чего бессмысленно! – сказал Рамиро, качая головой. – И до чего прискорбно! Он жил один, и мы никогда не узнаем, откуда взялась книга.

Томас ударил кулаком по «Компендиуму»:

– Мы должны найти еретика!

– Как? – спросил Аделяр. – Скажите как, и мы это сделаем.

У Томаса не было ответа.

Он вздохнул:

– Сейчас я вижу только одну возможность.

Он указал на камин у себя за спиной:

– Предать ее огню.

Огонь уже почти затух. Томас наблюдал, как Аделяр и Рамиро добавляют поленья и раздувают огонь до ревущего пламени. Когда жар сделался несносным, Томас протянул «Компендиум» Аделяру; тот открыл книгу посередине и бросил в огонь.

Томас ждал, что обложка нагреется и расплавится, а страницы начнут дымиться, чернеть и сворачиваться. Но «Компендиум» не поддавался пламени. Он лежал, не меняясь, пока от дров не остались тлеющие угольки.

– Не может быть, – пробормотал Томас.

Рамиро схватил щипцы, вытащил книгу из пепла и положил ее, неповрежденную, на камин. Затем подержал над ней ладонь.

– Кажется, она... – Он прикоснулся к книге и поднял изумленный взгляд. – Она даже не нагрелась!

Томас почувствовал, как внутри его все сжимается. Еретический текст, который не горит... это было хуже самого мучительного кошмара.

– Брат Рамиро... – Его голос звучал хрипло. – Принесите топор палача.

Рамиро торопливо ушел, и Аделяр приблизился к Томасу.

– Я рад, что Рамиро ушел, – сказал он тихим голосом. – Он не читал «Компендиума», а мы с вами читали. Без него мы сможем обсудить содержание книги.

– Как можно обсуждать ересь?

– А что, если...

Казалось, Аделяр колебался.

– Продолжайте.

– А что, если в «Компендиуме» сказано правда?

Томас не верил своим ушам:

– Вы с ума сошли?

– Это просто предположение, приор. Перед нами лежит эта странная, странная книга. И я спрашиваю: будет ли ересью рассуждать о ее происхождении? Если да, я не скажу больше ни слова.

Томас задумался над этим. Ересь подразумевает, что ложь о вере или Церкви представляют как правду. Если просто делать предположения, а не стараться обратить...

– Давайте. Я предупрежу, если вы начнете уклоняться в ересь.

– Спасибо, приор.

Аделяр отошел и начал мерить шагами зал трибунала.

– Я много думал. Книга Бытия говорит о Всемирном потопе. О том, как человеческая безнравственность привела к тому, что Бог наслал потоп, желая очистить этот мир и начать все заново. Что, если «Компендиум» рассказывает о развращенной, безбожной цивилизации, которая существовала до потопа? Что, если «Компендиум» – единственное оставшееся от этой цивилизации?

Аделяр... как всегда, философ. Однако...

– Священное Писание не упоминает о подобной цивилизации.

– Но оно и не говорит, в чем состояло «развращение людей», которое вызвало Божий гнев. Цивилизация «Компендиума» могла стать причиной Всемирного потопа.

Томас поймал себя на том, что кивает. Теория Аделяра могла объяснить, почему в книге не упоминались ни Церковь, ни Христос: ведь они не существовали в то время, когда текст, предположительно, был создан. Да, идея выглядела необычно, но никоим образом не противоречила учению Церкви, насколько мог судить Томас.

– Любопытная теория, брат Аделяр.

Аделяр перестал шагать по комнате.

– Если это так, приор, – он помахал руками, – нет, если мы *предполагаем*, что это так, то книга – археологическая реликвия, ценный памятник, созданный еще до потопа и, возможно, последний из существующих. Есть ли у нас право уничтожать его?

Томасу не понравился ход его мыслей.

– Право? Дело не в *праве* ее уничтожить. Это наш священный *долг*.

– Но может, ее стоит сохранить как исторический памятник?

– Вы ступили на опасный путь, брат Аделяр. Предположим, что «Компендиум» действительно появился до Всемирного потопа и что еретическая цивилизация, таким образом, действительно существовала в те далекие дни. Если книга сохранится и ее содержание станет

широко известным, люди начнут спрашивать, почему о ней не упоминается в Книге Бытия. И если в Бытии о ней не упоминается, логично спросить, о чем еще там не упоминается. Именно так вы посеете зерно сомнения. А из крошечного зерна сомнения вырастают огромные ереси.

Аделяр отступил, кивая:

– Да, понимаю. В самом деле – мы должны ее уничтожить.

Аделяру не надо было объяснять, что, когда дело касается веры, для вопросов места не остается. Все ответы уже существуют, и вопросов не требуется. Вопросы необходимы для занятия философией и овладения знаниями, но для веры это отравы. Если человеку хочется вопрошать о вере, значит он уже впал в ересь и вступил на путь сомнений.

Томас хорошо понимал, что любой думающий человек время от времени борется с сомнениями, касающимися веры. Он и сам раз-другой испытывал сомнения, будучи в среднем возрасте, но преодолел их задолго до назначения Великим инквизитором. Пока человек ведет лишь внутреннюю борьбу, святая инквизиция не занимается его сомнениями. Но если он сообщает о своих тревогах другим, чтобы заразить их неуверенностью, тогда приходит время трибунала.

– У вас пытливый ум, брат Аделяр. Следите, как бы он не сбил вас с пути. И помните, что наш разговор не должен выйти за стены этой комнаты.

– Конечно, приор.

Рамиро вернулся, пыхтя от усилий, – ему пришлось быстро перенести свое дородное тело на два этажа вниз и снова подняться наверх, таща тяжелый топор с длинной рукояткой.

Не всем закоснелым еретикам позволялось погибнуть в очистительном огне аутодафе. Некоторых просто обезглавливали, как обычных преступников. Топор хранился внизу, и его широкое острие всегда было наточенным.

– Разрешите, приор? – сказал Рамиро, приближаясь к «Компендиуму», который лежал раскрытым на камине.

Томас кивнул:

– Разрубите его надвое, Рамиро. А потом раскрошите на мелкие кусочки, чтобы мы могли пустить их по ветру.

Рамиро поднял топор высоко над головой и с ревом и криком обрушил его на книгу – изо всех сил, нанеся «Компендиуму» такой удар, который отделил бы голову от любого тела, сколь бы крепкой ни была шея. Но, к удивлению и отчаянию Томаса, лезвие отскочило от открытых страниц, даже не помяв их.

– Это невозможно! – вскричал Рамиро.

Он замахивался снова и снова, обрушивая удары на «Компендиум», но мог бы с тем же успехом ласкать его перышком.

Наконец, покрасневший и вспотевший, Рамиро остановился и повернулся к остальным:

– Это явно адская штука!

Не поспоришь, подумал Томас.

– Что нам делать? – сказал Рамиро, все еще задыхаясь. – Ашер бен Самуэль говорил, что хотел выбросить ее в реку. Может, это единственное, что нам остается?

Томас покачал головой:

– Нет. Не в реку. Рыбачьи сети легко поднимут ее со дна. Лучше бросить ее в глубокий океан. Возможно, стоит послать одного из вас в морское путешествие, чтобы выкинуть ее за борт.

Аделяр, как истинный философ, заметил:

– Во-первых, нужно убедиться, что она утонет. Но, даже утонув, она останется неповрежденной. И продолжит существовать. Даже если погрузить ее в соленую бездну, она всегда может всплыть. Надо найти способ уничтожить ее.

– Но как? – спросил Рамиро. – Ее нельзя сжечь, нельзя разрезать.

Аделяр сказал:

– Может, у меня получится сделать состав из разных веществ и гуморов, который пересилит защитные чары.

Вещества! Томасу пришла в голову мысль. И почему он не подумал об этом раньше? Он указал на столик в углу:

– Аделяр, подайте святую воду.

Глаза младшего монаха загорелись, он быстро пересек комнату и вернулся с бутылкой прозрачной жидкости. Томас медленно поднялся со стула и подошел к книге, лежавшей на камине. Аделяр подал ему незакупоренную бутылку. Томас благословил ее, а потом вылил часть содержимого на «Компендиум»...

...и ничего не случилось.

Разгневавшись, Томас начал крестообразно разбрызгивать святую воду и завел речитатив: *In Nomine Patri et Fili et Spiritus Sancti!*²

Потом он подождал, молясь, чтобы святая вода разъела страницы. И вновь... ничего.

Над ним стусилась пелена. Неужели у них нет никакого средства против этого адского творения?

– Добрый приор, – сказал Аделяр спустя минуту, – если бы я взял книгу и поэкспериментировал над ней, то, возможно, нашел бы слабое место.

Томас поборол приступ гнева:

– Вы думаете преуспеть там, где не подействовала вода, благословленная во имя Господа?

Аделяр указал на «Компендиум»:

– Эту вещь сотворили из веществ, найденных в Божией земле. Я чую сердцем, что уничтожить ее можно с их помощью.

Может ли философия преуспеть там, где бессильна вера?

– Во имя веры, будем молиться о том, чтобы вы оказались правы.

8

Томас действительно молился – всю ночь. А утром, когда он вышел из своей комнаты в коридор, его ноздри атаковал едкий запах. Похоже, он исходил из мастерской Аделяра в конце коридора. Томас подошел к закрытой двери настолько быстро, насколько позволяла боль в бедренных суставах, и распахнул ее, не постучавшись.

Внутри он обнаружил Аделяра, который держал в руках стальные щипцы. В них был зажат стеклянный сосуд с дымящейся красно-оранжевой жидкостью, занесенный над «Компендиумом».

Сам «Компендиум» лежал на полу.

Аделяр улыбнулся:

– Вы как раз вовремя, приор.

Томас прикрыл рот и нос и указал на фляжку:

– Что это?

– *Aqua regia*. Царская водка. Я только что составил ее. Этот раствор разъедает золото, серебро, платину – почти любой металл, который приходит на ум.

– Но простое стекло сосуда кажется неуязвимым.

– Стекло – не металл. В отличие от «Компендиума».

Томас почувствовал, как у него поднимаются волоски на шее:

– Это отдает алхимией, брат Аделяр.

² Во имя Отца и Сына и Святого Духа! (лат.)

– Ни в коей мере, приор. Aqua regia появилась более ста лет назад. Это просто сочетание некоторых созданных Господом веществ, взятых в определенной пропорции. Никаких чар и заклинаний не требуется. Ее может сделать любой, у кого есть рецепт. Я покажу потом, если хотите.

– Не нужно. Я хочу знать одно: она подействует?

– Если даже золото не может ей противостоять, то «Компендиум» – тем более.

Томас вспомнил, что прошлой ночью был так же уверен в святой воде.

– Пожалуйста, отойдите, приор. Я начну с небольшого количества.

Томас не двинулся с места:

– Начинайте опыт.

Он смотрел, как Аделяр наклоняет фляжку и выливает на обложку одну-единственную каплю дымящейся жидкости. Коснувшись ее, жидкость сразу прекратила дымиться. Узорчатая поверхность не пошла пузырями, не заржавела и вообще не получила повреждений. Аделяр нахмурился и медленно вылил чуть больше жидкости, захватив более обширную площадь, но результат не изменился. С тем же успехом можно было лить туда родниковую воду. Аделяр приподнял обложку ногой, обутой в сандалию, открыл книгу на случайной странице и опустошил фляжку. Разъедающий раствор не подействовал на нее, как и на обложку.

Аделяр сник. Томас подумал, что, наверное, и сам выглядит так же.

– Я не вижу иного средства, кроме как похоронить ее в морских глубинах, – сказал Томас.

Аделяр поднял голову:

– Подождите, добрый приор. Я еще не готов сдаться. Дайте мне три дня, прежде чем я признаю свое поражение.

Томас подумал. Да, три дня можно было выделить.

– Очень хорошо. Три дня, брат Аделяр, но не более. Да поможет вам Бог.

9

Томас провел эти три дня в молитвах, брат Рамиро часто был рядом с ним. Дела трибунала отложили, собрания на время отменили. Два релапсо ждали своего аутодафе, но Томас задерживал приговор до решения более насущного вопроса.

Они не ведали, чем именно занимался брат Аделяр, но Томас знал, что монах постоянно носит в мастерскую загадочные свертки с материалами. Другие члены ордена начали задавать вопросы. Их смущали крики гнева и отчаяния, а еще – какофония из звуков молотка, пилы и бьющегося стекла, которые доносились из-за закрытой двери. Но Томас смог успокоить их, сказав правду: брат Аделяр трудится во славу Господа.

К концу третьего дня результатов так и не появилось, и Томас позвал Рамиро в зал трибунала. Он прищурился, разглядывая пятна и опилки на его черной сутане. Рамиро, очевидно, понял, что его одеяние пристально изучают.

– Я кое-что меняю в библиотеке, приор, – работаю сам, потому что плотника у меня больше нет.

Томас, кажется, распознал укол в последнем замечании. Но не важно...

– Хотя брат Аделяр предпринимает героические усилия, каждый раз, когда я прохожу мимо него по коридору, он говорит, что нисколько не продвинулся. Я оставил надежду на то, что философские средства принесут успех. Думаю, океанское дно – последняя возможность.

Рамиро кивнул:

– Да, приор. К сожалению, именно так. Я буду рад отправиться в путешествие.

Томас улыбнулся:

– Вы прямо читаете мои мысли. Я как раз хотел сказать, что поручаю задание вам. Не думаю, что брат Аделяр вообще спал в последние трое суток. Он не в состоянии совершить такую поездку.

– Это самое малое, что я могу сделать, после всех его усилий.

В этот момент из коридора раздался голос:

– Приор Томас! Приор Томас! Я сделал это!

Молясь о том, чтобы Аделяр не ошибся, Томас позволил Рамиро довести себя до мастерской.

– Я пробовал одно сочетание веществ за другим, – говорил Аделяр, шагая перед ними в одеянии, покрытом бесчисленными дырками от едких смесей, и дико сверкая глазами. – Наконец я нашел то, которое сработало, – возможно, единственное во всем творении!

Он подошел к двери и распахнул ее. Лаборатория была полна дыма, который валил наружу и стелился вдоль пола и потолка.

Дойдя до порога, Рамиро помахал перед собой свободной рукой и разогнал дым. Томас прищурился, чтобы разглядеть обстановку, и увидел странную конструкцию, стоявшую посреди помещения. Это оказался деревянный шкафчик, но большую часть его верхней стороны занимала глубокая стеклянная чаша. Сквозь дым, который поднимался из нее, Томас увидел что-то вроде металлического прямоугольника, погруженного в оранжевый раствор, который кипел и пузырился.

– Что здесь происходит? – спросил Томас.

– «Компендиум»! Он растворяется!

Томас молился, чтобы это не оказалось сном. Буквы и узоры ушли с обложки, и вся книга, похоже, плавилась.

– Но как?..

– Методом проб и ошибок, приор! Я все время добавлял к aqua regia разные соединения и растворы, пока... пока не случилось *это*! Ну разве не диво?

Да. Это действительно было дивом.

– Хвала Господу. Он сотворил чудо. – Томас посмотрел на Рамиро. – Разве вы не согласны?

Рамиро выглядел обеспокоенным, но потом его лицо прояснилось, и он слабо улыбнулся:

– Да, приор, чудо.

Томас подумал о том, что его тревожит. Завидует успеху Аделяра? Или разочарован, потому что не отправится в путешествие по океану?

Почти час они наблюдали за действием. Аделяр периодически добавлял свежий раствор, пока «Компендиум» не превратился в массу полурасплавленного металла. Аделяр щипцами вынул его из раствора и положил на пол.

– Как видите, – сказал он с гордостью, – «Компендиума Срема» больше нет. Раствор превратил его в твердую массу. В нем даже нельзя узнать книгу.

– Я выброшу остатки, – сказал Рамиро.

Аделяр шагнул вперед:

– Нет необходимости, брат Рамиро, я...

– Вы сделали достаточно, брат Аделяр, – сказал Томас. – Отдыхайте. Вы заслужили.

– Но, приор...

Томас поднял руку, прекращая разговор.

Он не понимал, почему Аделяру стало явно не по себе.

10

Томас проснулся от тихого стука в дверь. Сразу вспомнилась недавняя ночь, когда Аделяр явился на его порог с проклятой книгой.

– Да?

– Это брат Рамиро, приор. Я должен поговорить с вами, дело срочное.

– Входите.

Рамиро вошел со свечой. Томас по-прежнему лежал в постели.

– Добрый приор, я должен вам кое-что показать.

– Что это?

– Будет лучше, если вы посмотрите своими глазами.

Томас взглянул на него снизу вверх:

– Скажите словами.

Рамиро сделал глубокий вдох и медленно выдохнул:

– Я хочу показать вам «Компендиум».

– Он не уничтожен? – Томас закрыл глаза и застонал. – Как это возможно? Я думал, вы зарыли в землю все, что от него осталось.

– С сожалением сообщаю, что на ваших глазах растворился не «Компендиум». Это была стопка металлических листов. Кроме золота, серебра и платины, царская водка растворяет олово.

Смысл происходящего стал совершенно ясен.

– Вы обвиняете Аделяра в обмане!

– Да, приор. Мне больно об этом говорить, но, боюсь, так и есть.

– Это страшное обвинение.

Рамиро склонил голову:

– Поэтому я хотел вам показать.

– Что показать?

– Где он спрятал «Компендиум».

Томас понял, что на это придется посмотреть своими глазами:

– Зажгите мою свечу и подождите меня в коридоре.

Рамиро прикоснулся пламенем свечи к фитилю той, что стояла на столе, и вышел. Томас с трудом поднялся с койки и накинул черную рясу. Схватив трость, он присоединился к Рамиро в коридоре, а затем последовал за ним в мастерскую Аделяра.

– Я нашел его здесь, – сказал Рамиро, открывая дверь.

Он подошел к шкафчику в центре комнаты, испещренному отметинами от кислоты.

В стеклянной чаше наверху был виден осадок, выпавший после образования раствора, которое они наблюдали накануне. Рамиро встал на колени и снял со шкафчика боковую панель. Потом он убрал доску из основания внутреннего отделения.

– Двойное дно, – сказал Рамиро.

Из скрытого углубления он достал предмет, завернутый в одеяло, положил его на шкафчик, развернул ткань, и глазам их открылся...

«Компендиум».

Некоторое время Томас не знал, что и думать. Может, это фокус? Может, Рамиро так позавидовал товарищу, что?..

В этот момент в комнату, задыхаясь, ворвался Аделяр:

– О нет! Приор, я могу объяснить!

Молодой монах не пытался ничего отрицать, он только хотел оправдаться. Томас был раздавлен таким предательством.

– Ох, Аделяр, Аделяр, – сказал он едва слышным голосом, – вы оберегаете ересь.

– Это не ересь, раз это правда!

– Она противоречит учению Церкви и явно породит опасные вопросы. Мы это обсуждали.

– Но, приор, ее нельзя ни сжечь, ни разрезать, она смеется над самыми разрушительными составами, что есть у нас. Это древность, и это чудо, настоящее чудо. Колосс Родосский, висячие сады Семирамиды, Александрийский маяк – шесть из семи чудес Древнего мира исчезли. Остались только пирамиды в Гизе. Но восьмое чудо здесь, у нас в руках. Мы не имеем права скрывать его от мира!

Томас услышал достаточно – более чем достаточно. Каждым словом Аделяр подписывал себе приговор.

– Брат Аделяр, вы останетесь под домашним арестом, пока солдаты инквизиции не приведут вас на трибунал.

Глаза Аделяра расширились еще сильнее.

– На трибунал? Но я вхожу в него!

– Мне хорошо известно об этом. Хватит разговоров. Вы будете дожидаться суда у себя в келье.

Сокрушенный Аделяр, шаркая, удалился к себе. Томас не беспокоился о том, что он может сбежать. Аделяр знал, что от святой инквизиции нельзя скрыться.

Что заботило Томаса, так это необходимость судить на трибунале члена самого трибунала. Случай беспрецедентный. Придется хорошо все обдумать. Ну а пока...

– Брат Рамиро, заверните этот адский том в кусок ткани и проследите, чтобы никто больше его не увидел. Приготовьтесь выбросить его в море при первой возможности.

– Да, приор.

Приор посмотрел, как монах оборачивает книгу одеялом и уносит ее в свою келью. Томас спустился в свое обиталище и уже хотел снять сутану с капюшоном, когда услышал, что в дверь стучат.

Неужели ночной сон навсегда остался в прошлом?

За дверью послышался приглушенный голос Рамиро:

– Мне так неловко, приор, но я должен снова поговорить с вами.

Томас открыл дверь и обнаружил, что дородный брат стоит на пороге с изумленным выражением на лице. Он прижимал к груди одеяло с «Компендиумом» внутри. Оно выглядело мокрым.

– Она не тонет.

– Что вы имеете в виду?

– Я бросил книгу в чан с водой на кухне. Она не тонет.

Томас не удивился. С чего бы ей тонуть? Тогда было бы слишком легко от нее избавиться.

– Мы положим ее в сундук, утяжеленный свинцом, обернем его железными цепями...

– Сундуки разрушаются в соленой воде, как и цепи. Рано или поздно она всплывет.

Томас не мог с этим спорить:

– Что же нам делать, брат Рамиро?

– У меня есть идея...

11

Томас стоял сбоку от двух релапсо, копавших глубокую яму на задах королевского клуатра. Король Фердинанд и королева Изабелла должны были прибыть через неделю-другую, чтобы провести здесь лето, а до этого клуатру предстояло пустовать. Королева хотела, чтобы с северной стороны устроили патио, которое оставалось бы в тени после обеда. Поскольку деньги

на монастырь шли из королевской казны, любой ее каприз был приказом. Участок расчистили, выровняли и наполовину вымостили фигурными гранитными плитами. Вторая половина оставалась незамощенной. Там, при свете фонарей, расставленных вокруг ямы, трудились релапсо.

– Вот, приор, – сказал Рамиро, подходя сзади. – Я принес вам стул.

Он поставил обитый кожей стул на плиты, и Томас с радостью им воспользовался. Он прижимал к груди завернутый «Компендиум». От долгого стояния на ногах у него заныла поясница.

– Это блестящий план, Рамиро, – прошептал он.

– Я живу, чтобы служить вере. Хочется думать, что меня вдохновил Господь.

План был простым и при этом безупречным: похоронить «Компендиум» на участке, который собирались замостить тяжелыми плитами. Монастырь Святого Фомы простоит века, а может, тысячу лет или даже больше. «Компендиум» никогда не найдут. А если и найдут, возможно, монахи к тому времени поймут, как его уничтожить. Но этот день может вообще не настать. Не останется никаких записей о «Компендиуме Срема», тем более – о месте, где он спрятан. Двое релапсо не понимают, зачем они копают яму, и не узнают, что здесь будет зарыто. А если бы и узнали, какая разница? Оба приговорены к аутодафе. Томас проследит, чтобы их сожгли на следующий день, рано утром.

Только Томас и Рамиро будут знать, где оказалась книга. Тайна умрет вместе с ними.

Вместе они наблюдали за тем, как яма увеличивалась в размерах. Релапсо работали по очереди: один спускался по стремянке с лопатой и наполнял ведро землей, а другой, стоявший наверху, вытягивал ведро с помощью веревки, опустошал его и снова опускал. Это продолжалось до тех пор, пока верхушка десятифутовой лестницы не оказалась вровень с землей.

– Думаю, уже достаточно глубоко, – сказал Томас.

Рамиро приказал нижнему релапсо подняться и вытянуть лестницу из ямы. Потом он связал обоим руки за спиной, завязал глаза и заставил их опуститься на колени так, чтобы лица были обращены в противоположную сторону.

Он протянул руки к Томасу:

– Разрешите, приор?

Томас передал ему «Компендиум» и проследил, как он разворачивает книгу. В мерцающем свете фонаря показалась странная обложка. Фоновый узор представлял собой перекрестные штрихи. Приор ненадолго закрыл глаза, а когда снова открыл их, на месте штрихов были асимметричные завитки.

– Это последний раз, когда кто-нибудь видит адскую книгу, – сказал Рамиро и протянул Томасу два шнура. – Я думаю, честь перевязать сверток принадлежит вам.

Томас протянул один шнур вертикально, а другой – горизонтально, сделав крест, и вручил книгу Рамиро.

– Вы не желаете предать ее земле?

Томас покачал головой. Его ноги устали, а спина болела.

– Сделайте это, брат Рамиро.

– Как пожела... – Он вскинул подбородок. – Кажется, я увидел падающую звезду.

– Где? – Томас обшарил взглядом безоблачные небеса.

– Исчезла. Это была вспышка с ярким следом. Всего один миг. Думаете, это не случайно – увидеть падающую звезду именно сейчас? Может быть, Господь благословляет наше дело?

– Одни говорят, что это проклятые души, которых сбрасывают в ад, другие – что это знак удачи. А третьи утверждают, что падающие звезды – просто звезды, которые соскользнули с купола небес и падают на землю.

Рамиро закивал:

– Может, не стоит придавать этому слишком много значения. – Он поднял перевязанный сверток. – Я бы сам отнес его на дно, но, боюсь, не пролезу.

Он поднял одну из ламп, подошел к яме и высоко поднял над ней книгу. Томас увидел, как «Компендиум» падает в глубину. Потом Рамиро начал забрасывать его землей. Высыпав с полдюжину лопат, он развязал релапсо и приказал им закончить работу.

Когда они сделали это и разровняли землю над ямой, Рамиро снова связал их, но на сей раз заткнул им рты, прежде чем отвести в камеры.

Томас остался сидеть, глядя на голую землю. Он будет пристально следить за патио, пока работы не закончатся. Как только дворик замостят, «Компендиум» скроется от людских глаз... навсегда.

12

Релапсо в огненных столбах наконец перестали вопить. Рамиро бросился прочь с городской площади и поспешил в монастырь. Он всегда держался подальше от площади во время аутодафе, но сегодня почувствовал, что ему достанет смелости выйти в предрассветный холод и наблюдать за казнью. Эти двое несколько раз выступили против церковной практики продажи индульгенций. В глубине души Рамиро был согласен с ними, но ему хватало ума не заявлять об этом вслух.

Он предвидел, что это будет ужасно – смотреть на человека, сгорающего заживо, но реальность оказалась хуже всех представлений. Однако теперь с этими релапсо было покончено. Больше они не будут проповедовать ересь, но, что еще важнее, знание о месте, где они прошлой ночью выкопали яму, скончалось вместе с ними.

Он шел, и прохожие отводили взгляды – как обычно.

Рамиро ненавидел инквизицию и то, что она сделала с Испанией. Он находил логичным, что Церковь желает охранять учение, лежащее в ее основе, – но какой ценой это делалось? Тысячи тысяч подверглись пыткам, сотни сотен умерли в агонии, десятки тысяч были изгнаны из страны. Весь общественный порядок был перевернут с ног на голову.

Но сохранение веры было только одной из целей. Война за корону Кастилии, в которой погибла его семья, как и война в Гренаде, – более того, вся Реконкиста – привели монархию к банкротству. Изгнание евреев и мавров не просто сделало Испанию христианским королевством. Брошенная ими собственность попала в руки Церкви и Королевского казначейства – ее поделили пополам. То же и с еретиками: Церковь и казначейство поровну делили их собственность и деньги.

Богатство и власть – два святых Грааля Церкви и государства.

Подойдя к монастырю, он обошел королевский клуатр, чтобы посмотреть, как продвигается работа в патио. Каменщики трудились изо всех сил, плотно подгоняя друг к другу каменные плиты и обтесывая для этого края. К вечеру или, самое позднее, завтра к обеду патио будет полностью замощено.

Довольный увиденным, Рамиро пошел дальше и вошел в тот клуатр, откуда вела дверь в его жилище. Другие монахи этим весенним утром обрабатывали монастырские поля перед посевной. Скоро он присоединится к ним, но сначала...

Он спустился в подвал, где держали еретиков и то, что Торквемада любил называть «орудиями правды», – дыбу, колесо, тиски для пальцев, испанские сапоги. Аделяра заключили в одну из подземных камер без окон. Охранников не требовалось: двери были толстыми, а замки – прочными.

Он подошел к единственной запертой камере и посмотрел внутрь через забранное прутьями окошко.

– Брат Аделяр? – прошептал он.

В окне показалось лицо Аделяра.

– Рамиро? У вас есть новости? Они решили?

– Прошу прощения. Я ничего не слышал. Чувствую себя ужасно, потому что предал вас.

– Понимаю. Но у вас не было выбора. Возможно, я поступил бы так же. Я не знаю... Не знаю, что на меня нашло. Как будто книга навела на меня чары. Вопреки всякому здравому смыслу, мне надо было ее взять, надо было ее спасти.

Рамиро кивнул. Он хорошо знал это чувство.

Он просунул руку через отверстие в рясе и нащупал мешок, привязанный к его объемному животу. Оттуда он достал небольшой бурдюк.

– Вот, – сказал он, проталкивая бурдюк между прутьями. – Для силы. Для мужества.

Аделяр вытащил пробку и жадно выпил.

– Меня не кормят и дают очень мало воды.

«Каково это? – подумал Рамиро. – Со сколькими людьми вы обошлись точно так же, чтобы они ослабели и скорее признались под пытками?»

Допив вино, Аделяр протолкнул пустой бурдюк через прутья:

– Спасибо. Здесь я не надеялся ни на чью доброту.

– Я оставляю вам хлеба от полуденной трапезы и принесу его.

Аделяр всхлипнул:

– Благослови вас Господь, Рамиро!

– Я должен идти. У меня здесь нет никаких дел, и я не хочу, чтобы меня поймали.

– Да. Идите. Я буду с нетерпением ждать вашего возвращения.

– До свидания, брат.

Поднимаясь на первый этаж, Рамиро уже знал, что у него не будет повода вернуться. Яд в вине убьет Аделяра в течение часа.

Дойдя до библиотеки на третьем этаже, он с облегчением вздохнул. Как обычно, в это время дня она была в его полном распоряжении.

Монах приподнял одну из больших плит в задней части комнаты и посмотрел на «Компендиум Срема», который лежал в специально сделанном углублении. Рамиро провел пальцами по обложке.

«Сколько преступлений я совершил ради тебя...»

Семья Рамиро хранила «Компендиум» с незапамятных времен. Его передавали от отца к старшему сыну в течение бесчисленного множества поколений. Но никто ни в одном из этих поколений не создавал книгу. Она просто *была*.

Рамиро не был старшим в роду, но после битвы при Торо остался единственным сыном. Тогда он утаил «Компендиум» от инквизиции и от всех, кто веками искал его. Но по мере того как инквизиция укреплялась, усиливая свою власть над населением, все глубже и глубже проникая в жизнь тех, до кого могла дотянуться, он начал понимать, что владение этой магической книгой грозит ему смертью. Беспокойство дошло до того, что он осознал: надо изменить все и либо бежать в другую страну, либо спрятаться в пасти зверя.

Он выбрал второе и вступил в орден доминиканцев. «Компендиум» он взял с собой, посчитав, что последнее место, где будут искать еретическую книгу, – монастырь того самого ордена, которому доверена инквизиция. В его семье никогда не исповедовали никакую религию, все просто притворялись христианами, чтобы не выделяться. После пострижения Рамиро обнаружил, что притворяться легко, и спокойно наслаждался безмятежной монашеской жизнью.

Но беспокойство росло. Монах держал книгу под двойным дном своего маленького комода, но, если бы ее нашли, он оказался бы на дыбе. Тогда Рамиро решил, что больше не хочет охранять «Компендиум». Это была семейная традиция, но он не мог и дальше выполнять обет. Требовалось избавиться от книги, спрятать ее для будущих поколений. Но Рамиро не должен был знать, где она спрятана, потому что он не смог бы сопротивляться соблазну выкопать ее и еще раз перелистать. А потом еще раз. И еще раз...

И тогда он завернул книгу, обвязал ее веревкой и отдал плотнику Педро. Он верил, что этот простой человек не нарушит указаний: не разворачивать том и закопать его где угодно, а потом держать это место в полной тайне и не рассказывать о нем никому, даже Рамиро. Педро согласился и торопливо удалился в ночь.

Спустя много дней Рамиро чуть не упал в обморок от изумления, когда Аделяр пригласил его в свою келью, чтобы показать чудесную новую книгу, купленную на рынке.

Педро предал его.

В ту же минуту Рамиро понял, что хочет получить книгу назад. «Компендиум» должен принадлежать ему.

Он притворился, что ничего не знает о книге, и вместе с Аделяром пошел по следу, который привел его к Педро. Войдя один в хибару плотника, он вынул нож из рукава сутаны и ударил хозяина в сердце. Он не чувствовал угрызений совести – ни тогда, ни теперь. Он доверил Педро эту задачу, но плотник предал его самым бесчестным образом – и предательство могло стоить Рамиро жизни.

Рамиро знал из семейных преданий, передававшихся из поколения в поколение, что «Компендиум» не боится воды, огня и металла. Поэтому он так ожесточенно рубил его топором палача: он был уверен, что книга неуязвима.

А потом Аделяр сделал жалкую попытку одурачить их, убедив, что нашел растворитель, способный уничтожить «Компендиум». Торквемада видел плохо, но Рамиро прекрасно знал книгу и сразу распознал фальшивку. После этого оставалось лишь выяснить, где Аделяр спрятал оригинал. Проще всего было вернуть книгу себе. Сделав так, чтобы Торквемада сам обвязал «Компендиум», Рамиро притворился, будто видит падающую звезду. Пока старик рассматривал небо, Рамиро через прорезь в сутане нащупал мешок, где утром прятал вино для Аделяра. Он вынул жестяную подделку и завернул ее так же, как был завернут оригинал. Настоящий «Компендиум» занял место в его мешке, а подделка отправилась в землю.

Рамиро покачал головой. Он лгал ради «Компендиума», предал и убил друга ради него, а потом украл его у самого Великого инквизитора.

«Возможно, ты и вправду из ада, – подумал он, касаясь выпуклых букв. – Смотри, что я сделал из-за тебя».

Но нет, «Компендиум» явился не из ада. Аделяр был прав: его сотворили давным-давно, в допотопные времена. Это действительно было восьмое чудо Древнего мира. Однако от современного мира его следовало скрывать. Не потому, что оно угрожало вере, как сказал Торквемада, – Рамиро не было дела ни до какой веры, – но потому, что мир в нем пока не нуждался.

Он положил книгу на место и направился в поля.

Педро, Аделяр и два релапсо были мертвы. Один взгляд на Торквемаду – и любой скажет, что Великий инквизитор скоро присоединится к ним. Почти безграмотный мориск с рынка не имел понятия, какое сокровище побывало у него в руках. Оставался только Ашер бен Самуэль, но он – конверсо, за которым пристально следит трибунал, и не станет об этом говорить.

Судя по всему, «Компендиум» был в безопасности... по крайней мере, пока.

Семейное предание Рамиро утверждало, что «Компендиум» – орудие судьбы, которому в будущем уготована важная роль. Рамиро снова дал обет сохранить его для будущего. Под полом библиотеки книга была спрятана надежнее, чем в комод или под каким-нибудь полом. Однажды она найдет предназначенное ей место – и судьба свершится.

Однажды он покинет орден и найдет жену. У него родится сын, который положит начало новой традиции, охраняя «Компендиум».

А пока книга будет принадлежать ему, и только ему. Никто не сможет прикоснуться к ней или прочесть о чудесах, описанных и изображенных внутри ее. Только он. И Рамиро это нравилось.

Линдси Фэй

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Сопрано, владеющая поп-вокальной техникой белтинга, Линдси Фэй закончила Университет Нотр-Дам-де-Намюр по двум специальностям – «английский язык» и «театральное мастерство» – и несколько лет работала профессиональной актрисой в области залива Сан-Франциско.

Первый роман Фэй «Прах и тень: рассказ доктора Джона Ватсона об убийствах Потрошителя» – дань уважения холодному гению и его добросердечному другу, подвиги которых она любит с детства. Ее второй и третий романы, «Боги Готэма» и его продолжение, «Тайна семи», рассказывают историю Тимоти Уайлда, бывшего бармена, а ныне полицейского, захваченного событиями, происходящими в беспокойном и опасном Нью-Йорке XIX века.

Линдси Фэй с мужем живут к северу от Гарлема, у них две кошки: Грендель и Пруфрок. В те немногие часы, когда Линдси не пишет и не редактирует, она чаще всего готовит или варит пиво. Линдси Фэй гордится своим членством в Актерской ассоциации за справедливость, в обществах «Авантюристки Шерлока Холмса», «Малышки Бейкер-стрит», «Ополчение Бейкер-стрит», «Американские детективы» и «Пишущие девушки».

ПИСЬМО КОЛЕТТ ЛОМАКС А. ДЭВЕНПОРТУ **ЛОМАКСУ, 3 сентября 1902 года**

Здравствуй, мой дорогой и единственный!

Ты и представить себе не можешь, с какой безответственностью я сегодня столкнулась.

Ты прекрасно знаешь, что я никогда не требую отдельной грим-уборной, если мы выступаем в театре, ибо сама мысль об этом предполагает бездушное пренебрежение к нуждам других артистов. Однако не могу принять как должное, когда мне бронируют место в вагоне второго класса (!) в поезде из Реймса в Страсбург. Носильщик заверял меня, что у мелкой железнодорожной компании, услугами которой пришлось воспользоваться нашей труппе, отдельных купе попросту нет, – и все же, мне кажется, я не напрасно подозреваю, что импресарио снова одурачили свою «восходящую звезду». Один запах супа из соседнего вагона-ресторана поверг бы меня в уныние, даже если бы я не сидела, сцепив лодыжки.

Как же я ненавижу krautsuppe!³ Право слово, дорогой мой, преисподняя пропитана ароматом разваривающейся капусты.

Пока я пишу тебе, маленькие городки – скошенные крыши и шпиль единственной церквушки – проносятся мимо меня один за другим, словно почтовые открытки. Ужасно утомительно. Помимо того что я лишена возможности уединиться для вокальных упражнений, отдых, которому я обычно предаюсь в дороге, нарушен храпом машинистки, едущей к новому месту службы, и рыданиями младенца, беспрестанно досаждающими нам. Благодарение счастливой судьбе, что наша Грейс уже выросла и не навлекает на себя подобного неудовольствия окружающих, – впрочем, как ты нередко напоминаешь мне, я недостаточно часто бываю дома, чтобы утверждать это с научной достоверностью. Твоя правота ранит меня сильнее, чем я в силах выразить. Пожалуйста, обними покрепче нашу дочурку и знай, что никогда еще я не проявляла столь вопиющей неблагодарности за возможность отправиться в оперное турне.

Как отнеслись коллеги к твоей просьбе назначить жалованье более приличествующее помощнику библиотекаря? И главное, что сказал библиотекарь? Не могу представить себе

³ Суп с капустой (нем.).

более достойного кандидата на повышение, чем ты, и поэтому живу с надеждой на то, что ты бурно праздновал и попросту забыл сообщить своей супруге о радостном известии.

Бесконечно любящая тебя

Колетт Ломакс

ЗАПИСКА, ВЛОЖЕННАЯ В БЛОКНОТ А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 3 сентября 1902 года

Дорогой папа!

Сегодня утром, когда я ловила на заднем дворе бабочек сачком, подаренным тобой, мисс Черч спросила, не хочу ли я пойти в дом и зарисовать форму их крыльев, как я запомнила, я хотела, но еще подумала если есть бабочки, разве нет фей? Ты всегда говоришь, что они существуют только в нашем воображении, но я знаю мы должны использовать научный подход и выяснить наверняка и может быть они все таки есть! Я пыталась найти доказательство что они не существуют и мне не удалось.

С любовью,

Грейс

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 3 сентября 1902 года

В последнее время пытаюсь постичь непостижимое.

Скажем, как может быть, что при лечении смертельно опасных вирусов, наподобие сибирской язвы и бешенства, противоядия получают из ядов и доктор уровня Пастера может создать вакцину из самой болезни? Как получается, что моя жена Летти, казалось бы «бесконечно» меня любящая, подписывает оперные ангажементы, которые на ближайшее будущее лишат меня ее присутствия? Как получается, что помощник библиотекаря, которого то и дело заверяют в ценности его знаний, не может себе позволить даже собственного экипажа, не говоря уже об автомобиле, и вынужден по большей части пользоваться подземкой? Я всегда ценил парадоксы, но, надо признать, среди них есть и неприятные.

Возьмем, например, следующее противоречие: комплименты – по крайней мере, получаемые мною как работником Лондонской библиотеки – превратились в сущее наказание. В тот момент, когда библиотекарь неявно выражает мне похвалу – легонько сжимает мое плечо иссохшей рукой, когда мы проходим между стеллажами, а если слышит, как я даю совет посетителю, натужно кашляет в знак одобрения, – у меня незамедлительно начинают консультироваться по бесчисленному множеству новых тем. На прошлой неделе – по редкой разновидности папоротника венерин волос, на этой – по принципам мостостроения. На следующей я должен собраться с духом и подготовиться отвечать на запросы о монофонических песнопениях, а может, о рационе черных домашних свиней.

Ведь не настолько трудной должна быть жизнь помощника библиотекаря? Я бреду через Сент-Джеймс-сквер к странному вытянутому зданию, белый известняковый фасад которого и бесчисленные окна, искажающие расплывчатые очертания безликих посетителей, постоянно покрыты тонким слоем сажи из-за нескончаемого тумана, – и, едва ступив на ковер в холле библиотеки, уже чувствую усталость. Когда я добираюсь до гардероба, чтобы повесить пальто, у меня больше нет сил. Получать любые знания – наслаждение для меня, но трудно представить себе, чтобы во времена Карлейля⁴ поощрялся сизифов труд.

⁴ Томас Карлейль (1795–1881) – британский писатель и историк, основатель Лондонской библиотеки (1841).

А может, и поощрялся, только помощники библиотекаря сочли разумным не оставлять записей о своих горестях.

В довершение ко всему из-за разъездов Летти на меня легла непреложная обязанность – заботиться о душе и мыслях маленькой Грейс. Как оказалось, эта важная задача приводит меня в волнение, зачастую чрезмерное, учитывая, что: 1) я – довольно известный ученый, жадно поглощающий любые знания, и должен быть уверен в себе; 2) Грейс – исключительно смысленный и благовоспитанный ребенок; 3) за шесть месяцев Летти провела дома не больше пары недель, так что мне пора бы привыкнуть.

Правда, ее присутствие весьма разорительно, но намного несноснее досада, вызванная ее отсутствием. Спешу заметить: когда мы женились, я знал, что ее вкусы тяготеют скорее к шампанскому со свежими устрицами, чем к пиву с орешками. Но Летти по-своему великолепна в своих причудах, и прежде, когда я больше воспевал огни в прическе, чем то, что находится под диадемой, у нас еще не было дочери, желающей знать, весят ли что-нибудь лунные лучи. Лишенный помощи Летти, которая выдала бы восхитительно-бездумный ответ, сегодня утром я самым глупым образом оказался на распутье: с одной стороны, мне хотелось уверить Грейс, что при достаточной чувствительности вес лунного света можно ощутить, а с другой – что, согласно новейшим представлениям, здесь правильнее говорить не о плотности, а о скорости.

Ну да хватит о Летти. Мне хочется думать, что она счастлива, и я говорил ей об этом бесчисленное число раз, а счастливее всего она, когда поет. И поэтому мы, все прочие, идем своей дорогой, предоставленные сами себе, и не возмущаемся. Стану представлять себе Летти с заколотыми наверх золотыми волосами, которая стоит у огней рампы, улыбаясь лукавой и мудрой улыбкой; тем и удовлетворюсь.

В конце концов, когда я провожу время с Грейс, то незаметно обретаю покой. К моему изумлению, то же происходит и с Грейс. Мы всего лишь рассматриваем акварели и учимся свистеть, и ничто не отвлекает нас от солнечного света на заднем дворе или от веселых обоев с зеленым плющом, которыми оклеены стены детской. Пусть это отдают самонадеянностью, но подозреваю, что, если я буду проводить с Грейс больше времени, это благотворно скажется на ней. Не сомневаюсь, что мисс Черч прикладывает должные усилия, но ей не свойственны ни правильность суждений, ни художественное чутье, а значит, можно рассчитывать лишь на то, что эта гувернантка сделает из ребенка ничем не примечательную серую мышку.

Кстати, о мышках. Сегодня у меня произошла странная встреча с одной из них в Лондонской библиотеке. В мой скромный кабинет вошел Теодор Грейндж, объяснив, что хочет проконсультироваться у меня относительно обрядовой магии, но с тем же успехом он мог бы поинтересоваться, где найти лучшие сырные обрезки (впрочем, я вооружен нужными книгами, чтобы прийти ему на помощь и в том и в другом случае). Тонкие губы моего гостя подергивались при каждом его заявлении, карие глаза были тусклыми, волосы поблекли, кожа под глазами порядком обвисла, он часто моргал и всем своим видом олицетворял меланхолию.

– Мистер Ломакс, мне дали о вас превосходнейшие отзывы, – проскрипел он, промокивая пот на верхней губе, хотя для сентября в библиотеке уже довольно холодно, а через окна льется холодно-голубой свет. – Вы непременно должны рассказать мне все, что знаете о черной магии, – все сразу.

– В таком случае расскажу, – неуверенно проговорил я в ответ на этот необычайный запрос. – Мистер?..

– Грейндж, сэр, Теодор Грейндж. Хвала Господу! – выдохнул он. – Я боялся, что вам будет недосуг. Сам главный библиотекарь сообщил мне, что ваши познания поистине энциклопедичны, сэр!

– Да что вы! – вздохнул я.

– Святая правда! Вы моя последняя и главная надежда – без вашей авторитетной поддержки, сэр, братство Соломона через год может прекратить свое существование. Наше обще-

ство разваливается! Трещит по швам! И хотя я вступил в его ряды позже остальных, мое сердце разрывается при мысли об этом.

– Такого нельзя допустить, – не слишком убежденно произнес я и повел его к нужным стеллажам по узким проходам между полированными деревянными полками.

Пытливые посетители, требующие сказать им со всей определенностью, существуют ли феи, драконы и суккубы, оказываются, как правило, малообразованными чудаками (не берем в расчет малышку Грейс, которой положено спрашивать об этом); я поймал себя на мысли о том, что Грейндж вызывает у меня необъяснимое участие. Этот господин казался хрупким, как древняя бумага. Пока мы шли, тихонько поскрипывая ботинками о кованые ступени, я сочувственно его слушал. Грейнджа особенно интересовали гримуары⁵ и их полезность. Осторожно, так же как я развенчивал бы перед Грейс волшебный ореол Санта-Клауса, я сообщил ему, стараясь не высказываться слишком категорично, что полезность их пренебрежимо мала. В нашем собрании имеется несколько оккультных текстов, которые наверняка ему подойдут.

– С вашей авторитетной помощью я смогу раз и навсегда доказать или опровергнуть подлинность Евангелия от царицы Савской! – объявил он, пожимая мне руку.

– Буду весьма рад, – заверил я, по-прежнему пребывая в недоумении. Все это начинало меня забавлять.

Теодор Грейндж не выходит у меня из памяти и сейчас, когда я с бокалом бренди в руке сижу, вытянув ноги к камину, а Грейс перебирает мои астрономические карты. Странно, что он настолько завладел моими мыслями, ибо я не знаю, доведется ли мне еще раз перекинуться с ним парой слов. Я выдал ему наши самые серьезные книги по такому сомнительному предмету, как темная магия, и, возможно, меня не будет на месте, когда он придет их возвращать. Моему любопытству к этому человеку, видимо, так и не суждено удовлетвориться. Ну да ладно, надо помочь Грейс, которая просила меня доделать вместе с ней подвижную модель Солнечной системы, а потом написать ответ Летти. После того как помощник библиотекаря выполнил свою работу, намерения Грейнджа никоим образом его не касаются.

Как причудливо наш ум скользит от одного предмета к другому! Я сижу и люблюсь всеми черточками Грейс, которые сегодня безошибочно доказывают, что она – дочь Летти: бледная кожа, отливающая жемчужным блеском в свете пламени камина, упрямо надутые губки, синие, с зеленоватым оттенком, глаза. И одновременно я испытываю радость, почти облегчение оттого, что она может похвастаться буйными мягкими кудрями каштанового цвета, как у меня, и что у нее квадратный подбородок без ямочки.

Совершенно бессмысленное замечание, хотя, полагаю, весьма типичное для родителя. А на кого же еще, черт возьми, Грейс быть похожей? Постараюсь изо всех сил больше не делать таких примитивных наблюдений и буду считать тему навсегда закрытой.

ПИСЬМО КОЛЕТТ ЛОМАКС А. ДЭВЕНПОРТУ ЛОМАКСУ, 8 сентября 1902 года

Здравствуй, мой дорогой и единственный!

Попыталась привести в порядок тот кошмар, который моя антреприза сочла подходящим для меня жилищем: это взбудоражило бы научное сообщество, если бы исследование плесени считалось прибыльным делом. (А может, оно и вправду прибыльное? Тогда поспеши ко мне и припади к новому источнику богатства!) Чтобы не вдаваться в долгие объяснения, отмечу только, что цвет постельного белья был не вполне обычным, остальное предоставляю твоему плодовитому воображению.

⁵ Гримуар – книга, содержащая заклинания и описания магических процедур по вызыванию духов и демонов.

Что подельывает Грейс? Каким утешением было получить от нее рисунок звездной системы, которую вы с ней изучали в телескоп! Пока я еще не слегла с неизлечимой пневмонией (когда я предаюсь подробному изучению этого места, такой исход представляется мне неизбежным), зарисую созвездия, которые я вижу из своего узкого окошка, и попрошу тебя проэкзаменовать по ним Грейс.

Увы, исполнять «Сафо» Массне в этой пародии на европейский город – вовсе не то развлечение, которого мне хотелось бы в последние дни жизни. Думай обо мне с любовью и знай, что я страдала во имя искусства.

Любящая тебя

Колеетт Ломакс

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 9 сентября 1902 года

– Мистер Ломакс, все это совершенно не подходит! – оглушительно прогудел сегодня утром Теодор Грейндж, появившийся после шестидневного отсутствия, и с высоты своего немалого роста сгрузил на стол рекомендованные мной книги. – Гримуар, найденный мистром Себастьяном Сковилом, – предмет уникальный. Я подробно изучил книги, которые вы предложили, и вынужден заключить, что найден доселе остававшийся сокрытым демонический текст великой силы и, возможно, еще большей вредоносности!

Я поднял голову. Снимая очки-половинки, я улучил мгновение и внимательно посмотрел на беднягу. Он нашел меня в читальном зале периодики. Заметить меня можно было не сразу: я устроился за белыми колоннами в просторном кожаном кресле, хитроумно спрятавшись от библиотекаря, и исследовал, по поручению одного нашего читателя, древние кельтские монеты. Грейндж опустился в кресло напротив моего, и в свете пламени камина у него на лбу заблестела нездоровая испарина.

– Ваш друг Сковил тоже интересуется оккультными науками? – отважился спросить я, радуясь его появлению, несмотря на занятость.

Он неопределенно махнул рукой:

– Мы все интересуемся, все до единого: братство Соломона для того и существует, чтобы изучать сверхъестественное. Я вступил в него позже всех других, как уже говорил, и поэтому меньше своих товарищей искушен в том, что невежественный люд именует темными искусствами. Видите ли, клуб невелик и состоит из влиятельных деловых людей. Моя компания вкладывает деньги в разнообразные ценные бумаги, и для меня очень важно поддерживать знакомство с такими людьми. Да и по правде сказать, какая разница – заводить дружбу за стаканом виски и сигарой на скачках или за стаканом виски и сигарой, склонившись над магическими манускриптами?

Мне подумалось, что разница весьма велика, но я не стал на это указывать.

– Признаюсь, я был скептиком, – хрипло проговорил Грейндж и содрогнулся. – Гримуар, отравляющий всех, кто осмелится его изучать, кроме тех, чьи помыслы безусловно чисты, а ум пытлив? Абсурд. И тем не менее я больше не сомневаюсь. Евангелие от царицы Савской – текст исключительной силы, такой силы, что управлять ею в состоянии один лишь мистер Сковил.

Постукивая очками по губе, я размышлял о сказанном. По моему разумению, гримуары – парадокс. Как правило, они содержат точные описания ритуалов, необходимых для того, чтобы призвать демонов и подчинить их воле мага. Но обрядовая магия, как считается, в огромной степени зависит от добродетели волшебника – от того, насколько бескорыстен призыв исполнить его повеление, обращенный к ангелам или к их падшим братьям, – а малый, высвистывающий Вельзевула, скорее всего, не замышляет ничего хорошего.

– Книга, отравляющая тех, кто ее изучает? – удивленно переспросил я. – Это просто невозможно.

Грейндж покачал головой, достал из кармана шелковый квадратик и вытер затылок. Вид у него, пожалуй, был гораздо более нездоровый, чем у человека, с которым я познакомился шесть дней тому назад. Вялые складки на шее потемнели и стали пепельными, а в глазах отражалась неутрачиваемая боль.

– Я сам страдаю оттого, что прочел Евангелие царицы Савской, – заявил он. – Заключив – благодаря книгам, которые вы мне выдали, – что оно явно подлинное, я поспешил вернуть злосчастную книгу Сковилу. Он – крупный исследователь эзотерики, он обнаружил Евангелие, и он – единственный, кому оно не приносит пагубных последствий.

Нумизмат, вероятно, выслушал бы невозмутимо всю эту ахинею и вернулся к изучению поэтичных золотых изображений на монетах паризиев⁶. Но я – не нумизмат, поэтому я закрыл книгу, посвященную кельтским монетам, и попросил Грейнджа продолжить рассказ. Бедолага, казалось, был рад сбросить с себя этот груз. Он повернулся в кресле и метнул несколько взглядов в малолюдный читальный зал, словно опасался, что его подслушивают.

– Вот уже два месяца, как я вступил в братство Соломона, – приглушенно начал он. – Один мой знакомый, мистер Корнелиус Пайетт, порекомендовал мне его в качестве полезного хобби – такого, которым занимаются люди с умом, характером и средствами. Я сходил на одно заседание и нашел, что общество и винный погреб вполне соответствуют моим вкусам, а предмет разговора представляет для меня немалый интерес. Вы знакомы с разновидностями церемониальной магии? Честно говоря, сэр, поначалу я ничего о них не знал, но потом увлекся до одержимости.

– Отчасти знаком, – признался я, вытирая очки-половинки о рукав. – В самом общем смысле чародейство делится на белую и черную магию, которые различаются не столько практикой, сколько намерениями. Адепт белой магии пытается призвать добрых духов с благими целями, адепт черной – злых, с порочными целями. Есть еще, конечно, важные территориальные различия. В тексте о парижском сатанизме содержатся иные указания, нежели в еврейской каббале, но оба они обозначают путь к господству над миром духов. Или по крайней мере, так в них утверждается.

– Именно так! – одобрил он. – Именно так, сэр, и непосредственная цель братства Соломона – исследовать священные тайны, описанные легендарным и премудрым царем Соломоном, о котором говорится в Библии.

По моим внутренностям поползла неприятная дрожь.

– В таком случае, изучайте перевод «Ключа царя Соломона», сделанный Лидделлом Мазерсом⁷ в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году. Учась в университете, я читал его с большим интересом.

– Что вы говорите! Восхитительно! Что привлекло вас к нему?

– Я понял, что должен сам увидеть, вокруг чего подняли весь этот шум, – возможно, потому, что меня интересуют любые знания, а это было замечательно своей запретностью. К сожалению, вынужден вам сообщить, что не обнаружил в этой книге большого смысла.

«Ключ царя Соломона» – гримуар из гримуаров; старшие из сохранившихся экземпляров созданы в эпоху итальянского Возрождения, хотя автором книги все же называют величайшего иудейского правителя. Латинский кодекс, переведенный Мазерсом, хранится в Британском музее. Он состоит из обращений к Богу, заклинаний, инвокаций и рецитаций: одни предназначены для вызывания духов, а другие – для одурачивания врагов или поиска потертых предметов. Так далеко, чтобы писать кровью летучей мыши, я не заходил, но, пом-

⁶ *Паризии* – кельтское племя.

⁷ *Сэмюэль Лидделл «Макгрегор» Мазерс* (1854–1918) – британский масон и оккультист.

нится, – и это было не только полушутливым экспериментом – искал пропавший перочинный нож, повторяя следующую рецитацию:

«Всемогущий Отец и Господь, Который прозревает Небеса, Землю и Преисподнюю, милосердно даруй мне Твоим Святым Именем, четырьмя литерами начертанным – ЙОД, ХЕ, ВАВ, ХЕ, – чтобы это заклинание дало мне силу, Ты, Кто есть ИАХ, ИАХ, ИАХ, повели, чтобы властью Твоей духи обнаружили то, что нам требуется и что мы надеемся найти, и чтобы они явили и объявили нам тех, кто совершил кражу, и места их обитания».

Ножик так и не нашелся, но мной овладело объяснимое безверие, и, хотя мне несвойствен религиозный трепет, я погрузился в изучение жития раннехристианских мучеников, пока не почувствовал, что в душе восстановилось определенное равновесие. Летти, которой я рассказывал эту историю во время ухода за ней, от всего сердца посмеялась над моей глупостью.

– Братство Соломона почитает его учение более всех остальных. – Грейндж ослабил галстук. Казалось, мой собеседник охвачен лихорадкой: его щеки расцвели ярко-красный румянец. – Мы все пришли в немалое смятение, когда Сковил обнаружил текст Евангелия. На встречах мы, как правило, спорим о тех или иных церемониях, описанных в «Ключе царя Соломона»: полезны ли сколь-нибудь благовония и ароматические жидкости при сотворении заклинаний, о порядке пентаклей, как правильно изготавливать девственный пергамент, считается ли истинным злом кровавая жертва, приносимая во имя благородного дела, и тому подобное.

Сияясь не рассмеяться, я просил его продолжать, махнув рукой с зажатými в ней очками.

– Но мистер Сковил объявил, что в стенах его собственного дома на Пэлл-Мэлл найдена тайная библиотека, что она полна магических текстов и один из них, Евангелие от царицы Савской, – небывалая находка. Себастьян Сковил происходит из древнего рода исследователей эзотерических учений, поэтому, мистер Ломакс, известие о его открытии вызвало у нас живейший интерес. Но на самой книге лежит проклятие, это уж точно, сэр! Другого объяснения нет.

– Чуть помедленнее, – попросил я. – Как библиофил и тем более как любитель загадок, я нахожу вашу историю чрезвычайно интересной. Позвольте удостовериться, что понимаю вас правильно?

– Безусловно, мистер Ломакс.

– Прежде всего обратимся к истории: царь Соломон славился великой мудростью и близостью к Богу, и люди, изучающие приписываемые ему гримуары, возлагают надежду на то, что его слова по большей части остались в неизменном виде. Царица Савская – правительница исчезнувшего африканского государства, она упоминается не только в Библии, но и в Коране. После того как рассказы о великом богатстве и мудрости Соломона достигли ее царства, она поехала на встречу с царем. Я верно излагаю обстоятельства?

– Кратко, как в энциклопедии, сэр, и столь же точно! Утверждают, что Евангелие написано ее рукой и рассказывает о церемониальных ритуалах, намного более мощных, чем те, которые разработал до встречи с нею царь Соломон. Очевидно, мистер Ломакс, что король и королева были любовниками и вознесли изучение церемониальной магии на недостижимую высоту.

– Это текст на древнееврейском?

– На латыни, сэр, и, как нам кажется, переписал его монах шестнадцатого века.

– И вы утверждаете, что от него вы физически заболели? – потрясенно спросил я.

По правде говоря, Теодор Грейндж и впрямь выглядел очень больным. Лицо его было цвета восковой свечи, а руки дрожали, но главное – за шесть дней со времени нашей первой встречи он словно усох. Кожа висела на нем, как отцовский плащ на ребенке. Темно-синий костюм тоже был великоват; тонкие, как ветки, запястья неприлично торчали из зияющих манжет.

– Не только я! – возразил он. – Сперва мой друг Корнелиус Пайетт забрал книгу к себе домой для изучения и почти сразу же заболел. Потом к ней пытался подступиться Хаггинс, и

вот мы трое оказались в одном и том же прискорбном положении. Нет, поверьте, это Евангелие – уникальная вещь, а Себастьян Сквилл – единственный человек, достойный его силы.

– А, вот вы где, мистер Ломакс, еле нашел вас!

Вежливый дребезжащий голос библиотекаря вывел меня из состояния жадного внимания. Подняв голову, я заметил согбенную спину, мягкие пряди волос за ушами, рассеянно-благодарный вид, окутывавший старика, как аромат сладкого дыма из его трубки, и мысленно взмолился о том, чтобы он не начал меня расхваливать.

– Приношу свои извинения, сэр, я был вам нужен? – спросил я.

– О нет, нет, мой мальчик, вы, видимо, заняты. Но я должен сказать, что мистер Салливан весьма доволен вашей помощью в его геологических изысканиях. Он утверждает, что вы определили книгу, способную стать путеводной звездой в его исследовании осадочных фаций. Мистер Ломакс, вас снова можно поздравить!

В дальнем конце зала периодики есть окно с мелкой расстекловкой. В нем отражались Грейндж, библиотекарь, я сам в кресле – subtilный, с копной буйно вьющихся каштановых волос – и еще шестеро-семеро читателей, которые оживились и теперь с интересом разглядывали меня, прикидывая, каким тайным знанием я успею их одарить за этот день.

– Благодарю, сэр, – сказал я и потер глаза. – Я старался.

– Превосходно, превосходно. Продолжайте в том же духе! Мистер Ломакс, вы делаете нам честь, и не важно, что все об этом услышат.

Обреченно усмехнувшись, я снова опустил глаза на книгу, которую оставил при появлении Грейнджа. Уже приближалось обеденное время, пришла пора наскоро съесть готовый бутерброд или хотя бы яблоко, лежавшее у меня в кармане пальто, а я еще почти ничего не узнал о кельтских монетах, чтобы помочь Макгроу, чье появление ожидалось ровно в час. За окном тихонько забарабанил дождь, отчего булыжники Сент-Джеймс-сквера потемнели, а продрогшие пешеходы внизу ускорили шаг.

– Мистер Грейндж, уверяю вас, я с удовольствием узнал бы больше о Евангелии от царицы Савской, но сейчас мои мысли заняты другим. – Встав, я собрал колдовские тома, которые он вернул, собираясь поставить их на полки. – Когда состоится следующая встреча братства царя Соломона? Будут ли там рады случайному библиофилу?

– Без сомнения, мистер Ломакс! – вскричал Теодор Грейндж, тоже вставая, и пожал мне руку своей трясущейся рукой. – Я сам собирался вам предложить. Очередная встреча будет во вторник. Мы ужинаем в клубе «Сэвил» на Пикадилли. Ученые труды, которые вы так любезно выдали мне, не породили у меня сомнений относительно подлинности Евангелия от царицы Савской, но мне очень нужен свежий взгляд. Мы вцепились друг другу в плотки, обсуждая это открытие, два молодых человека покинули клуб навсегда, заявив, что наше здоровье внезапно пошатнулось под прямым воздействием Сатаны. Мистер Ломакс, буду ждать вас ровно в восемь часов, а пока желаю вам прекрасной недели.

Нахмурившись, я посмотрел вслед Грейнджу и отправился грузить на тележку сданные им книги, чтобы расставить их на стеллажах. Книга, обладающая такой оккультной силой, что она действует на читателя как болезнь? Невероятно...

И тем не менее я собственными глазами видел, как угасает Грейндж. Человек на моих глазах ссохся до серой оболочки.

Не действовал ли здесь яд? Нечто более приземленное, но не менее зловещее, чем влияние демонических сил?

Сам по себе вопрос тревожил меня. Я не настолько неискушен, чтобы отказывать в силе книгам, напротив, книга – восхитительнейший из парадоксов, инертное скопление символов, способных изменить вселенную, как только переворачивается обложка. Представьте, как выглядел бы мир, если бы не были написаны Евангелие от Иоанна, или трактат «Об обращении небесных сфер», или «Ромео и Джульетта»? Однажды я пришел в оперу и был покорен очаро-

вательной светловолосой сопрано с насмешливыми синими глазами и молочно-белой шеей, с миленькими нежными ямочками, но влюбился я в Колетт, когда та призналась, что всякий раз рыдает, читая сонеты Петрарки к Лауре, и не думает стыдиться этого.

С живейшим интересом жду вторника. Тем временем меня призывают к себе кельтские монеты, а еще я раздобыл для Грейс новые книги с картинками и сегодня вечером понесу их домой.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 15 сентября 1902 года

Злосчастный день!

Поздно вечером мой друг доктор Джон Ватсон заглянул в Лондонскую библиотеку, ища моего содействия, суровый, как на поле боя. Все газеты кричали, что ровно неделю назад у кафе «Ройял» на его друга Шерлока Холмса напали люди с палками и сейчас он на пороге смерти. Я сразу мысленно выбрал себя за то, что не телеграфировал и не справился о состоянии Ватсона. Сам он редко задумывается о себе.

– Боже мой, Ватсон, как вы?

Я сдернул с носа очки, едва доктор показался на винтовой лестнице. Он застал меня в узком коридорчике библиотеки, где я, пребывая в задумчивости, разыскивал для одного читателя книгу по эскимосскому народному искусству.

– А главное – как мистер Холмс? – добавил я.

Ватсон улыбнулся – вполне искренне, но улыбка не коснулась его глаз. Для меня, как собирателя контрастов, Ватсон весьма занимателен. Мы познакомились четыре года назад, до того как меня приняли на службу в Лондонскую библиотеку, – тогда я еще навещался в его клуб, пока не женился на Летти. Нас объединяет интерес к крикету, и мне кажется, что его забавляет калейдоскопичность моих исследований. Ватсон – врач и солдат, лет на двадцать старше меня, но он вполне еще деятелен и настолько добропорядочен, что мог бы оказаться самым отвратительным занудой во всем христианском мире. На самом же деле он – полная противоположность этому, что повергает всех в замешательство. Он хорошо сложен и крепок, чуть ниже меня ростом, с аккуратными коричневыми усами; когда он слушает собеседника, на лице у него написано живое внимание. Но в тот вечер он выглядел изможденным, между бровями залегла глубокая морщина, и шляпу он стискивал слишком сильно.

– Ломакс, между нами: Холмсу лучше, чем можно было ожидать... но не настолько уж хорошо, – вздохнул он, пожимая мне руку. – Для газетчиков я сгущу краски, но полагаюсь на ваше благоразумие. Слава богу, он поправится.

Я не представлен Шерлоку Холмсу, но, как и остальных обитателей Лондона, если не всего мира, меня глубоко занимают рассказы Ватсона о его подвигах.

– Нападавшие вам известны?

Ватсон коротко кивнул, и его решительный подбородок напрягся.

– Это сложное дело, на кону стоит безопасность одной леди, иначе я бы уже устроил им порку.

– Понятно. Я могу чем-нибудь помочь?

– Вообще-то, можете. Ближайшие сутки мне предстоит провести за подробным изучением китайского гончарного искусства.

– С какой целью?

В его синих глазах проскользнул едва уловимый намек на добродушную насмешку.

– Не спрашивайте. Не имею ни малейшего представления.

Рассмеявшись, я повел доктора по лабиринту стеллажей. Затем Ватсон откланялся, держа под мышкой объемистый том и пообещав как-нибудь вечером сыграть со мной в бильярд. Он

удалился бодрым армейским шагом, и я невольно похвалил себя, заметив, что походка его выглядит более энергичной, а сам Ватсон – бодрее, чем при своем появлении.

Однажды я видел их вдвоем у табачной лавки на Риджент-стрит. Холмса я узнал по изображениям в газетах и, конечно, в «Стрэнд мэгэзин»⁸, но, когда вслед за ним появился Ватсон, последние сомнения рассеялись. Шерлок Холмс и Джон Ватсон вышли с полными портсигарами, доктор Ватсон озирался в поисках кеба. Вместе они смотрелись как единое целое. Им не нужен был никто, кроме друг друга. Как только экипаж замедлил ход, Ватсон остановился, чтобы бросить монетку сидящему на обочине ветерану-калеке, – а Холмс, который не отличается терпением, не скривился, лишь крикнул вознице, чтобы кеб не уезжал. Они напомнили мне мою жену и ее коллег, когда они отдают многочисленные поклоны после спектакля: воздух пропитан ароматом тепличных роз, по лицам благоговеющих зрителей от жары струится пот, а артисты все это время держатся безупречно и естественно.

«Они смотрятся вместе прямо как мы с Грейс», – решил я. Гармония. Дружба, полная непринужденность. Гений Холмса кажется ледяным, колким, но, несмотря на свою знаменитую язвительность, он, безусловно, пользуется глубоким уважением людей. Мне не хочется вспоминать, как сегодня выглядел Ватсон.

Надо прикрутить лампу и поскорее ложиться. Какие причудливые связи мы заводим на протяжении жизненного пути – старые друзья, новые друзья; если повезло, еще и те, кому мы дали жизнь. Но почему столь радостный предмет навеивает на меня такую задумчивость? Должен признаться, что, хотя товарищество высочайшей пробы доставляет мне глубокое удовлетворение, а отцовство – тем более, мне до крайности не хватает Летти. Роман, необъяснимым образом посетивший жизнь кабинетного ученого, покинул ее, оставив голые стены со следами магии, убранной с глаз подальше. Много воды утекло с первых дней нашего брака, когда мы лежали сплетенные, открыв окна, подкреплялись на завтрак черствым хлебом и поспешно возвращались на смятые простыни и часы незаметно пролетали, полные поэзии и чувственности.

Много воды утекло с тех пор, как Летти решила... остаться!

По крайней мере завтра меня отвлечет знакомство с братством Соломона. Что же все-таки случилось с этими людьми и их злосчастным приобретением? Мне до смерти хочется узнать истину, и я открыто в этом признаюсь. Будем надеяться, что завтрашний день раскроет все тайны.

ПИСЬМО, ОТПРАВЛЕННОЕ КОЛЕТТ ЛОМАКС А. ДЭВЕНПОРТУ ЛОМАКСУ, 16 сентября 1902 года

Дорогой мой!

Боюсь, сегодня я пишу столь же стремительно, сколь и взволнованно. Внезапная эпидемия глупости, которая охватила наших антрепренеров, привела к тому, что у нас два ангажемента одновременно: в театре, где за пение нам платят, и в загородной резиденции одного баварского герцога, который счел меня лучшим английским исполнителем немецкой музыки, чем многие мои предшественники, – и там за пение не платят!

Можешь себе представить, как я была польщена и разъярена одновременно. Сам герцог несколько одутловат, но вполне мил и принес все мыслимые извинения за то, что меня в состоянии полного изнеможения вынудили прийти на прием с шампанским, так что жаловаться, наверное, мне не к лицу. Угощение, нельзя не признать, было выше всяческих похвал – такой изысканной икры я не пробовала, наверное, с год или больше.

Остальное позже. Обнимаю, поцелуй от меня Грейс.

Колетт Ломакс

⁸ «Стрэнд мэгэзин» – британский журнал, в котором публиковались рассказы А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 16 сентября 1902 года

Меня ждал успех: на моем письменном столе лежит очень странная книга. Но надо записать все по порядку, иначе я потом не вспомню, как именно это произошло.

Мне не доводилось раньше бывать в клубе «Сэвил», и я отметил, что он отделан в традиционном стиле: стены с пышным декором, неброская, но роскошная лепнина на белоснежных потолках. Везде в изобилии встречаются произведения искусства и хрусталь, а также мебель, садиться на которую хочется лишь в чертовски дорогих брюках. В столовой, где мы расположились, были величественный камин и непременная череда панорамных окон – все, что ожидаешь увидеть у выходцев из старых богатых семейств, больше не обладающих состоянием. Но видимо, такова судьба тех, у кого слишком много братьев, а когда ты самый младший, да еще ученый, считается, что ты позаботишься о себе сам. Я прибыл без десяти восемь, отдал пальто и принялся недоумевать: как надлежит представиться? От конфуза меня уберег Грейндж, который через несколько секунд бросился (во всяком случае, сделал слабую попытку поспешить) мне навстречу.

– Мистер Ломакс! – вскричал он.

За ту неделю, что мы не виделись, его серое лицо чуть порозовело, хотя аппетит явно не вернулся, а верхняя губа подергивалась.

– Вот тот человек, который был нам нужен. Позвольте представить вам моего друга Корнелиуса Пайетта, он занимается инвестициями, как и я, и это он ввел меня в братство Соломона.

Окончательно войдя в столовую, я пожал руку мужчине с землистой кожей, лет сорока, с оценивающим выражением на лице и черными, как вороново крыло, волосами. По словам Грейнджа, Пайетт также страдал от ужасающего действия книги царицы Савской, но, если и так, он, судя по всему, полностью излечился. Его рукопожатие было достаточно энергичным, а взгляд – ясным и проницательным.

– Мистер Ломакс, искренне рад с вами познакомиться, – уверенно сказал он. – Я слышал, вы согласились помочь нам разобраться в этой загадке. Это очень кстати, хотя я сейчас убежден, что мы имеем дело с могущественными сверхъестественными силами. Несколько недель назад я серьезно занемог от последствий изучения этого фолианта.

– Наслышан. Рад, что вы снова в добром здравии, – отвечал я. Из глубины столовой, мягко ступая по ковру, пришел еще один человек, и я отступил в сторону, чтобы он мог включиться в разговор. – Но я не понимаю, как подобное возможно, если это не фантастический рассказ. Я имею в виду, конечно, лучшие из них.

– Мистер Ломакс, я думал так же, как и вы, – признался вновь прибывший. – Особенно потому, что у меня не развились симптомы, вызванные соприкосновением с этой книгой. Все казалось простым совпадением или чересчур мрачной сказкой. Но по мере появления новых свидетельств я все больше убеждался, что моя находка обладает колоссальной ценностью. Себастьян Сковил, к вашим услугам. Мне не терпится выслушать ваши выводы.

Я происхожу из рода, старинное богатство которого постепенно утекло тонкими, но непрерывными ручейками. Состояние же Сковила наверняка начало складываться еще при фараонах и с тех пор лишь прибывало. Это был человек невысокого роста, одетый в неброский серый костюм; каждый шов и каждая складка были подогнаны так безупречно и с таким утонченным классическим вкусом, что можно было бы скроить человека по одежде, а не наоборот. Его карие глаза поблескивали, свежие щеки лучились живостью, а карманные часы, на которые он взглянул, пожав мне руку, стоили сотню фунтов, если, конечно, обошлись ему хотя бы в шиллинг. Скорее всего, нет, ибо выгравированные на них инициалы заканчивались, как и

положено, на «С». Несомненно, этот человечек стал чьим-то главным наследником. Себастьян Сковил был так мал ростом и выглядел таким преуспевающим, что на ум приходил сановник из Лилипутии.

– Мне не терпится взглянуть на нее, поскольку я посвятил жизнь всевозможным книгам, – признался я, и мой пульс учащенно забился.

– Идемте же, сэр, идемте! – воскликнул Грейндж. – Я так и сказал мистеру Сковилу. Вы должны немедленно осмотреть ее! Пройдите сюда.

Мы двинулись через столовую к столику, где стояли и вполголоса разговаривали – кто недовольно, кто с увлечением – несколько состоятельных людей, обступивших предмет, обернутый тканью. Это были преуспевающие дельцы, из тех, кто любит посещать клубы, – радушные, когда нужно пожать руку, и беспощадные, когда речь заходит о цифрах. Меня не потрясло, что они не считают зазорным водиться с дьяволом, лишь бы к концу дня в чековой книжке сходилась баланс; делание денег в некоторых кругах воистину считается великой добродетелью.

Таким человеком некогда был и я сам – в университете. Через месяц после известия о том, что мне будет выделяться небольшое содержание, но не достанется по наследству никакой части поместья Ломакс, я принялся учиться, твердо вознамерившись стать финансовым магнатом. Потом один мой товарищ по крикету оставил на столе книгу по искусству персидских каменотесов, и на несколько дней я был потерян для мира, не считая лекций, которые пропускать было нельзя. Вышел из транса я только потому, что дошел до конца, и тогда понял, что мне не нужны редкости, покупаемые за деньги: я лишь хочу все о них знать. Я рассказал Летти эту историю во время одного из ее турне, когда я беззастенчиво приехал к ней в Париж, хотя мы еще не были женаты. Она усмехнулась, потянулась за бокалом вина во всем своем обнаженном великолепии и сказала, что ничего страшного, мы можем жить в крохотном домике в Вест-Энде.

– Но непременно в Вест-Энде! – прибавила она с деланой строгостью, проводя кончиками пальцев вниз по моей груди.

– Мистер Ломакс приглашен в качестве беспристрастного эксперта! – проскрипел Грейндж. – Прошу вас, джентльмены, отступите в сторону и позвольте ему беспрепятственно рассмотреть Евангелие от царицы Савской. Ответы на ваши вопросы и замечания будут даны в свое время.

– Смотреть особенно не на что, – сокрушенно произнес Сковил, когда члены братства разошлись и он откинул черный бархатный покров. Рядом с потертым фолиантом лежали белые хлопковые перчатки. Я натянул их, поправив на носу очки. – По моему мнению любителя, отнюдь не профессионала, это говорит в ее пользу. Мне принадлежит один старый убогий дом, заботу о котором мне вверила моя семья, – восемнадцатый век, протопить как следует невозможно, ну, вы понимаете, – и эту книгу я нашел в потайной комнате за раздвижной стенкой, среди множества трудов по эзотерической медицине и алхимии. Вот вам Евангелие от царицы Савской, мистер Ломакс, делайте с книгой все, что заблагорассудится. Судя по всему, пока что ей приглянулся только я.

Склонившись к столу и занеся над книгой руки в белых перчатках, я убрал ткань. Стоявшие позади меня члены братства Соломона заговорили приглушенными голосами, задавая вопросы о моем присутствии, заявляя о том, что книга поддельная, предупреждая об опасности соприкосновения с древним злом.

Евангелие от царицы Савской, как мне показалось, было документом шестнадцатого века. Мне так кажется и сейчас, когда оно покоится здесь, на моем столе, а Грейс лежит чуть поодаль, сморенная сном, и прижимает к шее плюшевого зайца. По моим подсчетам, около двухсот лет назад книгу заново переплели в потрескавшуюся синюю кожу с черным тиснением, но бумага выглядит очень старой, а почерк писца, как обычно, неразборчив и завораживает

взгляд. Порой книги обладают любопытной гипнотической притягательностью, и это одна из таких книг, какими бы ни были ее возможные оккультные свойства.

Ощущая на себе буравящие взгляды, я бережно переворачивал страницы с эзотерическими символами, рядом с которыми помещались узнаваемые изображения африканских зверей, и вспоминал, что царица Савская была всемогущей правительницей Эфиопской империи. Будоражила сама мысль о том, что это возможно – что передо мною плод оккультных штудий царицы, ее и царя Соломона, сопровождавшихся той головокружительной близостью, что некогда была между мною и Летти, и что его много веков спустя сохранил безвестный христианский монах, от которого не осталось ни имени, ни наследия. Я сказал обо всем этом.

– Да, именно так! – вскричал один из членов братства. – Это важнейшая находка с тех времен, как обнаружили «Ключ царя Соломона»!

– Откровенная подделка, – вздохнул бородатый банкир.

– Мистер Дженкинс, это явленное миру зло, и вам не следует играть с этим огнем, – заныл третий, который держался подальше от происходящего и уже залил в себя громадный бокал кларета. – Мы – ученые, мистики, те, кто ищет древние знания библейского царя. Мы не колдуны, замышляющие обрушить на своих врагов всю ярость ада.

– Кстати, у меня на примете есть пара врагов, которым я охотно одолжил бы эту книгу, не будь она подделкой, – язвительно заметил банкир по фамилии Дженкинс. Кое-кто хохотнул.

– Не дотрагивайтесь до нее, говорю вам! Ни одна чистая душа не вынесет вызывания существ, описанных в этом богохульном сочинении.

– Хаггинс, вам не кажется, что плакаться насчет богохульства сейчас уже слегка глупо? – протянул образцовый делец из Сити с навощенными усами. – Ей-богу, он дойдет до того, что попытается искать заклинания в Нагорной проповеди. Я скажу так: пусть лучше эту вещь изучает ученый, чем мы, финансисты, – мы не имеем ни малейшего понятия, как проверить ее на подлинность.

Честно сказать, я тоже не имею понятия. Я исследователь, изучающий все дисциплины, воздушный змей, носимый ветром всего редкого и прекрасного. Знаю только одно: что-то внутри меня с самого начала полюбило эту книгу, возжелало перелистывать ее мягкие, как перо, страницы и тонуть в плавных завитках, украшающих ее поля. Признаюсь, этим я занимаюсь и сейчас, когда делаю паузы, набрасывая свои заметки; и янтарный свет моей лампы исчезает навек, стоит ему соприкоснуться с черными, как пустота, чернилами Евангелия от царицы Савской. Латынь достаточно лирична, чтобы никогда не наскучить, и я перевел:

«Выйди в ночь, о дух, жаждущий служить мне, о Многоокий Выючный Зверь с Шершавым Языком. Выйди. Войди в меня семью мохнатыми языками и помани единственной рукой, помести свою руку в темнейшее место внутри меня и воплотись среди живущих, ибо ты жил, ибо ты мертв, ибо ты ушел, ибо ты возвращен, ибо ты призван, ибо ТЫ ПОДВЛАСТЕН МНЕ».

Не совсем Шекспир, но идея передана верно.

Закончив беглый осмотр книги в клубе «Сэвил», я закрыл ее и оглянулся. Видимо, мой взор был голодным и горящим, поскольку стоявший позади меня Сковил подмигнул мне, указал на книгу и вопросительно поднял плечо, обращаясь к Пайетту. Пайетт посмотрел на меня, склонив голову набок, словно сорока, потом вдруг ухмыльнулся и обратился к немногочисленной аудитории.

– Мистер Хаггинс, похоже, ваши страхи скоро будут проверены фактами, – объявил он, протягивая Сковилу бокал с шампанским, взятый у официанта, и беря другой бокал для себя. – Теперь с этой чертовой игрушкой будет разбираться наш приглашенный эксперт. Мистер Дженкинс, вы убедитесь, как я и обещал, что в этой книге заключены потусторонние силы: мистер Ломакс вам это докажет. Разве электричество – не реальная, пусть и невидимая, сила? А магнитное поле, а сила тяготения? Разве Земля не совершает путь вокруг Солнца, хотя мы

не способны это ощутить, и разве не общепризнано, что таковы древние и разумные законы природы?

– Мне кажется, Галилей, будь он здесь, сказал бы кое-что насчет общепризнанности этих законов, – заметил я, заслужив несколько одобрительных хмыканий.

– Вот именно! – глубокомысленно кивнул Пайетт, сверкнув черными как смоль волосами. – Мы – люди храбрые и не можем позволить, чтобы нам препятствовали устаревшая мораль и мелкие суеверия. Кажется, книга выбрала себе хозяина, и, если так, в будущем нам нужно иметь мистера Сковила на своей стороне. Это все, что я могу сказать. Давайте не будем больше гадать, чтобы потом не жалеть об этом, – до тех пор, пока наш беспристрастный судья не вынесет свое суждение.

Поняв, что мне окончательно разрешили взять Евангелие от царицы Савской домой для изучения, я убрал перчатки в чехол и сложил все в кожаную сумку, которую принес в надежде на такой исход. Грейндж приблизился ко мне нетвердой походкой, тяжело дыша.

– Весьма вам признателен, – прошептал он, когда остальные перешли к более привычным разговорам о коммерции и ритуалах. – Вы нас спасете, сэр, вы донесете до нас конкретные факты, и мы примем соответствующее решение. Все политические перебранки уйдут в прошлое.

– Перебранки могут быть губительны для любого клуба, легко вас пони... Подождите, вы сказали «политические»? – слегка озадаченно переспросил я.

Но Грейндж уже ушел, пошатываясь, чтобы возвестить о появлении холодного фазана.

– Политические, и в избытке. Он имеет в виду роль книги и духовную угрозу, которая может исходить от нее, но также намекает на мое возможное избрание председателем клуба. – У моего локтя возник Сковил и протянул мне бокал пенящегося шампанского. – Ходят слухи. Видите ли, раньше у нас ничего подобного не было. Мне все это не нужно, я категорически откажусь, если меня принудят, но отвергать должность, которую мне еще не предложили, было бы некрасиво.

Я взял у него бокал и кивнул. Я могу почти ничего не говорить – такой человек, как он, все про меня поймет. «Старое фамильное состояние, немного поэт, младший сын, вынужден сам зарабатывать себе на жизнь». Все это они могут определить по моим манерам и одежде и, скорее всего, узнают о поколениях благородных предков по буйной шевелюре, притом что мой зашитый шейный платок вопиет о плачевном состоянии финансов.

– Скажу честно, препротивно оказаться в таком положении. – Сковил пригубил искрящейся жидкости, вращая глазами: да, аристократ, но излучающий любезность. – Не могу объяснить, почему книга не наносит вреда мне, не могу объяснить и того, почему мистер Грейндж стал так бледен с тех пор, как начал ее изучать. И почему у мистера Хаггинса появилось учащенное сердцебиение, и почему мистер Пайетт серьезно заболел. Это была не моя идея – одолжить книгу постороннему, после того как я продемонстрировал ее нашему обществу. Вы же будете обращаться с ней как можно осторожнее, да? Помимо прочего, это еще и антикварная редкость, не только эзотерическая диковина. Я рад, что обнаружил эту вещь, вне зависимости от того, какие беды она причиняет. Я безумно люблю подобные сокровища. Разве она не прекрасна сама по себе?

– Да, – сказал я, думая о неспешно выписанных буквах, складывающихся в безупречные горизонтальные линии, о долгих часах, потраченных на то, чтобы человеческая рука и воля сложили эти слова. – Да, согласен с вами. Непременно буду пользоваться перчатками.

– Весьма признателен, – ответил он, поднимая бокал.

Перед обедом я поинтересовался, от каких расстройств страдал каждый из временных хозяев Евангелия от царицы Савской, в хронологическом порядке – сперва Пайетт, потом Хаггинс и, наконец, Грейндж. Каждый жаловался на одни и те же симптомы: непредсказуемое онемение конечностей, боли в груди, полная неспособность переваривать пищу. Но я не врач,

и эти подробности мало что для меня значили. После ужина и разговоров об акциях, банках, поглощениях и обрядах, творимых святыми безумцами внутри священных меловых кругов, я стал прощаться. Проходя мимо Сковила, я остановился и задал ему вопрос, не дававший мне покоя.

– Мистер Сковил, почему вы избрали себе такое хобби? – поинтересовался я. – У вас есть средства, чтобы заняться чем угодно – снаряжать арктические экспедиции, раскапывать гробницы... Почему темная магия?

Он пожал плечами, как делают очень богатые люди, когда их телу приятно легчайшее шевеление мускулами.

– Это семейное. И вообще, почему искусство? – ответил он, улыбнувшись. – Почему больницы? Почему битвы и завоевания? Почему патронаж и благотворительность? Человеку надо ради чего-то работать помимо денег, верно?

Я тоже так считал. И сейчас считаю. И тем не менее...

Мне хочется знать, поверила мне Летти или нет, когда много лет назад я сказал ей, что никогда не разбогатею. Стоит ли задаться вопросом: вдруг ей показалось, что я слишком скромн, или боюсь коварных женщин, или просто лжец? Возможно, она считала меня ветвью раскидистого дерева, которое в должное время расцветет и явит ей ароматные цветы, сверкающие на солнце.

А на самом деле наступает мучительная ясность: я – всего лишь помощник библиотекаря.

ЗАПИСКА, ВЛОЖЕННАЯ В БЛОКНОТ А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 17 сентября 1902 года

Дорогой папа!

Я хотела узнать, не скажешь ли ты мне, когда мама возвращается домой я спрашиваю потомуто Мисс черч хочет чтоб я выбрала новую одежду на весну а когда мама здесь веселее. Если ты мне сообщиш я впишу в колendarик который она мне прислала из Флорентции.

С любовью,

Грейс

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 18 сентября 1902 года

Моя жизнь резко повернула в сторону безумия.

Сегодня между стеллажами ко мне подошел библиотекарь, источая трубочный дым и благожелательность, и я воспользовался шансом.

Моя жена прекрасна, и добра, и умна. Она заслуживает лучшего, чем пикники с холодным мясом в Риджентс-парке. И Грейс тоже, если на то пошло, хотя ей вполне хватает уток и хлеба. Не унижительно ли для человека моего происхождения выпрашивать деньги? Крайне унижительно. Но я не могу вечно слать Летти рассказы о новых исследованиях и старых книгах, ведь она принадлежит к миру искусства, о ней нужно заботиться, ею нужно восхищаться, ее хвалят герцоги и даже короли – порой я обязан писать ей о победах. Даже о таких, как прибавка к жалованью.

Библиотекарь открыл рот, чтобы похвалить меня, а я – чтобы попросить о повышенном жалованье, таком, которое окажется приемлемым для Летти и, может, даже вернет ее домой. Вдруг он остановился.

– Мистер Ломакс, у вас все в порядке? – спросил он. – Вы очень бледны, мой мальчик, а ваше выражение лица... Раньше я у вас такого не видел. Вы не слишком мало отдыхаете?

Я стоял, словно утратив дар речи, и понимал, что он прав. Мой облик был изображен неизвестным художником, и мне было невероятно трудно придать своему лицу его обычное выражение: теплота с легкой усталостью. Сердце по непонятной причине пустилось вскачь, а кончики пальцев явственно онемели.

Библиотекарь сочувственно поцокал языком:

– Боюсь, я так восторгался своим удивительным помощником, что вы перетрудились. Мистер Ломакс, идите домой, только положите мне на стол список ваших дел. Я обо всем позабочусь.

Я повиновался. Вернувшись домой и отдохнув с часок, я достал Евангелие от царицы Савской и вернулся к его изучению, попутно переводя фразы с латыни и записывая их в отдельную книжицу:

«Призывая Безымянную Старуху, Давшую Жизнь Пятерым Бледным, повели, чтобы агнец был одурманен, но не убит. А призвав Старуху, возьми выкованную тобой железную иглу и зашей слова в плоть живого агнца...»

К моему изумлению, на середине третьего абзаца у меня закружилась голова. Задышавшись, я сорвал с лица очки. Сердце прыгало, как рыбка в солнечный летний день. Тошнота, которую я приписывал дешевой еде и недостатку в ней мяса – мой намеренный выбор, – усилилась.

Доведет ли меня древний фолиант до кончины? Может ли такой предмет вливать в меня зло через чернила? Забавно, если любителя книг убьет книга, – но бывали и более странные случаи. Я ведь изучаю парадоксы.

Я бросил свою работу и, хватая воздух ртом, распахнул окно своего кабинета, а потом завернул книгу в ту же темную ткань. Наверняка есть научное объяснение для этого феномена. Должно быть, ибо два остальных варианта не выдерживают никакой критики: либо я сумасшедший, либо на моих глазах тонкий механизм вселенной рассыпался на части.

До чего же занятные отношения установились среди членов братства. Их разговоры преследуют меня, как раз когда я отхожу ко сну, когда я грежу об удивительной и наивной улыбке Летти или о безудержном смехе Грейс. Давление в груди, ощущение, которое я приписал внезапному резкому падению температуры в Лондоне, усилилось до ломающей кости боли, словно меня ударили по сердцу железным ломом.

Может быть, все-таки стоит сходить к врачу. Или к священнику.

ПИСЬМО, ОТПРАВЛЕННОЕ КОЛЕТТ ЛОМАКС А. ДЭВЕНПОРТУ ЛОМАКСУ, 19 сентября 1902 года

Любимый мой!

Это ужасно, это несправедливо по отношению к тебе, но сейчас я не могу писать странно. Прости меня. В Страсбурге нет каналов, а ты знаешь, как я успокаиваюсь при виде воды, когда нахожусь в смятении; между тем меня снова позвали, хотят провести перед герцогом, как циркового пони. Я так тоскую по дому и по хорошей пинте горького пива – хотя ты знаешь, что в пиве я ничего не понимаю, – и еще по нескольким минутам тишины.

С любовью,

Колетт Ломакс

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 19 сентября 1902 года

Онемение в руках усиливается. Каждый раз, когда я беру Евангелие от царицы Савской, оно проникает мне в вены и разливается по внутренностям, как плохой алкоголь.

Не могу заставить себя сделать с этим хоть что-нибудь. В конце концов я отложил его – но на несколько часов позже, чем следовало бы. Почту сегодня принесли как обычно, я разобрал корреспонденцию, мы сели ужинать, я почитал Грейс «Тысячу и одну ночь», поработал над переводом и наконец открыл дневник – и вот я признаюсь, что не тревожусь, отравляет меня эта губительная книга заклинаний или нет. Я хочу бороться, отчаянно хочу. Меня позорит это безволие, эта тоска. Грейс начинает замечать, а она не заслужила всего этого. Кто должен оградить ее от таких вещей, если не отец?

Всей душой надеюсь, что в руки Грейс никогда не попадет столь опасный документ, как Евангелие от царицы Савской. И что она никогда не узнает (после того как я прочитал нам вслух недавнее письмо ее матери) о множестве страсбургских каналов.

Куда же все-таки занесло мою жену?

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 20 сентября 1902 года

Мерцает свет, правда тусклый и не дающий отрадного тепла. Окидывая мыслями прошедший день, я старался припомнить каждый нюанс разговора на собрании братства Соломона, и мне кажется, что ответ где-то рядом. Библиотекарь снова высказался насчет моего изможденного вида, но я сослался на резкую смену погоды и затянувшееся отсутствие жены.

Последняя причина моих симптомов – признаюсь в этом здесь, и только здесь, – совсем недалека от истины.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 21 сентября 1902 года

Случайно нахватанные знания о траволечении и умение найти в этом интеллектуальном муравейнике, то есть на моем рабочем месте, лучшие книги по нужной теме никогда не пригодились мне так, как сегодня, отчего день уже заслуживает упоминания. И еще сегодня вечером – и это тоже важно, пусть даже только для меня, – я впервые проконсультировался у прославленного Шерлока Холмса из дома 221В по Бейкер-стрит.

Когда я позвонил в дверной колокольчик и похожая на фарфоровую статуэтку пожилая дама с белоснежными волосами проводила меня наверх, то, к своей великой радости, я убедился, что Ватсон занимает те же комнаты, где когда-то поселился. Дверь в квартиру на втором этаже открыл именно он – Холмс как раз в это время с хохотом говорил:

– Нет, это просто преступление, что вас там не было, право же, Лестрейд дышать не мог от смеха, а Хопкинс уже никогда не будет смотреть на свисток прежними глазами.

Вот в эту обстановку непринужденного веселья я и вторгся в тот самый момент, когда Ватсон хохотал что есть силы. Невзирая на мои плачевные обстоятельства, я невольно улыбнулся ему в ответ, пожимая руку.

– Значит, вы его раскрыли? – спросил я доктора. – То... дело о китайской керамике?

– Ломакс! Я как раз собирался вам телеграфировать – да, действительно, раскрыли, и во многом благодаря вам, мой добрый друг. Я уже провинился, не вернув книгу в срок? Ладно-ладно, я только не подозревал, что у вас практикуется посещение на дому. Входите же, снаружи отвратительно. Берите стул и садитесь поближе к огню, – так приветствовал меня Ватсон, закрывая дверь гостиной.

– Благодарю вас.

– Вы знаете, как вчера сыграл «Кент»?

– Боюсь, я был слишком занят, – признался я, переступая порог комнаты в какой-то прострации.

Камин ревел, как посаженный на цепь дикий зверь, а бесшабашно захламленная гостиная пахла табаком и остатками поданного на ужин карри. Холмс, с плотно забинтованной головой, растянулся во весь рост на кушетке. Его сухопарое тело прикрывали только брюки с белыми отворотами и домашний халат. Может, он и походил немного на пугало, но, надо признать, на весьма импозантное: жилистый великан с орлиным носом и странной, резкой грацией в движениях. Когда он увидел меня, его улыбка несколько потускнела, но не исчезла.

– Мистер Артур Дэвенпорт Ломакс из Лондонской библиотеки, – медленно протянул он, затягиваясь сигаретой, которую держал в руке. Закрыв глаза, он устроился поудобнее, стараясь не потревожить повязку на лбу. – Друг Ватсона, помощник библиотекаря. Скорее всего, Кембридж, игрок в крикет, бережлив, благовоспитан, обладает неким довольно важным предметом – возможно, книгой, – а также, по закону подлости, страдает самым досадным для библиофила недугом: дальновзоркостью. Садитесь, прошу вас.

Ватсон, лукаво подергивая кончиками усов, забрал у меня пальто. И тотчас же нахмурился:

– Боже мой, Ломакс, вы что, заболели?

– Думаю, нет, – осторожно начал я, – но пусть это определит мистер Холмс.

Мой приятель не обиделся, поскольку я и не думал его задевать.

– Если понадобится, я в вашем распоряжении. Вам точно не нужен врач?

– Мне нужен детектив. А точнее, детектив и химик в одном лице.

Холмс приоткрыл один глаз, когда я сел в кресло напротив его кровати. Потом я узнал, что эта его странность притворяться скучающим – лучший способ выудить сведения. Он был весь внимание – от легкого изгиба светлой брови до пальцев босых ног.

– Кембридж, игрок в крикет, бережлив, владеет важным предметом, близорукость – все это я могу вывести сам, основываясь на том, как меня приветствовал Ватсон, и на некоторых моих физических свойствах, – заметил я. – Я читаю «Стрэнд», как, впрочем, и все. Последнее предположение – самое смелое, но даже когда я не ношу очков, след от них, скорее всего, виден у меня на носу. Но почему «благовоспитан»? Мы же с вами ни разу не разговаривали.

Я ожидал от великого детектива все что угодно, только не того, что он разразится безудержным смехом, морщась из-за поврежденных ребер. Умудрившись поклониться мне лежа и помогая себе при этом окурком, он бросил взгляд на Ватсона, который протянул мне бокал с внушительной порцией бренди. Шерлок Холмс стал бы знаменитым или скандально известным в любой избранной им сфере, подумал я. Его взгляд был острым – прямо-таки бритва.

– Мой дорогой друг, так что же вы принесли в наш дом? – спросил он, не ожидая ответа. Его взгляд вернулся ко мне. – Конечно, вы благовоспитанны, Ватсон безмерно наслаждается вашим обществом. И довольно об этом. Вас отравляют. Как и кто?

У Ватсона от изумления отвисла челюсть. Он как раз уселся на стул с бокалом, долив по пути бренди в бокал сыщика.

– Боже мой! Ломакс, это правда? Что же случилось?

Я рассказал. Ватсон сидел с горящими глазами, молча кивал во время каждой паузы и каждого нового поворота сюжета, с явным сочувствием поджимая губы. Холмс полулежал неподвижно, словно собственное изваяние из слоновой кости, – закрыл глаза, сложил пальцы домиком и чинно скрестил голые лодыжки. Когда я добрался до конца, он положил руку себе под голову и повернулся на бок, лицом к комнате.

– Мистер Ломакс, я к вашим услугам, но вы должны сообщить, – сказал он несколько театральным шепотом, – какого решения вы ожидаете от меня. Отдать дело в Ярд? Самому назначить наказание? Следить за теми, кто замешан в нем, ничего не предпринимать, пока они не совершат более тяжких злодеяний, и лишь тогда нанести удар? Правосудие в ваших руках!

– Холмс! – укоризненно произнес Ватсон, заерзав на стуле. Видимо, это был очень старый спор.

– Ватсон! – ответил сыщик, выгнув бровь.

– Это серьезное дело.

– Я подхожу к нему со всей серьезностью.

– Нет, вы изображаете из себя судью, присяжных и палача, а сейчас еще даже не октябрь. Он становится таким зимой, особенно перед Рождеством, но обычно это приходит позднее, – прибавил Ватсон, обращаясь ко мне, и с сокрушенным видом пригладил усы. – Он только что расстроил одну свадьбу посредством взлома и проникновения с последующей кражей. При-знаюсь, я надеялся, что на неделю ему хватит.

– Вы были против этой свадьбы всеми фибрами души, так же как и я, и совершенно сознательно стали участником представления! – обиженным тенорком воскликнул Холмс.

– Китайская керамика, – со вздохом сказал мне Ватсон. – Совершенно сознательно? Нет, Холмс, не совсем так, в вашей фразе есть некая неточность... Ах да, слово «совершенно». А также слово «сознательно».

– Раньше подобные методы вас не смущали. Отчего же вы проявляете щепетильность именно сейчас, когда возникла необходимость притвориться экспертом по китайской керамике?

– Оттого, Холмс, что обычно наши предприятия такого рода не заканчиваются полнейшим хаосом. Обычно, когда я помогаю вам проникнуть в дом, вас не ранят и не допрашивают в полиции из-за того, что хозяин дома застукал вас за кражей своего интимного дневника. И позвольте напомнить вам, что барон Грюнер не пристрелил нас обоих лишь потому, что в него плеснула кислотой ваша сообщница, мисс Уинтер. Нет! Нет, ни слова о моей неспособности сыграть роль любителя восточных древностей. Прямо сейчас у меня нет сил на все это.

К чести Холмса, он принял если не пристыженный, то по крайней мере великодушно-сочувственный вид, выслушивая беспорядочные жалобы друга. Насупившись, он прижал руки к груди, неубедительно, но комично отстаивая свою невиновность:

– Ни судью, ни присяжных, ни палача я не изображаю. Я прошу об этом вашего друга Ломакса – он раскрыл преступление, и ему виднее, что делать дальше.

– Нет, не виднее! – воскликнул Ватсон, энергично размахивая бокалом бренди. – Ломакс, не в обиду вам будь сказано, дружище!

– Принято.

– Вы не следите за ходом моих мыслей. Если он прав насчет этого преступления – а он прав, что мне сегодня предстоит убедительно продемонстрировать, ведь иначе ему незачем быть здесь, – если он прав, то ничто из этого нельзя доказать в суде, – запротестовал Холмс, и тонкие черты его лица исказила мрачная гримаса.

Ватсон подался вперед, усы его топорщились.

– Почему нельзя доказать в суде, черт возьми? Покушение на убийство прекрасно подойдет. Из-за этого грязного дела вполне могли погибнуть четверо: Пайетт, Хаггинс, Грейндж, а теперь и Ломакс.

– Только не Пайетт, – поправил я, глотнув бренди. Приятное жжение напитка отвлекло меня от другой, более глубокой боли.

– Да, наверное, нет, – согласился Холмс, искривив тонкие губы.

– Почему... – начал Ватсон, и тут его взгляд утонул в потрескивающих язычках пламени. – А! – тихо сказал он, снова посмотрев на Холмса. – Быстрота, с которой поправился Пайетт. Пренебрежительное отношение Сковиля к должности председателя братства Соломона. Да, я понял.

– Действительно поняли или ваш друг, помощник библиотекаря, должен объяснить? – раздраженно спросил Холмс. – Продолжайте, мистер Ломакс, ваши доводы представляются мне вполне здравыми. Соберите их воедино и скажите, убедят ли они суд присяжных?

Я в нерешительности повернулся к Ватсону, который сидел, выжидающе склонив голову. Если ремарка детектива и задела его, он не подал виду.

– Сковил на самом деле обнаружил старинный гримуар в потайной комнате своего фамильного дома и понял, что ему выпал редкий шанс, – медленно произнес я. – Сама книга – подлинная. Я искренне считаю, что Сковил не верит в ритуальную магию: для него это времяпровождение, а не наука. Но если он покажет книгу братству и внушит его членам, что он – единственный маг, достаточно добродетельный и рачительный, чтобы с ней обращаться, они сами пожелают видеть его своим старейшиной. И вот он выбрал нужный яд и по очереди давал книгу своим товарищам, отравляя их. Чтобы его не заподозрили в стремлении захватить власть и чтобы не создавать для себя очевидного мотива, который обнаружат в случае чьей-нибудь смерти, он включил в свой план Пайетта. Сковил будет сторониться председательства, как и подобает истинному праведнику, – и вместо него выберут Пайетта, который ему доверяет. Пайетт заявил, что, изучая Евангелие от царицы Савской, он страдал от тех же симптомов, но, возможно, он их симулировал, распространяя слухи, чтобы в клубе не удивились болезни Хаггинса. Пайетт и Сковил готовились править железной рукой.

– С какой целью, интересно знать, хотя не сомневаюсь, что вы правы, – задумчиво произнес Холмс, постукивая указательными пальцами.

– Хотите, чтобы вам объяснил мой друг, помощник библиотекаря? – спросил Ватсон сухим, как зола в камине, голосом.

Холмс чуть дернул головой.

– Да, продолжайте, мистер Ломакс, прошу вас, – попросил он, и я понял, что с его стороны это жертва во имя примирения, поскольку весь разговор был полон зашифрованных смыслов.

Ватсон коротко улыбнулся и вновь сосредоточил внимание на мне.

– Деньги, – сказал я и пожал плечами, извиняясь за представителей своего класса. – Бывают люди, для которых деньги – это религия. Больше, еще больше! Сковил – из тех, кто хорошо скрывает эту склонность: внешне открытый, но своего не упустит. Он любит ценные вещи, так он мне сказал, а подобные предметы имеют немалую цену. Пайетт с виду показался мне более жадным, но не это главное; Сковил искусно замаскировался, чтобы они могли вертеть братством как хотят. Это всегда был скорее клуб бизнесменов, чем оккультная школа. Что до возможных претендентов, стоит лишь дать Евангелие от царицы Савской на дом любому выскочке – и тот сразу заболит и сдастся. Но если честно, мистер Холмс, я согласен с Ватсоном: не понимаю, почему нельзя подать на них в суд за отравление предполагаемых друзей.

Сыщик вяло махнул рукой:

– А Ватсон тем не менее понимает, особенно теперь, когда вы так ясно изложили дело. Дружище, объясните вашему другу, помощнику библиотекаря, юридические сложности.

Ватсон подавил смешок и закатил глаза к небу.

– Боюсь, никто не может сказать, где и когда был подмешан яд, – сообщил он, справившись с шутивым гневом. – Книгу обнаружили, представили людям и потом выдавали на руки. Следовательно, среди членов братства...

– Она побывала у всех, а значит, подозреваются все, – понял я и вздохнул. – Ведь они убеждены, что и Пайетт заболел от этого текста. А Сковил признался мне, что ему претит мысль о председательстве. Но позже он мог бы просто заявить, что дела или что-нибудь еще помешали ему исследовать находку и он остался невредим. Ничто не связывает его с ядом напрямую.

– Когда вы впервые начали его подозревать? – поинтересовался Холмс, вытаскивая из под подушки портсигар. – У вас острый глаз и не менее острый ум, но вы не детектив. Я ученый,

как и вы, и могу понять ваше нежелание верить в действие сверхъестественной силы, но почему вы сочли, что за всем этим стоит именно Сковил?

– Он прямо предупредил меня, вручая книгу, чтобы я обращался с ней бережно, – вспомнил я. – Мне это показалось... чрезмерной предосторожностью. Я – библиофил и помощник библиотекаря и не нуждаюсь в подобных напоминаниях.

Кивнув, Холмс достал из кармана халата спички и зажег новую сигарету, наблюдая, как дым спиралью поднимается вверх. Ватсон положил ногу на ногу, размышляя. Некоторое время мы сидели молча.

– Мистер Ломакс, вас тревожит что-то еще, – сказал Холмс, когда прошло несколько бесконечных секунд. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Разве что убрать из Страсбурга все каналы.

– Прошу прощения?

– Нет, – сдавленным голосом ответил я. – Это вам не под силу.

Бледный профиль знаменитого детектива не шелохнулся, Холмс лишь скосил на меня глаза, но взгляд его мелькнул, как вспышка. В нем было многое – кошачье любопытство, интеллектуальный интерес, – но, помимо прочего, искренняя доброжелательность, подтвердившая то, о чем я давно догадывался как читатель. Доктор Ватсон терпит общество Холмса не потому, что они очень различны и поэтому дополняют друг друга, но потому, что в душе они очень похожи.

Меня посетила тревожная мысль. В таком случае мне придется испытывать к Холмсу симпатию, понял я. Симпатию, несмотря на его театральное поведение, поспешные комментарии и какое-то ребяческое стремление постоянно быть в центре внимания, что достигается попеременно стремительными, лихорадочными движениями и полной неподвижностью. Признаюсь, эта перспектива несколько смутила меня.

– Ну и ладно, – сказал Холмс, едва прикрыв зевок тыльной стороной руки, и в этом снова заключалось тайное послание.

Он не хотел сказать, что ему неинтересно; он давал понять, что мне нет нужды говорить о своей боли. Вся моя настороженность сразу улетучилась.

– Дружище Ватсон, вы по-прежнему не считаете, что в этом деле мы представляем закон? – продолжил детектив, уже более серьезным тоном. – Больше всего мне хочется получить ощутимый результат. Мы вынесем решение сами или отдадим под суд аристократов, которых объявят невиновными после всего лишь трехминутного разбирательства? Оставляю решение за вами и помощником библиотекаря.

Слова «помощник библиотекаря», конечно, звучали снисходительно. Но это было не обычным, ничего не значащим обозначением должности. Это было уважение под видом снисходительности. Я невольно рассмеялся. Ни тот ни другой не обратили на меня внимания. Холмс продолжал созерцать потолок и курить, а Ватсон тер кулаком лоб.

– Хорошо, – сказал Ватсон, допивая бренди. – Холмс, вы сегодня проверите утверждения Ломакса?

– Ну, если он хочет этого от меня... – небрежно произнес Холмс.

– Если он хочет этого от вас и если он прав, могу ли я предложить следующие шаги?

– Безусловно! – поддержал я его.

– Вы знаете, что в таких вопросах я следую вашим советам, в той же степени верно и обратное, – едва слышно пробормотал сыщик.

– Первое, – с пафосом произнес Ватсон, подняв палец. – Мы сообщаем Майкрофту Холмсу – брату моего друга, который вращается в очень высоких кругах, – что он должен наблюдать за Себастьяном Сковилом и чинить ему препятствия, когда сочтет нужным.

На лице детектива промелькнула легкая ухмылка, которая снова сменилась – со скоростью молнии – сдержанной невозмутимостью.

– Второе, – продолжил Ватсон, разогнув следующий палец. – Пока мы не можем сделать так, чтобы Пайетт получил по заслугам, но, может быть, следующее заседание братства Соломона посетит какой-нибудь инспектор – для расследования анонимной жалобы? Этот инспектор будет знать все подлинные обстоятельства дела и получит задание: как можно более открыто продемонстрировать, что он верит в виновность Пайетта, который отравил своих товарищей. Достаточно смутных намеков на обвинения. По меньшей мере это будет унинительно. Пайетт начнет терять доверие среди братьев, а в коммерции доверие – это все. Скажем, пошуметь как следует в клубе «Сэвил», может быть, даже надеть на этого негодяя наручники и тем безнадежно загубить его репутацию. Вдруг от испуга он признается? Но даже если нет, будет поздно. Маховик начнет крутиться.

– Браво! – вскричал Холмс, приподнявшись на локте, и его глаза весело сощурились. – Я о таком не подумал, но это может оказаться самой действенной из временных мер.

– Обо всем подумать нельзя, – отозвался Ватсон.

Я подошел к кушетке, держа предмет нашей беседы в руках, и передал его Холмсу. Тот достал из кармана халата носовой платок, обернул им руку и лишь потом принял от меня улику, возложив ее на прикроватный столик. Когда Холмс повернулся ко мне, его серые глаза были тревожно сощурены. Я знал, что именно он сейчас спросит, и страшился этого.

– Вы хотите, чтобы я сегодня проверил это на яд? – тихо спросил он. Я кивнул. – Симптомы, которые вы отметили и от которых, боюсь, вы страдаете, достаточно ясно свидетельствуют о... Вы хотите, чтобы я подтвердил наличие аконитина?⁹

– Сегодня я почитал книгу о растительных ядах, чтобы не тратить ваше время, и, мистер Холмс, мое непрофессиональное заключение именно таково, – согласился я.

– Аконитин! – ахнул Ватсон. – Ломакс...

– Я не... не слишком долго подвергался его воздействию, – чуть приврал я.

– Но, друг мой...

– Ватсон, он молод, энергичен и крепко сложен, – отчеканил детектив так, словно был наделен властью решать исход событий. – Пожалуй, он моложе нас лет на двадцать. Мистер Ломакс, сколько вам лет?

– Двадцать девять, – признался я.

– Ха! Видите? – воскликнул Холмс, как будто забил мяч, и наставил большой палец на Ватсона. – Доктору было двадцать девять, когда мы встретились. Пуля не смогла убить его на поле боя, брюшной тиф тоже не сумел прикончить этого бродягу. Мистер Ломакс, у меня есть все основания рассчитывать на ваше полное выздоровление. Когда вам двадцать девять, вы непобедимы.

– Факт, который я не раз приводил в доказательство совершенно иного соображения, – пробормотал Ватсон, бросив взгляд на повязку детектива.

– Ценю ваше доверие, джентльмены, – рассмеялся я, отсалютовав им рукой. – А также вашу помощь.

– Не останетесь еще на один бренди? – деликатно спросил Ватсон, когда я надевал пальто.

Он хотел лишь приободрить и успокоить меня, но, несмотря на все его благородные намерения, я был не в том настроении, чтобы продолжать беседу. От аконитина никакого средства нет. Только покой, сила воли и, пожалуй, судьба.

– Мне надо домой – дочка будет волноваться, – сказал я.

– Приятно было познакомиться, – сказал Холмс. Как ни странно, его слова прозвучали искренне. – Отдохните, дружище, остальным займусь я.

⁹ Аконитин – яд, содержащийся в растении аконит (иначе шлемник). Быстро поглощается организмом, вызывает учащение и замедление дыхания, судороги, паралич. Смерть наступает в результате остановки сердца. Антидот не найден.

Я раскланялся с двумя друзьями и решил пройти пешком – от Бейкер-стрит было совсем недалеко до нашего дома в Вест-Энде. Прогуливаясь, я думал об архитекторах домов, мимо которых я проходил. Внушительные каменные фасады, аккуратная кладка, единообразие багровых кирпичей. Посещала ли тех, кто платил за возведение зданий, мысль о настоящих создателях этого величия? О людях с крепкой хваткой и мозолистыми пальцами? Видят ли капиталисты, вроде Сковила, красоту труда и мастерства, или для них все растворилось в фунтах и пенсах? Если верно последнее, как они умудряются с этим жить?

Впрочем, вряд ли я мог дать вразумительный совет насчет того, как надо жить.

Построить дом – это ремесло, думал я, неспешно ставя одну ногу точно перед другой, как на тропинке. Построить жизнь – это искусство, и я, очевидно, утратил к нему склонность. И могу ли я взяться за воспитание человеческого существа – живого, дышащего человеческого существа по имени Грейс, которая в возрасте двух лет выжила после острого приступа крупы лишь благодаря неистовому сопротивлению своей матери и безмолвной поддержке от меня, объятая ужасом, – как могу я воспитывать это человеческое существо бок о бок с той, которая, очевидно, не любила меня и, возможно, не собиралась полюбить?

Пронизывающий ветер наполнял ноздри неуловимой горечью, а редкие капли дождя хлестали по коже. Я был в отвратительном расположении духа, как я теперь понимаю, и к тому же весьма опасном.

Впервые в жизни мне хотелось причинить кому-нибудь боль.

И, как помощник библиотекаря, я принялся каталогизировать это ощущение.

Какую именно боль я намеревался причинить? Бессмысленная драка в пивной, которая скоро позабудется? Безрассудное нанесение вреда самому себе? Сладкая личная месть?

И тут меня, как пощечина, хлестнуло слово – «развод»!

Отвратительное это событие – развод, редкое и оттого еще более отвратительное. Если бы больше людей расставались друг с другом официально, возможно, было бы не так стыдно. Но в тот же миг я понял, что не смогу подвергнуть Летти подобному испытанию. Ведь я по-прежнему ее люблю. Она так хорошо понимала мои шутки, искоса глядя на меня и улыбаясь, а ее верхние ноты были слишком чисты, чтобы выбросить ее на прозаические улицы.

Нет, понял я. Это крайне одностороннее допущение. Прежде всего, я никогда не подвергну такому испытанию Грейс. Не важно, кто ее мать и где эта женщина сейчас.

Придется что-нибудь придумать.

Я только что пришел к себе, весь дом спит. По какой-то причине я развернул кусок ткани с Евангелием от царицы Савской и взял книгу с собой, укладываясь. Заклинания абсурдны, суждения либо отвратительны, либо смехотворны, несмотря на изящество латинского текста, да и вся церемониальная магия – один большой вздор.

И все же... Эта книга – чудо. В ней есть очень старые копии очень старых заклинаний, составленных давно умершим ученым, даже если царица Савская не имеет к ней никакого отношения.

А если имеет? Вдруг африканская царица, облаченная в багровые, пурпурные и оранжевые шелка, с умашенной благовониями кожей, сияющей ярче золота, что стекает со всех ее подвесок, прослышала о далеком монархе, который тоже любит мудрость – так, как другие мужчины любят драгоценные камни? Вдруг она гадала на него по отполированному кварцу и увидела своего двойника, хотя царства их были удалены друг от друга, и поняла, что ей суждено встретиться с ним или вечно жалеть о его отсутствии? Вдруг при ее появлении перед тронном Соломона явилось божество, наподобие удара грома, и они принялись записывать свои темные тайны?

Евангелие от царицы Савской покоится сейчас на подушке Летти, но завтра я найду для него более безопасное место. Не могу и думать о том, чтобы вернуть книгу.

Изнеможение заявляет о себе; пока я пишу эти строки, тело мое восстает против напившего его яда. Проснусь ли я после того, как этой ночью сон призовет меня, совершенно не ясно. Если проснусь, то жизнь моя должна наладиться, в этом я уверен. Я знал проблески подлинного счастья – с Летти, которая научила меня мечтать; с Грейс, ради которой я могу жить, чтобы, если повезет, увидеть, как исполняются ее мечты. Но сейчас мое сердце глухо пульсирует, перекачивая лишь прах и тоску, и я должен отдаться забвению, в надежде очутиться там, где должно.

Если я не проснусь на Земле, молю Бога, чтобы Летти этого не застала. Я всей душой желал видеть ее счастливой и твердил ей об этом с первых дней.

ТЕЛЕГРАММА С БЕЙКЕР-СТРИТ В ЛИССОН-ГРОВ, 22 сентября 1902 года, с пометкой «СРОЧНО»

ИССЛЕДОВАЛ БЕЛЫЕ ЗАЩИТНЫЕ ПЕРЧАТКИ ОБНАРУЖИЛ ВНУТРИ ВЫСОКУЮ КОНЦЕНТРАЦИЮ ШЛЕМНИКА АКОНИТИН НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНИМАТЬ ВНУТРЬ ВСАСЫВАЕТСЯ ВО ВРЕМЯ ПРИКОСНОВЕНИЯ ОСОБЕННО РУК ВСЕ ВАШИ ТЕОРИИ ПОДТВЕРДИЛИСЬ ПРИДУМАНО КОВАРНО НО СОГЛАСИТЕСЬ ОЧЕНЬ ЛОВКО УЛУЧШИЛОСЬ ЛИ ВАШЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЧАТКИ ВЕРНУТСЯ К ВАМ С ДНЕВНОЙ ПОЧТОЙ СООБЩИТЕ КОГДА ПЛАНИРУЕТЕ ВСЕ ВОЗВРАТИТЬ БРАТСТВУ ИНСПЕКТОР БУДЕТ НАГОТОВЕ ПО ПЛАНУ ВАТСОНА ТИРЕ Ш

ТЕЛЕГРАММА ИЗ СТРАСБУРГА, ГЕРМАНИЯ, В ЛИССОН-ГРОВ, 22 сентября 1902 года, с пометкой «СРОЧНО»

СЭР С СОЖАЛЕНИЕМ СООБЩАЕМ ВАМ О СЕРЬЕЗНОЙ НЕПРЕДВИДЕННОЙ СИТУАЦИИ ВАША ЖЕНА МИССИС КОЛЕТТ ЛОМАКС ПОЧТИ ДВЕ НЕДЕЛИ ЛЕЖИТ С ПНЕВМОНИЕЙ В СТРАСБУРГЕ ОНА УВЕРЯЛА НАС ЧТО ВСЕМУ ВИННОЙ УСТАЛОСТЬ И ВОКАЛЬНАЯ ПЕРЕГРУЗКА ТЧК ПОЖАЛУЙСТА ПОСПЕШИТЕ В ОТЕЛЬ ЖОЗЕФИНА ПОСКОЛЬКУ ОНА НЕ В СОСТОЯНИИ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ В ОДИНОЧКУ ИЛИ ПЕРЕВЕДИТЕ ДЕНЕГ НА СОПРОВОЖДЕНИЕ ТИРЕ МДУ ЭСКВ АДМИНИСТРАТОР ТРУППЫ

ПИСЬМО, ОТПРАВЛЕННОЕ КОЛЕТТ ЛОМАКС А. ДЭВЕНПОРТУ ЛОМАКСУ, 22 сентября 1902 года

О мой Артур!

Я солгала тебе, это просто отвратительно и заставляет меня видеть себя такой, какая я есть: женщина, которая скорее выдумает какого-нибудь герцога, чем проговорится, что спала на заплесневевших простынях. Сейчас мне тяжело даже поднять перо, поэтому быстро признаюсь: я действительно больна, и серьезно, к моему полному смятению. Я даже толком не выходила в Страсбург, только спряталась в этой крысиной дыре, которую заказали под видом отеля, но надеюсь, что ты устроишь мне осмотр достопримечательностей, когда приедешь. Если приедешь.

Прости меня, молю. Ты говорил, что желаешь только одного: чтобы я была счастлива, а я поняла тебя неправильно и самым ужасным образом вообразила, что тебе нужен жаворонок в клетке, а не вольная певчая птица. Так или иначе, я придумала целого герцога, чтобы ты не беспокоился, но дальше продолжать в этом духе я не могу. Тут вмешалась еще и гордость. Я знаю, ты был против этого турне, но мне так хотелось чувствовать себя нужной в своем деле, и я не могла признать, что ты был прав и что рано или поздно мне подвернется ангажемент

получше. Даже если ты зол, на что у тебя есть полное право, пожалуйста, заberi меня из этого уголка преисподней.

Всегда твоя,
Колеетт Ломакс

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА А. ДЭВЕНПОРТА ЛОМАКСА, 22 сентября 1902 года

Сегодня я чуть не бежал по узким промежуткам между стеллажами, задыхаясь и страдая от головокружения, когда один новый сотрудник сказал мне, что в холле меня срочно хочет видеть моя гувернантка (мисс Черч не записана в библиотеку). Хрупкие железные навершия сегодня подверглись с моей стороны довольно грубому обращению, когда я мчался навстречу очередным плохим новостям, – на сей раз, как мне представлялось, они касались моей маленькой девочки.

Когда я увидел, что Грейс, крепко сжимая куклу, стоит рядом с мисс Черч, спокойная и невредимая, мое сердце снова забилося в обычном ритме. Скажем так, не совсем в обычном, поскольку оно продолжало испытывать на себе действие аконитина, впитанного через перчатки со шлемником. И все же я ощущал себя более здоровым, чем накануне ночью. Несмотря на мою слабость и худобу, оказалось, что убить меня труднее, чем я думал, пусть и не так трудно, как Ватсона.

– Какого черта, что случилось? – воскликнул я, подходя к мисс Черч и вглядываясь в ее красноватое, немного недовольное лицо.

– Вы ж, наверное, читать-то умеете, или вы хотите, чтоб всякие вроде меня вскрывали вашу почту? – парировала она. Справедливый ответ на глупый вопрос. – Тут написано: «Срочное». Так что случилось-то? Где миссис?

Я пробежал глазами послание, не смея дышать.

Потом громко ахнул.

Договорившись с мисс Черч, что в ближайшие несколько дней она посидит с Грейс без меня, и поцеловав на прощание мою дорогую дочурку, я бросился к выходу. Остановил меня пожилой джентльмен, возвращавшийся с обеда с такими же седыми, как он, коллегами. Волосы библиотекаря изящно вились, веселые карие глаза горели искорками. Он протянул руку, словно приготовился похвалить меня перед своим окружением.

Мне было совершенно не до того. В этом мире есть вещи поважнее, чем место в Лондонской библиотеке, – хотя их и немного. Я двинулся дальше. Но библиотекаря окружали люди, в которых я наконец узнал благотворителей, и эта группа преграждала мне путь.

– Мистер Ломакс, у вас все в порядке? – спросил библиотекарь.

Смеясь, я кивнул:

– Да, все расчудесно! Видите ли, у меня серьезно заболела жена. Я должен привезти ее домой из Страсбурга.

– Ах вот что! – ответил он, округлив глаза. – Весьма сочувствую.

– Не сочувствуйте, сегодня я жив и в состоянии поехать к ней, а она уже неделю прикована к постели, так что все идет как нельзя лучше, – заверил я. – Вернусь дня через три-четыре, сэр. Прощайте!

– Но я хотел с вами поговорить! – крикнул библиотекарь мне вслед, пока я пробирался между озадаченными покровителями.

– Времени нет!

– Мистер Ломакс, но я собирался повысить вам жалованье, учитывая ваше беспримерное прилежание! Позвольте мне хотя бы сделать это предложение.

– Я принимаю его! – радостно крикнул я, подбегая к двери и широко раскинув руки.

– Замечательно! – воскликнул библиотекарь.

Очевидно, мы подняли слишком много шума для холла Лондонской библиотеки: прибывающие читатели, как и потрясенные благотворители, начали поворачивать головы и недоуменно смотреть на нас.

– Великолепно! Соответственно, я исправлю сумму вашего жалованья и внесу ее в бухгалтерские книги. Страсбург, говорите? Доброго пути, мистер Ломакс!

Я пишу эти строки в вагоне второго класса, двигаясь по тому же маршруту, что и Летти. Пальцы еще не слушаются, и поэтому буквы получаются неуклюжими, но до красоты почерка мне сейчас совершенно нет дела. Городки с церковными шпилями и впрямь напоминают открыточные виды, как сказала моя жена, и, глядя на них, я понимаю, какую смертельную скуку они навевали на Летти. Какими утомительными, вероятно, были ее переезды, но еще отвратительнее была необходимость находиться в антигигиеничных условиях. Если Летти на чем и настаивает, так это на абсолютной чистоте.

Мелкие подробности нахлынули на меня по мере приближения к жене: крошечный зазор между ее передними зубами, легкий аромат ее кожи и та особенность, что если Летти захочет выгнуть только одну бровь – это непременно будет левая. В ней столько необычного. Она тщеславна, как всякий артист, и в то же время яростно защищает своих коллег-певцов и никогда не гордится собой больше, чем позволяют приличия. Она беззастенчиво отвергает произведения, которые все считают важными, а она – банальными. Всегда подробно рассказывает о еде, напитках и роскошных пейзажах, а будучи в дурном настроении, читает Шекспира. Она не хочет больше детей, говоря мне: «Но, дорогой, сколько еще жертв, по-твоему, должно принести мое тело?» – однако разорвет голыми руками волка, если тот будет угрожать Грейс. Ее нет со мной, но она любит меня.

Не понимаю, как я мог забыть: если говорить об изучении сложных материй, то Колетт всегда была самым восхитительным из парадоксов.

Брэдфорд Морроу ТАЙНА МОЕГО НАСЛЕДСТВА

Брэдфорд Морроу вырос в Колорадо. В юности участвовал в благотворительной программе помощи Гондурасу. Окончив Университет Колорадо, Морроу получил грант Фонда Данфорта и продолжил обучение в Йельском университете. Владел книжным магазином в Санта-Барбаре, штат Калифорния. В 1981 году Морроу переехал в Нью-Йорк, где стал редактором литературного журнала «Перекрестки» и начал писательскую карьеру. Его первые пять романов («Приходите в воскресенье», «Альманах», «Тринити-филдз», «Подарок Джованни» и «Перекресток Ариэль») доступны в электронном формате. Произведения Морроу публиковались в различных антологиях и периодических изданиях.

Морроу живет в Нью-Йорке уже более тридцати лет. В настоящее время он входит в ученый совет колледжа Барда и преподает там литературу. Он – лауреат литературной премии Американской академии искусств и литературы, стипендии Гуггенхайма, премии О. Генри и премии издательства «Пущкарт». Его редакторская деятельность отмечена премией Норы Маджид.

Посвящается Питеру Страубу

Тех же людей, кто собьется С правой дороги, нарушив Мира закон
вековечный, Горький исход постигает.

Бозций. Утешение философией¹⁰

Когда умер отец, оказалось, что я получил в наследство более полусотни Библий, но утешения мне это не принесло, напротив, – напомнило о том, что я всю жизнь был безбожником. Чтобы насолить отцам, дети полицейских порой вступают на преступный путь, а дети учителей становятся недоучками; я же с ранних лет стал ярым атеистом, в пик самозабвенному пастырству отца. По воскресеньям, сидя с матерью на церковной скамье и слушая отцовские проповеди, я послушно кивал вместе с паствой, когда отец останавливался на самых важных тезисах Священного Писания. По правде же говоря, в эти минуты я витал в облаках, думая о чем-нибудь непристойном. Его последний день за церковной кафедрой, его последний день жизни ничем не отличались от остальных. Не помню, о каких именно распутствах я мечтал, но, вне всякого сомнения, мои подростковые эротические фантазии шли вразрез с отцовскими нравовыми учениями.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, зачем он оставил мне эти священные книги. Мать объяснила мне все, когда мы с ней и моим младшим братом Эндрю возвращались с похорон в машине. Объявив о моем необычном наследстве, она сказала:

– Он денно и ночью переживал за тебя. Оставил книги тебе, чтобы ты их прочел и, быть может, нашел свой путь к Господу.

Я не хотел показаться неблагодарным и потому воздержался от комментария: «Одной Библии было бы вполне достаточно».

– Не выбрасывай их, Лиам, – попросила мать. – Не предавай его память.

– Постараюсь, – как можно искреннее ответил я.

– И никогда не забывай, как сильно он тебя любил, – закончила она, прослезившись.

– Не забуду, – на этот раз совершенно искренне сказал я, опасаясь, что она влетит в придорожное дерево.

¹⁰ Перевод В. Уколовой и М. Цейтлина.

Мама была добрым человеком, и ее помыслы были такими же возвышенными, как и отцовские. Тем не менее оба сильно ошибались, рассчитывая, что я засяду в комнате, засуну подальше комиксы и приставку, отключу телевизор и примусь за Книгу Бытия. Я выглядел старше своих четырнадцати лет, но был упертым как баран, и гормоны во мне бунтовали без моего согласия. Я вполне мог закрыться на замок и безвылазно читать запретные книжки, но к Священному Писанию меня совершенно не тянуло. Чтобы успокоить мою бедную, убитую горем маму, я перетащил коллекцию Библий к себе в спальню и положил туда, где лежали вульгарные романы в бумажной обложке – «Над пропастью во ржи», «Кэнди», «Любовник леди Чаттерлей» и так далее.

Все шестьдесят три святые книги казались мне уродливыми чудищами самых разнообразных мастей: в черных кожаных переплетах с ободранными краями, в потертых тканевых обложках, в безвкусном дерматине с кричащим орнаментом. Почти все были огромными, особенно в сравнении с моей давно не раскрывавшейся карманной Библией, и их размеры устрашали меня не меньше содержания со всеми его правилами, назиданиями, высокопарными нравоучениями и миллионами архаичных слов. Я был поражен, когда увидел, что примерно у десятка из них – деревянный корпус с медными и серебряными защелками, которые не открыть без ключа. Я решил, что когда-нибудь, может, и поищу ключи, но спешить было некуда – читать это я все равно не собирался. Во всех книгах были одни и те же слова, одни и те же безумные сказки, так какая разница?

Следует сразу упомянуть о том, что мой отец, преподобный Джеймс Эверетт, пастор Первой методистской церкви города, умер не от естественных причин. Он был крепок телом и по-старомодному привлекателен, с ямочкой на подбородке, пышными волнистыми волосами и румяными, как у юноши, щеками. Ему было под пятьдесят, но выглядел он гораздо моложе благодаря отсутствию вредных привычек и прекрасной наследственности: его родители, бабушки, дедушки, прабабушки и прадедушки были долгожителями. Отец никогда не курил, даже трубку. Ежегодно на Рождество он позволял себе пропустить стаканчик эгг-нога¹¹ с ромом, отчего его щеки румянились еще сильнее, но в остальное время не пил ничего, кроме причастного вина, и был трезвее, чем Мэри Бейкер Эдди¹². Зимой он надевал огромную дубленку, брал лопату и чистил от снега подъездные дорожки нашего и соседского дома, летом же подстригал лужайки, одетый в белую рубашку с пристежным галстуком и соломенную шляпу. В мои обязанности входило пропалывать мамины цветочные клумбы. Отец был помешан на физкультуре и каждое утро выполнял по сто приседаний, а перед сном – по сто отжиманий. Больше всего он любил ходьбу. Он всюду ходил пешком, а в дальние поездки вместо нашего древнего, как динозавр, семейного универсала брал велосипед и ехал на нем прямо, словно Эльмира Гулч из «Волшебника страны Оз», но не скалясь, как ведьма, а улыбаясь, легко и непринужденно.

Он был стройным, как тростник, и жилистым, как кусок вяленой говядины. Некоторые мои друзья считали его занудой, и я не слишком спорил с ними, но прекрасно знал, что в драке мой отец уделал бы любого из их папаш одной левой.

Ума не приложу, откуда у него взялись недоброжелатели. Все мы считали, что он был одним из самых любимых и уважаемых жителей города. Те, кто его знал, включая прихожан, чиновников, всячески стремившихся заручиться его поддержкой на выборах, и прыщавых бакалейщиков, скупавших у отца органические овощи и стейки коров свободного выгула, соглашались в одном: отец не мог просто так взять и умереть. Светловолосая и кареглазая учительница воскресной школы Аманда – вот уж действительно «достойная любви», если пере-

¹¹ *Эгг-ног* – сладкий коктейль на основе яиц и молочных продуктов, часто с добавлением алкоголя, традиционный рождественский напиток в Европе и США.

¹² *Мэри Бейкер Эдди* (1821–1910) – основательница движения «Христианская наука» и автор знаменитой книги «Наука и здоровье. Ключ к Священному Писанию».

водить ее имя с латинского, – сказала, когда мне было лет десять-одиннадцать, что мой отец «слишком хорош, чтобы попасть в ад, и слишком полезен Господу на земле, чтобы отправиться в рай». Тогда мне стало жаль отца: я представил его в виде бескрылого ангела, не способного попасть ни в благоухающие райские кущи, ни в адское пекло и вынужденного вечно ходить по земле, со жвачкой на подошвах ботинок. Впрочем, моя жалость не длилась долго, ведь в ад и рай я не верил, – и, тихо хихикая, я предался фантазиям о том, как раздевается перед сном милая, фигуристая Аманда, которой не было еще и двадцати.

Да, я морщил свой веснушчатый нос при мысли об истовой вере отца и его консервативных взглядах, но теперь скучал по его унылым застольным молитвам и вспоминал, как он всегда накладывал нам с братом приготовленные мамой мясо, овощи и пюре. Я вспоминал, как внимательно он читал школьную газету и говорил о том, что в ней можно улучшить. Как он пытался быть обычным отцом и водил нас на футбольные матчи, как он сидел под пляжным зонтом во время ежегодной поездки в Джерси, пока мы с Эндрю визжали и плескались в воде с зелеными водорослями. Больше всего я скучал по отцовскому теплу; так, должно быть, скучает быстрорастущая лоза по решетке, вокруг которой должна виться. Отец продолжал любить меня, хотя я сбился с пути и в последнее время доставлял ему одни лишь неприятности.

На похоронах собралось больше сотни горожан. Пришлось слушать разговоры о том, почему отец упал с лестницы, ведущей из церковной канцелярии в подвал, после впечатляющей – по крайней мере, по мнению прихожан – проповеди о грехе алчности и благодатности пожертвований. Прежде чем взойти на кафедру и произнести ее в тот злосчастный день, отец добрых две недели обсуждал проповедь с мамой, и я запомнил ее настолько хорошо, что стало аж тошно. Живя в одном доме с пастором, ты, нравится тебе это или нет, узнаешь о практической стороне богослужения, о его механизмах, о том, что творится за кулисами церковной службы. Быть священником не значит постоянно возноситься в заоблачные дали, раздавать добрые советы и служить для всех путеводной звездой. Это значит платить церковную десятину, следить за тем, чтобы пожертвования текли в храм, как материнское молоко, – о Аманда! – платить наемным работникам, чинить протекающую крышу, менять разбитые хулиганами витражи. Церковь – некоммерческое учреждение, поэтому отец не платил налогов, а вот страховка была необходима, как и множество других вложений, позволявших держать ковчег на плаву и пускать дым в глаза прихожанам, – по крайней мере, так я считал, глядя на все с угловой скамьи на галерке и зная, что Люцифер поджидает меня с распростертыми объятиями в глубинах ада.

Проще говоря, отцу всегда не хватало денег.

Коммунальные услуги он всегда оплачивал с опозданием. Счета за прошлогодний косметический ремонт были просрочены. Церковный орган нуждался в реставрации и простаивал уже год, заменившее его пианино тоже успело расстроиться. Даже отцовское жалованье находилось под угрозой. Уверен, что на каждую проблему, которую мои родители обсуждали вечерами, взявшись за руки, приходился десяток неизвестных мне бед. Как-то раз я вошел к ним, притворился, что случайно услышал о денежных затруднениях, вот только сейчас, и вызвался устроиться на вечернюю работу.

– Лиам, твое стремление похвально, – ответил отец, – но ты неверно все истолковал. Не стоит беспокоиться, у нас все хорошо. Учись спокойно, на все остальное – воля Божья.

Да, он часто изъяснялся в возвышенных терминах. Он произнес эти слова искренне, так сильно волнуясь, что ямочки на щеках и подбородке едва не разгладились. Открытые голубые глаза изо всех сил старались убедить меня в правоте его слов. Если бы не эта искренность, я мог бы воскликнуть: «Пощады!» – или, того хуже, засмеяться. Но ничего такого не произошло, и я вышел из гостиной с чувством выполненного долга. Я предложил помощь, но получил отказ. Я умыл руки, наподобие Понтия Пилата, пусть и не так решительно.

Никто из присутствовавших на похоронах не сказал открыто, что отца столкнули с лестницы. Никто не заикнулся о том, что он от имени церкви влез в долги, в серьезные долги. И никто не предположил, что ради денег пастор связался с сомнительными субъектами – пусть набожными, пусть регулярно посещавшими церковь, но все же людьми, для которых и придумали презрительный термин «субъект».

Сплетники ни о чем не заявляли прямо. Из обрывков разговоров я составил картину случившегося – так, как это мне представлялось. В зависимости от интонации слова «вот молодец» могут быть похвалой или обвинением. Я понимал это, несмотря на юный возраст, и ходил между собравшимися, принимая соболезнования, никому не доверяя, стараясь прочесть в каждом взгляде признание вины. За мной семенил брат, еще не полностью осознавший внезапную потерю отца. Я был потрясен не меньше Дрю, но старался держаться стойко, скрывая смятение. Мой отец был в самом расцвете сил, занимался спортом, правильно питался, не имел вредных привычек, вовремя ложился спать, вставал с петухами. И пусть в церковных делах он спотыкался, на церковной лестнице после воскресной проповеди он споткнуться не мог. Это я знал наверняка.

А вот коронер не был так уверен. Симптомов сердечного приступа и других проблем со здоровьем, из-за которых отец мог упасть или потерять сознание, не обнаружили, и основная версия заключалась в том, что он просто поскользнулся. Полная чушь, если учесть, что он тысячи раз спускался по этой лестнице; она была прекрасно освещена и даже не скрипела, хотя в целом церкви не помешал бы ремонт. Для меня все было ясно: здоровье отца здесь ни при чем, лестница тоже, и уж точно он не совершал самоубийства. Христос был куда более склонен к суициду, чем мой отец. Нет, я твердо знал, что его столкнули. Единственным камнем преткновения оставалось отсутствие свидетелей. В тот день рядом с отцом никого не видели, и никто не слышал, как он упал или кричал. Я отгонял от себя мысль о том, с каким звуком треснул отцовский череп – возможно, примерно так же утром того дня хрустнула и раскололась дыня, которую он в рассеянности уронил, – и вспоминал притчу о дереве, что валится беззвучно, ведь в лесу никто не услышит его падения. Все это выглядит жалко, но новые эмоции были мне совершенно незнакомы, и я приспособливался в меру своих возможностей. Я не спал по ночам, забросил приставку и включал телевизор без звука, чтобы не умереть со скуки. Я повидал всех знакомых отца, с которыми он встречался в последние несколько месяцев, но ни один не вызвал у меня подозрений.

Вечером в день гибели отца к нам зашел полицейский и задал маме несколько вопросов. Она была потрясена и толком не понимала, о чем ее спрашивают. Детектив интересовался, были ли у отца с кем-нибудь разногласия, ссоры, конфликты. Не прошло и недели, как он снова появился к нам, и я понял, что дело сдвинулось с мертвой точки.

– Примите мои соболезнования, – сказал он, как и в первый свой визит.

– Спасибо, – ответила мама.

– Не могли бы мы с вами заново пройти по вопросам, что я вам задавал? Прошло достаточно времени...

– Мы только что его похоронили, – перебила мама, но тут же извинилась. – Хорошо. Лиам, иди наверх.

– Не стоит его отсылать, – сказал сыщик. – Скрывать нам нечего, к тому же парнишка может что-то знать. Правда, Лиам?

– Да, сэр, – ответил я с необъяснимым уважением.

Детектив был не брит и одет в застиранную серую толстовку с капюшоном, он не выглядел как типичный полицейский, и это мне понравилось, придало куда больше уверенности, чем придала бы стандартная голубая форма. Я не жаловал полицейских примерно так же, как священников (за исключением отца), но этот детектив в потертых джинсах был парень что надо.

Он задавал почти те же вопросы, которые я слышал раньше из соседней комнаты. Принимал ли мой отец людей, в чьих семьях отмечались случаи домашнего насилия, или склонных к агрессии? Угрожал ли ему кто-нибудь? Случалось ли так, что мама или покойный – терпеть не могу это слово – видел у дома или церкви незнакомцев, тех, кто не принадлежал к числу прихожан? А что насчет звонков в неурочное время или писем с угрозами?

Мама отвечала так же, как в первый раз, но, когда детектив спросил, был ли кто-нибудь из церковных работников уволен в последнее время, внезапно спохватилась:

– Постойте. Я припоминаю несколько поздних звонков незадолго до Дня Всех Святых.

– Кто звонил?

– Не знаю. Преподобный сам на них отвечал, а когда я его спросила, сказал, что ошиблись номером.

Мама всегда называла отца «преподобным». Многие считали это странным, но я привык к такому обращению с раннего детства, и для моего уха оно звучало естественно.

– И как вы отреагировали?

Вопрос сбил маму с толку.

– Легла спать.

– Утром вы это не обсуждали?

– Нет, мне нужно было готовить завтрак, отправлять мальчиков в школу и заниматься другими делами. Преподобный не придавал звонку большого значения, и я не стала.

Детектив осторожно прощупывал почву:

– Сколько раз повторялись эти анонимные ночные звонки?

– Раз пять. Но я не говорила, что они были анонимными. Просто преподобный о них не распространялся.

Детектив неожиданно обратился ко мне:

– Как себя чувствуешь, сынок?

– Держусь.

– Маме помогаешь?

– Стараюсь, – ответил я, недоумевая, зачем он задает такие нелепые вопросы. – Вы ведь знаете, что папу убили?

Пришла его очередь быть застигнутым врасплох.

– Доказательств у нас нет. Скорее, несчастный случай. Он споткнулся и упал, как это ни печально. Несчастные случаи происходят куда чаще убийств.

– Его убили, – настаивал я, твердо глядя полицейскому в глаза. – Совершенно точно!

– Лиам! – с укоризной произнесла мама.

– Ничего, – ответил детектив. – Пока не вынесен окончательный вердикт, ваш сын имеет право на свое мнение. Мы наведем справки об этих поздних звонках. Если вспомните еще что-нибудь, свяжитесь со мной. Я оставлял вам свой номер, – закончил он, поднимаясь.

Я проводил его до автомобиля, темно-синего «шевроле» без опознавательных знаков.

Напоследок детектив спросил:

– Между нами, Лиам, почему ты так уверен, что твоего отца убили? Просто наитие или что-то еще?

Я задумался, стоит ли рассказывать об отцовских долгах, обо всех, кто терпеливо ждал, пока церковь не соберет достаточно денег, и о тех, кому терпения не хватало. Но я предположил, что органы правопорядка и без того знают о темной стороне отцовских дел – и занимаются ею прямо сейчас.

– Понимаете, – беспомощно ответил я, – есть вещи, о которых вы просто знаете.

Сейчас мне ясно: он знал, что я ничего не знал.

В течение нескольких дней после визита детектива в голове у меня вертелось библейское изречение: «Око за око, зуб за зуб». По необъяснимой причине оно так прочно укоренилось в моем сознании, что даже фантазии об Аманде, несколько раз навестившей нас после гибели отца, – целомудренной девушке, чьи невинные глаза, я был уверен, скрывали непробужденную чувственность, – отошли куда-то в сторону. Я был одержим новой страстью, совсем не любовной, и мне было не по себе. Я, безусловно, предпочитал Аманду Книге Левит, но Ветхий Завет крепко вцепился в меня своими когтями, и я даже принялся искать в одной из отцовских Библий эту фразу, чтобы понять ее значение. Подозреваю, впрочем, что отец осудил бы жажду мести, проснувшуюся в его старшем сыне, и требовал бы для преступника – если его найдут – справедливого суда.

Если бы мама увидела, как я сижу с Библией короля Иакова и азартно просматриваю ее книги и стихи в поисках мстительного изречения, то наверняка обрадовалась бы. Но меня должны были по-прежнему считать гордым и независимым, поэтому я всегда дожидался, когда в доме погасят свет и те двое, что теперь составляли мою семью, отправятся спать. Получив свое наследство, я решил, что текст во всех Библиях окажется одинаковым, и для чтения схватил первую попавшуюся – среднего размера, в пятнистом кожаном переплете. Однако, к моему удивлению, под обложкой я встретил заголовок на непонятном мне языке – кажется, немецком. Не заглядывая дальше, я закрыл книгу и поставил на полку. Зачем моему здравомыслящему, носившему галстук даже при подстригании лужайки отцу оставлять мне Библию на немецком и вообще иностранном языке? Может, он спятил незаметно для меня?

Затем я взял том побольше, на корешке которого хорошими, старинными буквами было написано по-английски: «Священное Писание». Усевшись на кровать, я положил книгу на колени, открыл оглавление – как методист, я был весьма методичен – и, миновав Бытие и Исход, дошел до Левита, где вскоре обнаружил искомую фразу. Комментарий внизу страницы подтверждал смысл изречения: «Как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать». Левит, 24: 20, отослал меня к Исходу, 21: 24, который, в свою очередь, ссылаясь на Второзаконие, 19: 21, – видно было, что все эти ветхозаветные ребята находились на одной волне, когда речь шла о возмездии. Отсюда я направился к Матфею, 5: 21, где, как я уже знал – отец часто обращался к этому стиху, – на смену суровым и практичным ветхозаветным рекомендациям приходила мягкая, «возлюби-врага-своего» философия Нового Завета. Я не верил во всю эту чепуху и без лишних раздумий присоединился к стороне, вооруженной огнем и мечом: здесь сыграли роль и внезапная, необъяснимая гибель отца, и самые жесткие из моих приставочных игр. А потом я решил проверить, получится ли у евангелиста Матфея переубедить меня.

Я открыл Библию примерно на середине. От увиденного у меня отвисла челюсть. Прямо посреди книги кто-то аккуратно вырезал ячейку, которую нельзя было заметить, не подняв обложку. Сотни страниц были изувечены, если можно так сказать, чтобы в сухих бумажных внутренностях появилось место для другого тома. Не понимая, что мне делать и как поступить с находкой, я вынул книгу, нечестивый эмбрион, помещенный в Библию. Отложив Писание, я раскрыл небольшую книгу – осторожно, словно ученый, вступивший в контакт с инопланетным существом.

Оказалось, что она написана на латыни, которую я, в отличие от немецкого, немного понимал, пройдя мучительный годичный курс в средней школе. До того момента я и не думал, что полученные знания могут мне пригодиться. Моего скромного словарного запаса хватило, чтобы понять: симпатичная карманная книжица напечатана в 1502 году в Венеции неким Альдом Мануцием. На последней странице красовалась потрясающая издательская марка – дельфин, обвивающийся вокруг якоря, – но главная неожиданность поджидала меня впереди. Я был настолько потрясен, что начал задыхаться. Пришлось воспользоваться ингалятором. Поиск в Интернете показал, что найденная в отцовской Библии книга – первое, так называемое аль-

динское, издание «Божественной комедии» Данте. Но мой приступ случился не только из-за этого. Пробежав глазами по экрану планшета, я прочел, что эта книга – одна из важнейших в истории книгопечатания, первое издание Альда Мануция, ставшее доступным широкой публике. Примечателен был и формат издания, благодаря которому книгу можно было носить с собой так же, как мои непотребные романчики в мягкой обложке. Мне стало еще приятнее, когда выяснилось, что сейчас, пять веков спустя, она стоит больше двадцати тысяч долларов.

Потрясенный, ошеломленный, взволнованный, я принялся думать о том, где спрятать это сокровище, пока не осознал, что лучший тайник – тот, в котором я ее нашел. Упрятав драгоценного Иону обратно в чрево китовое, я поставил Библию на полку, сунул планшет под подушку и погасил настольную лампу, при свете которой читал. Из окна криво улыбался месяц – так же, должно быть, улыбался и я, думая о чудесной находке. Аманда, свет моей жизни, огонь моих чресел, – разумеется, читать «Лолиту» я пробовал, но так и не осилил ее – уступила Данте Алигьери в борьбе за мои предсонные мысли. Мой разум кипел и бурлил, порождая множество вопросов, на которые требовалось найти ответы.

Наутро, испугавшись, что все это могло быть плодом моего воображения, я проверил, на месте ли Иона. Он по-прежнему лежал внутри своего прямоугольного кита, что обрадовало, но и беспокоило меня. Причина радости была очевидна – точнее, двадцать с лишним тысяч причин. Беспокойство же вызывал вопрос: что теперь делать? Откуда у отца такая ценная книга и почему он прятал ее?

Не успел я войти на кухню, как мама сказала:

– Лиам, у тебя глаза красные. Плохо себя чувствуешь?

– Неважно, – ответил я без заминки и плюхнулся на стул.

– Может, не пойдешь в школу? На улице холодно, не хочу, чтобы ты заболел.

Лучшего сценария я и придумать не мог.

– Я тоже не хочу в школу! – с надеждой заявил брат.

– А тебе-то зачем занятия пропускать? – довольно сурово произнесла мама, раскладывая по тарелкам свежеспекавшиеся вафли. – Ты же не болен.

– Болен! – заявил Эндрю, изображая самый неубедительный в истории человечества кашель.

В последние дни у нас дома никто не смеялся, и заразительный смех сперва показался резким, непривычным. Когда Дрю расхохотался, осознав, что его попытка обмана провалилась, я почувствовал, что рано или поздно у нашей семьи все наладится, жизнь пойдет своим чередом.

Сообщив мне сокрушительные новости об отце, мама сразу сказала:

– Теперь ты – глава семьи и заменишь отца, насколько сможешь. Лиам, ему бы хотелось, чтобы ты вел себя ответственно, по-взрослому.

В тот момент я кивнул и ответил, что не подведу, но мысли мои были заняты грезами о том, как я женюсь на Аманде и мы будем нянчиться с мамой и Дрю, как с малыми детьми. Вроде того. Эта невообразимая фантазия длилась недолго, как августовский снегопад.

Сейчас же, когда наш смех утих, я почувствовал, что постепенно вхожу в роль, которую мама отвела мне. Я прикинулся больным, чтобы не идти в школу, будто какой-нибудь младшеклассник, но уже примерял на себя отцовскую шкуру. Обман был необходим; мне требовалось время, чтобы все обдумать и определиться с дальнейшими действиями.

Я не мог дожидаться, когда мама с братом уйдут и оставят меня одного. Я бесцельно слонялся наверху со стаканом виноградного сока – преподобный скупал его целыми упаковками, и у всей семьи развилась настоящая сокозависимость – и в конце концов притворился, что снова лег спать. Заглянув проверить, как я себя чувствую, мама обнаружила своего сына безмятежно дремлющим в кровати. Для пущей убедительности я даже вздрогнул, будто во сне. Мама ничего не сказала, но я читал ее мысли: «Бедный мальчик так вымотался, что иммун-

ная система дала сбой, пусть отдохнет денек-другой». Услышав, как она спускается, выходит на улицу и уезжает вместе с Дрю, я соскочил с кровати и, не снимая пижамы, помчался в родительскую спальню, где без особых усилий нашел носок с ключами от закрытых томов. Он лежал в верхнем ящике отцовского письменного стола. Не самое удачное место для тайника, но вполне в духе отца. Не трата времени даром, я вернулся к себе и открыл первую попавшуюся Библию. Спрятанная в ней книга оказалась «Утешением философией» Боэция в простеньком кожаном переплете коричневого цвета. Издание датировалось пятнадцатым веком и, судя по всему, было настолько редким, что я не смог найти в Интернете ни одного экземпляра на продажу. Тогда я не знал, как получить доступ к аукционным архивам, и счел, что книга, по сути, бесценна. Я полюбовался текстом, из которого не понял ни слова, и выяснил, что эти бессмертные строки написаны в 524 году или около того, когда Боэций, о котором я раньше ничего не знал, сидел в тюрьме по ложному обвинению в государственной измене. Одним словом, он был достоин моего уважения. В своей книге он отдавал должное Богу, но в основном дискутировал с прекрасной Госпожой Философией (тут перед моими глазами встало лицо Аманды) о мимолетности славы и богатства, о том, что даже люди, совершающие дурные поступки, добры по своей природе, о снисхождении к заключенным и о том, что каждый человек строит жизнь по собственной доброй воле, а не по Божьему указу.

«Крутой чувак», – подумал я. Даже болтаясь в школе круглые сутки до самого конца семестра, я бы не узнал столько, сколько узнал за одно утро с краденым – а может, и не краденым – Боэцием, размышляя о том, каким образом он, не говоря об остальных редкостях, очутился у отца.

Не считая единственного экземпляра, по которому, надо полагать, преподобный читал в церкви, все остальные Библии были выпотрошены и содержали редкие книги. Существовал даже специальный термин «Библия контрабандиста», в стародавние времена обозначавший именно то, что проделал отец. Его находчивость поразила меня, даже несмотря на то, что старая Библия казалась вполне логичным местом для тайника, – кому придет в голову искать книгу в книге? Я принялся составлять список книг с приблизительной их стоимостью. Чтобы закончить работу, пришлось сделать вид, что моя простуда усилилась, и прогулять еще несколько дней. Я редко болел, но в этот раз у меня было оправдание – переутомление после смерти отца, – и мама позволила мне отдохнуть до конца недели. Мой бедный брат сразу меня раскусил и едва не лопнул от зависти, но поделать ничего не мог – мы по-прежнему со смехом вспоминали его притворный кашель.

Я прятал аспирин и таблетки от простуды за щеку, подсмотрев это в кино, выпивал воды из стакана, глотал, а когда мама отворачивалась, выплевывал таблетки в руку. Перед измерением температуры я исподтишка напивался горячего чая, и засунутый в рот градусник показывал ошеломительные результаты. В глубине души я даже пожалел о том, что не додумался до такого раньше, но тут же понял, что отец в мгновение ока распознал бы обман и наложил бы на меня епитимью, покончив со спектаклем.

Но как быть с его собственным обманом? А если не обманом, то секретом стоимостью минимум в полмиллиона, который он хранил от семьи? Я еще не оценил все книги, но итоговая сумма стала шестизначной еще до того, как я проверил четвертую часть. Например, первое англоязычное издание «Государя» Никколо Макиавелли – лучшего наглядного пособия для правителей и политиков, предпочитающих держать народ в ежовых рукавицах, – оценивалось примерно в шестьдесят тысяч долларов. Малоформатная книжица, в двенадцатую долю листа. А как насчет «Кандида» Вольтера, одного из дюжины экземпляров первого издания, напечатанного в 1759 году в Женеве? Под томиком я обнаружил целую стопку записок, подтверждающих его подлинность. В Интернете какой-то британский книготорговец – или, вернее, букинист? – продавал такое издание за шестьдесят тысяч фунтов, что при переводе в доллары давало почти сто тысяч. Дальше – больше. По трем Библиям были разложены три маленьких

томика «Франкенштейна» Мэри Шелли 1818 года издания, за которые легко можно было получить сто пятьдесят тысяч. «Франкенштейн» плохо увязывался с образом преподобного; отец даже фильм нам с Дрю не давал смотреть, опасаясь, что хрупкая детская психика будет навсегда травмирована созерцанием получеловека-получудовища, пугающего людей и убивающего маленьких девочек.

Мы все равно посмотрели оригинальный фильм Джеймса Уэйла на компьютере друга: оказалось, это вполне невинный пережиток прошлого. Но чем больше я думал о «Франкенштейне», Боэции, Макиавелли и прочих, тем тверже понимал, что мы с отцом явно не единственные, кто знал об этих жемчужинах. Более того, было бы глупо не связать его убийство с этими книгами. Передо мной стоял нелегкий выбор: рассказать обо всем детективу и, вероятно, потерять коллекцию или промолчать и оставить безнаказанным того, кто спихнул отца с лестницы.

Утром на третий день моего «выздоровления» – где пропадала Аманда Найтингейл, когда ее павший солдат так нуждался в утешении? – зазвонил телефон. Меня это удивило, ведь в прошлые два дня дома было тихо, как в склепе. Я не знал, стоит ли отвечать. Если звонит мама, она может решить, что я достаточно здоров, чтобы спускаться к телефону, а значит, и в школу могу идти. А об этом не могло быть и речи, ведь мне требовался по меньшей мере еще один день, чтобы закончить с Библиями. Но что, если звонят из полиции? Вдруг у них появились новые улики? Отвечу – плохо, не отвечу – тоже плохо. Поэтому я ответил.

– Дом Эвереттов, – прохрипел я в трубку, на случай если звонит все-таки мама.

– Кто это? – спросил мужской голос на другом конце провода.

Я, конечно, не был образцом вежливости, но такой грубости я не ожидал.

– А вы кто? – как можно холоднее спросил я, прекратив притворяться больным.

– Мне нужно поговорить с преподобным Эвереттом.

– Это его сын. С кем имею честь?

Я, образно говоря, отпускал хлеб по водам¹³.

– Простите, но мне нужно поговорить с самим преподобным. По важному делу. Можете позвать его?

Я снова оказался на перепутье. Сказать этому человеку о смерти отца или разыгрывать его дальше и постараться выяснить больше?

– Его нет. Скажите, как вас зовут, и оставьте номер...

Мужчина повесил трубку. Не стоит лишний раз говорить, что этот звонок черной тучей висел надо мной, пока я продолжал составлять каталог и приблизительно, весьма приблизительно оценивать найденные внутри Библий книги, удивляясь каждому литературному сокровищу. Я никогда не был склонен к волнению, разве что в присутствии Аманды, от нежного голоса которой у меня потели ладони, а сердце билось чаще, но в тот день я подскакивал от любого звука с нижнего этажа, будь то шум отопительного котла или бой настенных часов. Звонивший мне не понравился. Не нравилось мне и то, что отец оставил такое странное наследство. А меньше всего мне нравилось то, что мое детское убеждение – отца убили – переросло во вполне взрослую уверенность в своей правоте. Взглянув на кучу книг, как ценных, так и бесполезных, я обескураженно покачал головой. Если бы преподобный был рядом, чего мне от всей души хотелось, он наверняка нашел бы мудрую притчу или изысканное изречение из Библии, которое помогло бы мне пролить свет на необъяснимые обстоятельства и выпутаться из этой ситуации.

– Папа, зачем ты ушел? Что все это значит? – спросил я вслух и, стыдно признаться, заплакал.

¹³ «Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих дней опять найдешь его» (Еккл., 11: 1).

Перенесемся назад во времени. Лето жаркое, как печка, небо цвета жестяной банки, воздух тяжелый, как математика. Мы с отцом едем в нашем семейном универсале с боками, отделанными под дерево, и настолько мягкой подвеской, что на любой кочке нас подбрасывает, как лодку на волнах. Мы возвращаемся в Первую методистскую церковь с грузом псалтырей, подаренных другой миссионерской организацией по братской традиции «давайте, и дастся вам». Щедрый жест с их стороны, учитывая, что наши небогатые прихожане были сильны верой, но не кошельком и псалтыри у нас почти закончились. Должно быть, некоторые нарочно брали их домой, чтобы распевать в ванной «Старый крест»¹⁴ от начала и до конца.

В этот августовский день преподобный вел себя рассеянno и в целом странно. Я помог ему выгрузить коробки с псалтырями из машины и погрузить на стеллажи у церковных скамеек, после чего отец отправился в кабинет. К моему удивлению, он сунул мне два доллара, чтобы я купил в магазине лимонада, конфет или чего захочется. «Подождите-ка», – подумал я. Он всегда журил меня за лимонад и конфеты. Мне не очень-то хотелось того и другого, но я послушно удалился, недоумевая, почему отец хочет от меня избавиться. К тому же в церкви было прохладнее, чем на улице, где солнце жгло сильнее Ока Саурана.

Вернувшись, я заметил возле нашей машины два других автомобиля, куда более дорогие. Первый – черный, как сама алчность, «мерседес», а второй – белый антикварный «порше». Меня насторожило то, что они блокировали нашу колымагу спереди и сзади. На улице можно было свободно припарковаться, зачем вставать так, чтобы мы не могли выехать? У меня возникло дурное предчувствие.

В церкви было тихо, если не считать голосов, доносившихся из кабинета в подвале. Из-за легкого эха казалось, будто голоса идут из шахты. Я решил присесть с краю, на другом конце рядов скамей, и принялся жевать полурастаявшую шоколадку в ожидании неизвестно чего.

Ждать пришлось недолго. Из дверей в конце притвора, за которыми располагался спуск в подвал, появился одетый с иголки мужчина с толстым кожаным портфелем в руке и важно проследовал к выходу. Я притаился, не издавая ни звука, и он прошел мимо, не заметив меня. На лице его было отрешенное выражение, словно он глубоко погрузился в раздумья. Когда он вышел, сумрачные внутренности церкви озарил резкий серебристый дневной свет. Наконец массивная дубовая дверь захлопнулась, и тут же из подвала появился отец с другим мужчиной, чья голова была повернута в сторону от меня, поэтому я его не рассмотрел. Они с отцом говорили о непонятных мне вещах. Помню, что мужчина произнес: «Мильтон», и я запомнил это слово лишь потому, что в школе учился хилый парнишка с таким именем. У него было неоригинальное прозвище – Милашка Мильти, из-за которого все над ним потешались. Когда отец с незнакомцем проходили мимо меня, топот шагов по каменному полу почти заглушил их голоса, но я готов поклясться: отец сказал что-то о «широких полях». Каких еще полях? Не понимая, о чем они говорят, и чувствуя себя неуютно на расстоянии вытянутой руки от них, я откашлялся.

– Привет, Лиам, – непривычно громко и беззаботно сказал преподобный. – Сынок, подожди минутку.

Его спутник специально отвернулся, и они вместе вышли, не произнеся больше ни слова в моем присутствии. Я понял, что дело нечисто. От этого дела, прямо скажем, пахло. Во-первых, отец всегда представлял меня незнакомцам. Он учил меня вежливости, пусть и не всегда успешно, но разве не говорится в Библии, что отцы должны своими поступками подавать пример детям? Может, и нет, но, черт побери, я разволновался, как индюшка в День благодарения. Вернувшись, отец вел себя как ни в чем не бывало, что окончательно сбilo меня с толку. Тогда я решил, что раз у меня есть секреты – ах, Аманда, знала бы ты, как беззаветно я был увлечен тобой в те дни! – то и у отца могут быть свои. Вот только эти двое не были

¹⁴ «Старый крест» – популярный христианский гимн, созданный в 1912 г. евангелистом Джорджем Беннардом.

похожи на ремонтников или местных бизнесменов, у которых можно было взять кредит или ссуду. Нет, они не были местными, и этих машин я прежде не видел. Раздери меня аллигатор, они были крокодилами из совсем другого болота.

Дома я попытался провести связь между незнакомцами и вечерними беседами моих родителей. Мое предложение устроиться на работу родители не одобрили, оставалось лишь ждать и надеяться, что однажды они посвятят меня в суть происходящего. Больше ничего. Младший брат Дрю спрашивал меня, в чем дело, но, к сожалению, я мало что мог ему объяснить. Положив на его костлявое плечо руку – которую он тут же стряхнул, – я постарался убедить его в том, что все хорошо, точно так же, как родители убеждали в этом меня.

– Дружище, – сказал я, – жизнь – сложная штука. Не переживай, все будет путем.

Он разозлился и убежал в свою комнату. Я его не виню. Мне было известно чуть больше, но из-за этого я был в куда большем замешательстве. Насколько помню, я тоже отправился в спальню, запер дверь и всю ночь прорубился в приставку. Не стану называть игру – мне за нее стыдно, – скажу лишь, что в ту ночь я пролил достаточно пиксельной крови, отрубил множество виртуальных рук и ног – в общем, устроил беспредел. В разумных пределах, конечно. Думаю, никто не станет возражать, что это хороший способ выплеснуть эмоции и успокоиться. Вроде того.

Вернемся к настоящему. Преподобный мертв. Мы с братом потеряли отца. Моя мама – вдова. Первая методистская церковь осталась без пастора. Мягко говоря, ничего хорошего. Я хотел бы вернуть те дни, когда отец был рядом и я мог его доставать. Мама все так же кормила бы его мясом, овощами и пюре, и все шло бы по-прежнему, как заведено в нашем маленьком семейном кругу. В то же время, как ни сложно мне было осознать это, благодаря литературным бриллиантам, найденным в наследстве отца, я обладал миллионным состоянием. Если в моей жизни когда-нибудь сверкал луч надежды, то это случилось именно тогда. Да что там луч – настоящее солнце. Я недоумевал, почему отец, чья одежда напоминала обивку нашего протертого дивана, каждый вечер считал церковные деньги до единого цента, зная, что продажа любой из этих книг позволит ему купить новый орган или отреставрировать старый. Мне хотелось встать перед мамой и братом и заорать: «Мы богаты!» – но я держал язык за зубами. Надо было сохранять спокойствие и невозмутимость, пока я не выясню, где отец раздобыл редкие издания и почему не продал их, чтобы разобраться с финансовыми затруднениями последних месяцев.

То ли из сострадания, то ли от рассеянности мама позволила мне отдохнуть еще один день. Я сказал, что чувствую себя неплохо, кхе-кхе, но день выдался дождливым, с грозой и сильным ветром: с деревьев слетели последние листья, капли гулко стучали по стеклам. Будь погода немного лучше, мама отправила бы меня в школу. Но была пятница, снаружи все выглядело мерзко, и она дала добро на прогул.

– Но в понедельник пойдешь в школу как миленький! – предупредила она, помешивая овсянку – наш завтрак.

– Обязательно, – ответил я, сидя за столом в пижаме и стараясь выглядеть одновременно и бодро, и вяло. – И домашнюю работу за пропущенные дни сделаю, как только смогу.

Я ведь не говорил, что был отличником?

Мне несказанно повезло. Оставшись дома, я принял почти столько же гостей, сколько Амаль¹⁵. Только вместо трех волхвов ко мне заглянули двое мужчин – один с утра, другой после обеда. Первый звонок в дверь раздался, когда я составлял свой книжный каталог. Быстро убрав тоненький томик Сэмюэла Тейлора Кольриджа обратно в тайник, я подтянул пижаму, надел тапки, спустился и открыл дверь. На пороге стоял детектив Рейнолдс в привычном облике уличного хулигана, но на этот раз помывшегося и пахнущего тальком. Я вновь воспринял его

¹⁵ «Амаль и ночные гости» (1951) – телевизионная опера композитора Джанкарло Менотти, по сюжету которой библейские волхвы после приношения даров младенцу Иисусу останавливаются на ночлег в доме, где живет больной мальчик Амаль.

неформальный вид как признак добропорядочности. Детектив, вероятно, заслуживал доверия, но в тот момент я не намеревался доверять кому бы то ни было.

– Привет, Лиам, – сказал он.

Меня обдало холодным ветром с улицы.

– Здравствуйте, сэр.

– Мама дома?

– Нет, – ответил я и непритворно чихнул.

– Ладно, с тобой мне тоже есть о чем поговорить, – произнес детектив. – Но ты, похоже, болен. Могу зайти в другой день.

Надо было соглашаться, но вместо этого с языка сорвалось:

– Ничего, заходите.

Мы расположились в гостиной. С учетом погоды, правила вежливости требовали предложить детективу остатки утреннего кофе, но я этого не сделал. Да, Рейнолдс вызывал у меня симпатию, но раскатывать перед ним ковровую дорожку я не собирался. К тому же я не хотел посвящать его в тайну своего наследства. И не только из-за денег; книги были моей собственностью, и я намеревался ревностно охранять их – как и мой отец.

Рейнолдс рассказал, что продолжает расследование гибели отца.

– Кроме меня, все в отделе считают это несчастным случаем. Коронер исключил вероятность убийства. В прокуратуре не хотят заводить дело из-за падения. Улик у меня нет, только догадки. Мы с тобой – единственные, кто верит в версию об убийстве, – подытожил он, неуклюже улыбнувшись. – Ты ведь не изменил своего мнения?

– Вроде нет, – с сомнением ответил я, подозревая, что мой отец и сам мог быть замешан в грязных делишках. Как иначе он раздобыл редкие книги, спрятанные нынче у меня в шкафу среди похабного чтива? Он ведь едва сводил концы с концами!

– В прошлый раз ты был увереннее, – заметил сыщик. Я пожал плечами, чувствуя себя настолько виноватым, будто сам убил отца. – Ладно, раз уж я здесь, стоит спросить тебя о том же, о чем я спрашивал твою маму. Не помнишь каких-нибудь странных гостей или телефонных звонков от незнакомцев?

Я считал себя атеистом, но был уверен, что врать полицейскому нехорошо – даже Рейнолдсу, напоминавшему бродягу в своих дешевых шмотках из «Гудвилла». Под мятым свитером и рваными джинсами скрывался полицейский значок, а мое бунтарство никогда не выходило за рамки дозволенного.

– На днях звонил какой-то мужчина и спрашивал отца. Наверное, не знал, что он умер.

– Что ему было нужно?

– Не знаю. Я спросил, как его зовут, и он повесил трубку.

– Ты не сказал, что отец умер?

– Не мое дело рассказывать.

Рейнолдс усмехнулся:

– Решил прикинуться веником и вытянуть у него информацию? Умно. Лиам, из тебя вышел бы отличный детектив. Мне уже страшно за свое место!

Я не хотел обидеть Рейнолдса и не стал парировать, что лучше быть слепым, безногим дворником с раком мозга, чем полицейским. Вместо этого я сказал:

– Рыбка не клюнула.

– А перезванивать ты не пробовал? Знаешь, что у телефона есть такая функция?

– Знаю, но она не сработала.

– Еще один вопрос. – Рейнолдс внезапно сменил тему, позу и тон, который теперь звучал по-приятельски. – После гибели твоего отца мы изучили его церковные документы. Искли что-нибудь подозрительное, письма с угрозами и все в таком роде.

– Да ну! – сорвалось у меня.

– Верно. Мы ничего не нашли. Твоего отца действительно уважали.

Пустая болтовня раздражала меня. Это был последний свободный день, а я еще не успел оценить с десяток книг. Рейнолдс мне нравился, но беседа меня порядком утомила. Я не мог дожидаться, когда он закончит.

– Скажи, у твоего отца был только один рабочий кабинет, в церкви, или дома тоже? Официально расследование не ведется, я взял отгул, как и ты, и ордера на обыск мне не получить. Но попытка не пытка.

– Только один, – с облегчением ответил я. Он так долго ходил вокруг да около, что я ожидал услышать вопрос о Библиях, а не такую ерунду.

– Раз уж мы с тобой верим в убийство, может, ты позволишь осмотреть его письменный стол?..

– Все домашние дела ведет мама. Можете взглянуть на ее бумаги, если это важно. Думаю, она не стала бы возражать.

– Если это тебя не затруднит, – ответил детектив.

– Нисколько, – сказал я и проводил его в большую комнату, в углу которой было мамино рабочее место.

Я сделал это с радостью, во-первых, потому, что комната находилась далеко от моей спальни, а во-вторых, потому, что маме было совершенно нечего скрывать.

Спускаясь по лестнице, я слышал за спиной тяжелое дыхание Рейнолдса. Ему не стоило так волноваться: я прекрасно знал, что он не найдет ничего полезного. Однако чем дольше я стоял, наблюдая за ним и переминаясь с ноги на ногу, тем сильнее я жалел о том, что впустил его. А если в мамином столе случайно окажется бумажка с упоминанием редких книг? К тому же минуты неумолимо шли – и у меня оставалось все меньше времени на изыскания.

Но я оказался прав. Рейнолдс не нашел ничего важного.

– Как я и предполагал, – вынужден был признать он, поднимаясь с маминого вращающегося стула. – Спасибо за доверие, Лиам. Извини, что потратил твое время.

Когда мы поднялись, он добавил:

– Лучше нам держать сегодняшнюю встречу в тайне, если не возражаешь.

– Конечно, – согласился я, не собираясь ничего рассказывать маме.

На пороге он снова поблагодарил меня и попросил связаться, если появится новая информация.

– Буду на чеку, – сказал я и откашлялся почти так же неестественно, как мой брат несколькими днями ранее.

– Лечи кашель. – Рейнолдс подмигнул, протянул мне визитку, надел пальто и вышел.

Сквозь окошко в двери я заметил, что еще на дорожке он закурил сигарету. Вместо того чтобы бросить спичку в высокую мокрую траву, которую стоило бы еще разок подстричь перед снегопадами, детектив аккуратно сунул ее в карман.

«Ушлый мужик, – подумал я тогда. – Пренебрегать его расположением, а тем более злить его – опасно для здоровья». Вообще-то, я был уверен, что раз в церкви, в отцовском кабинете, никаких бумаг не нашли, то их и не было.

Это предположение оказалось ошибочным и довело меня, еще в нежном подростковом возрасте – Аманда, прости, что мои мысли тогда были заняты не тобой, – до язвы.

Почему ошибочным? Буквально через час, разобравшись с «Рождественской песнью» Диккенса 1843 года издания (раскрашенные вручную иллюстрации Джона Лича) и альдинским Лукрецием начала шестнадцатого века, я открыл одну из последних Библий и обнаружил внутри не книгу, а значительную сумму денег – около тридцати тысяч – и стопку бумажек. Перевязанные резинками пачки банкнот я положил обратно трясущимися руками, а бумажки осторожно разложил на кровати. Я сразу понял, что именно нашел. Это были квитанции о покупке. Я рассортировал их по книгам, поспешно осмотрел сокровища в оставшихся Биб-

лиях, бегло занес данные в свой собственный каталог и сложил всю коллекцию в коробки из-под детских комиксов, которые продал, чтобы купить приставку. Прибравшись в кладовке, я аккуратно поставил туда коробки, прикрыв их старой одеждой, спортивным инвентарем и спальным мешком. Теперь обнаружить книги смогла бы лишь команда археологов. Себе я оставил лишь Библию, которую отец читал в свободное от коллекционирования литературных памятников время, и ту, в которой лежали деньги и квитанции.

Мне всегда казалось странным, что у отца, обладавшего громким, могучим голосом, почерк был как у изящной старой леди. Выходило как-то по-дурачки. Его львиный рык мне уже не слышать, а вот кошачьи пометки на квитанциях и документах сохранились. Во мне проснулся настоящий счетовод, и я принялся изучать бумажки. Поначалу меня поставили в тупик закодированные пометки. Что, скажите, могло означать \$ИНГБ0 или \$АОБ00? Я пал духом. Среди непонятной писанины проскакивали имена Мильтона, Драйдена, Свифта и По. Книги некоторых из них – не всех – лежали в моей кладовке. Но тут я нашел смятый клочок бумаги, на котором было написано «\$Иоанбгслв0», и после непродолжительных раздумий меня осенило. Вот он, код! Мой отец взял имя апостола, убрал повторяющиеся буквы, чтобы каждая из оставшихся соответствовала числу от одного до девяти, и добавил ноль. «Неплохо придумано, папа», – с чувством гордости за отца подумал я. От воспоминаний меня кинуло в жар, будто температура и вправду поднялась. Я вздрогнул, подумав о том, чего ему стоило собрать все эти книги и не выдать секрета, и тут в дверь снова позвонили. Понимая, что эта стопка бумаг не менее ценна, чем сами книги, я убрал их обратно в Библию и сунул под подушку, надеясь, что даже инопланетяне или вампиры не опустятся до того, чтобы отобрать у несчастного скорбящего мальчика его экземпляр Слова Божьего.

Уже приученный осмотрительно относиться к незванным гостям, я выглянул из окна второго этажа и опешил: перед домом стоял черный «мерседес», который я видел в тот жаркий августовский день. Ничего хорошего это мне не сулило. Но я не мог до конца своих дней прятаться в доме, как книга внутри Библии, в надежде, что деловые партнеры отца – а я был уверен, Аманда, что это именно один из них, и в ту минуту отчаянно захотел оказаться в твоих теплых, нежных объятиях – оставят меня в покое. Аминь.

Звонок повторился. Что ж, волков бояться – в лес не ходить. Я спустился и открыл дверь. Передо мной стоял мужчина средних лет в шикарном непромокаемом пальто со стоячим воротником. Седеющие усы, голубые с металлическим отливом глаза, вид человека, умудренного опытом. Выглядел он как типичный богатый горожанин.

Он вежливо спросил, дома ли отец, и мне стало ясно, что это он звонил по телефону. Капли дождя барабанили по полям коричневой шляпы, и я понял, что его приезд в такую ненастную погоду означал, что он не знает, на самом деле не знает о смерти отца. А это, разумеется, означало, что убийцей был кто-то другой.

– К несчастью, отец скончался две недели назад. – Мне даже не пришлось прибегать к своим жалким актерским способностям, ведь сказанное было чистой правдой.

Незнакомец выглядел ошеломленным, что в очередной раз доказывало его непричастность. Новость его расстроила.

– Не знал. Я уезжал за границу по делам. Мои соболезнования. У нас была договоренность о встрече, и... даже не знаю, что теперь делать.

– Может, зайдете в дом? А то промокнете.

– Только на минутку.

Мы вошли в прихожую. С незнакомца ручьями лилась вода, а я дрожал от холода.

– Если не ошибаюсь, мы уже встречались. Несколько месяцев назад, в церкви, – заметил он. – Могу я узнать, что случилось с твоим отцом? Внезапная болезнь? Когда мы в последний раз виделись, он выглядел здоровым как бык.

– Нас друг другу не представили, – уточнил я, – но мы с вами действительно встречались. Папа умер от черепно-мозговой травмы. Упал с церковной лестницы. Говорят, несчастный случай.

Я только сейчас заметил, что у мужчины с собой был кожаный чемодан.

– А ты, кажется, сомневаешься в том, что это несчастный случай.

Теперь его голос звучал озабоченно, и я решил, что поторопился с выводами. Он явно был нечист на руку.

– Я еще ребенок, поэтому могу лишь гадать. – Опять хлеб по водам.

– Ребенок, но весьма смывленный. Это, конечно, не мое дело, но ты ведь наверняка сообщил полиции о своих подозрениях?

– Конечно. Детектив лишь недавно ушел.

– Вот как? Надеюсь, он докопается до истины. Я был высокого мнения о твоём отце. У нас были общие увлечения. Я привез ему из-за границы кое-что из того, о чем он просил, – мужчина приподнял чемодан, – но это уже не важно.

Его слова поставили меня в затруднительное положение. Я одновременно знал и не знал, что в чемодане. Я умирал от любопытства, желая знать, что принес незнакомец, чьего имени я, по своей глупости, так и не спросил. Неужели отцовские книги настолько завладели мной, как и им? Еще никогда я не чувствовал себя таким беспомощным. Будь у меня хотя бы жиденькие усики, не говоря уже о шикарных усищах моего собеседника, я мог бы поговорить с ним на равных и сказать: «Эй, я разбираюсь в книгах. Что там у вас? Древний пергамент? Книга в двенадцатую долю или ин-кварти? Боэций или Лукреций?» Но я прекрасно понимал, что разговора на равных не выйдет, поэтому ответил иначе:

– Если это подарок, я бы мог передать его маме от вашего имени.

Я надеялся вытянуть из незнакомца хоть какую-нибудь информацию. Он явно задумался. Будь он героем мультфильма или комикса, художники наверняка бы изобразили то, что творится в его голове, – шестеренки, поршни, клубы дыма, похожие на цветную капусту. Клянусь всеми ангелами, что порхают вокруг на легких крылышках, и всеми чертями, что когда-либо тыкали вилами в зад грешника, он размышлял целую минуту. Его ответ меня обезоружил:

– Это не подарок. Твой отец хотел продать эту вещь одному своему... другу.

Заминка перед словом «друг» означала, что это никакой не друг. Я был юн, но не вчера родился. Простое любопытство сменилось твердым желанием узнать правду.

Мужчина продолжил, раздумывая на ходу:

– Я бы отдал эту вещь тебе, но ты можешь не знать, что нужно с ней делать.

– А что там сложного? – При всей моей любви к отцу я полагал, что разберусь в его схемах.

– Тебя ведь зовут Лиам, так?

– Верно.

– А я – Джон Харрисон. Можно снять пальто?

– Конечно, – ответил я, чувствуя, что разгадка близка.

Словно по команде невидимого режиссера, мы сели ровно на те же места, где до этого я сидел с Рейнольдсом. Харрисон поставил чемодан между своими начищенными до блеска черными туфлями.

– Ты знал об отцовской страсти к книгам?

Невероятно! Неужели он прямо сейчас все мне выложит?

– К Святому Писанию? Еще как! Кроме этого – не особенно.

– Ему нравились и другие книги. Лиам, ты любишь читать?

– За последнее время во мне проснулся интерес к чтению, – коряво ответил я, желая изречь умную фразу.

– Уверен, твой отец оценил бы это.

– Мистер Харрисон, чем вы занимаетесь? – спросил я, желая сменить тему разговора.

Я постарался, чтобы вопрос прозвучал непринужденно, но еще до ответа придумал целую кучу новых. Как он познакомился с отцом? К чему такая секретность? Кто тот другой мужчина в белом «порше»? Если отца столкнули с лестницы, то зачем? Что вообще происходит?

– Можешь звать меня Джон. Я библиотекарь, – ответил мужчина. – Как и ты, я с детства любил читать, а когда вырос, решил работать в окружении книг.

– Логично, – сказал я, стараясь не обращать внимания на его снисходительный тон.

– Работа временами скучная, но полезная.

– Так можно сказать про любую работу, – заметил я, но, чувствуя, что Харрисон обдумывает нечто очень важное, решил не давить на него. Мне хотелось, чтобы он скорее дошел до сути.

– Лиам, послушай, – после короткой паузы сказал Харрисон, то есть Джон. – Ты умеешь хранить тайны?

Я подумал о спрятанных в кладовке Библиях, Аманде и прочих фантазиях, которые не выходили за пределы моей комнаты, и ответил:

– Еще как!

– Отлично. Я так и думал. Как сын пастора, ты, должно быть, знаешь выражение «совершить прыжок веры»?

– Да. Рискнуть во имя убеждений.

– Хорошо. Сейчас я совершу такой прыжок, идет?

– Валайте, – ответил я тоном «четкого» парня и тут же пожалел, что не выразился по-взрослому.

– Договорились. Знаешь ли ты, что такое «переуступка»?

– Нет, сэр.

– А «изъятие»?

Это слово я знал, но не понимал, в каком контексте оно здесь используется. Харрисон все объяснил, а заодно рассказал много других интересных вещей. Чем больше я с ним общался, тем более крутым, точнее, солидным он мне казался. Мне стало ясно, почему отец дружил и сотрудничал с ним. Мы беседовали целый час, и Харрисон обращался со мной как со взрослым. Такого отношения я прежде ни в ком не встречал. Он буквально открыл мне новый мир, о существовании которого я не догадался бы, если бы в моих руках не оказалась отцовская коллекция. Когда я более-менее вник в суть, часы пробили четыре. Мама и Дрю должны были вернуться с минуты на минуту. Харрисон пожал мою влажную от волнения руку, но оставлять книгу не стал, для большей надежности, хотя в моей кладовке она была бы спрятана, пожалуй, еще надежнее. Безусловно, он мог обманывать меня, но я нутром чуял, что он говорил правду: преподобный уже несколько лет вел весьма занятную двойную жизнь. С одной стороны, я не мог представить своего богобоязненного отца-велосипедиста в образе контрабандиста, с другой – чувствовал необъяснимую гордость за то, что ему удавалось так долго хранить в тайне свои махинации. Он стоял вне подозрений именно благодаря кристально чистой репутации. Да, я был потрясен, но одновременно и вдохновлен. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что именно в этот день, к добру или худу, я стал взрослым.

Верный своим богопротивным принципам, я сдержал слово и не рассказал родным о втором пятничном госте, упомянув лишь о визите полицейского.

– У него есть какие-нибудь новости? – спросила мама, набивая кухонные шкафчики жестянками с супом и овощами.

Холодильник ломился от кастрюль с жарким и пирогов, оставленных после похорон соседями-прихожанами, и туда влез лишь пакет молока.

Нужно отдать маме должное; рацион, благодаря которому отец оставался таким здоровым и бодрым за много лет их совместной жизни, не поменялся с его уходом. Раз мясные

хлебцы, картофельное пюре и консервированная фасоль подходили человеку, который много лет читал проповеди сотням неприкаянных душ, а втайне собирал и толкал редкие книги – пока Харрисон не объяснил, я и не знал, что у глагола «толкать» есть и такое значение, – то они сходятся и для меня.

– Не особенно, – ответил я, оставаясь спокойным как удав. – Сказал, что все в отделе согласны с версией о несчастном случае. Улик у них нет.

Я чуть не предложил подать против церкви иск из-за выступа на третьей ступеньке, о который отец мог споткнуться, но сразу сообразил, что это будет иск против нас самих. К тому же не было гарантий, что отец исправно платил страховые взносы. Игра не стоила свеч.

– Пускай больше не приходит и не ворошит плохих воспоминаний.

– Понимаю. Но он хочет как лучше. – Мне вспомнилось высказывание о том, что путь в преисподнюю выложен добрыми намерениями.

Мама была права. Теперь, зная чуть больше, я бы предпочел, чтобы Рейнолдс поумерил рвение. Правило «око за око, зуб за зуб» мог привести к тому, что я сам недосчитаюсь ока и зуба. В конце концов, отец действительно мог споткнуться и упасть сам. Все равно его не вернуть. Нравилось мне это или нет, но чем меньше полиция интересуется его гибелью, тем меньше риск, что мою коллекцию обнаружат. Он был человеком, которого горячо любили прихожане, пусть таким и остается.

– Это Лиам его толкнул, – пробормотал себе под нос мой недалекий брат. Он был всего на три года моложе, но порой вел себя как трехлетний.

– Придержи язык, – сурово отчитала его мама.

– Да, помолчи, дружище, – добавил я.

– Хватит меня так называть, – парировал брат.

– Как? «Дружище»?

– Прекратите оба!

Ужин проходил под звон вилок и ножей, стукающихся о тарелки, чавканье губ, жадно вытягивающих сок, стук стаканов о стол и хлюпанье носом с моей стороны. Похоже, меня одолевала вовсе не притворная простуда, – вне сомнения, это была кара небесная. Я улегся спать рано; никакой приставки, никаких видеоклипов в Интернете, никакого Лукреция и его трактата «О природе вещей». Весь в поту, я проспал до позднего утра.

– Как ты? – постучала в дверь обеспокоенная мама.

– Через минуту спущусь! – ответил я, но вместо этого провалялся еще полчаса, думая об Аманде.

Церковь была закрыта до приезда нового пастора, и у меня не было повода с ней увидеться. Я думал также о Харрисоне. Он оставил мне номер своего мобильного. Кажется, он и сам не до конца верил, что фактически предложил мне заняться подпольным бизнесом отца. Вероятно, преподобный был толкачом уже много лет и других посредников у Харрисона не было. То ли он не мог их найти, то ли они оказывались ненадежными.

– Ты слишком юн, чтобы этим заниматься, – сказал Харрисон под конец нашего разговора. Он будто бы думал вслух. – Но дело срочное, и нарушать предварительные договоренности нежелательно.

Я был горд, когда меня попросили участвовать в сделке.

Такие махинации – не детская забава. Не игра в шарики, футбол или еще какую-нибудь ерунду.

– Клод должен выйти на связь в ближайшие дни. На кону большие деньги для нас троих, – продолжил Харрисон.

Неожиданное участие в банде, в сложной криминальной схеме, где каждый зависел друг от друга, а барыши текли рекой, взволновало меня.

– Твой отец был бы благодарен, если бы я попросил тебя оформить сделку. Да и деньги тебе не помешают. Только никому не рассказывай и не давай повода что-либо заподозрить, договорились?

– Можете на меня положиться, – на полном серьезе ответил я.

Не знаю насчет благодарности отца, но работа была не пыльной и вполне подходила моей бунтарской натуре. План выглядел так: Харрисон передаст мне книгу для покупателя – некоего Клода, – тот заплатит заранее оговоренную сумму, которую я в свою очередь отдам Харрисону за вычетом «посреднического процента», и все останутся довольны. Харрисон и Клод не хотели встречаться лично и даже разговаривать друг с другом во избежание риска, поэтому роль посредника перешла от отца ко мне.

– А почему вы не хотите? – невинно спросил я.

– Лиам, лучше тебе не знать, – объяснил, а точнее – не объяснил Харрисон. – И постараюсь забыть слово «почему?».

Мне и так не слишком нравилось это слово, и не произносить его было проще простого.

– Как мне связаться с этим Клодом?

– Никак, – ответил Харрисон. – Он сам с тобой свяжется.

– А откуда он узнает, что у меня есть нужная ему вещь?

– Он и не узнает. Либо у тебя будет товар, либо нет, – сказал Харрисон. – Не думай об этом. Все гораздо проще, чем тебе кажется. Твой отец говорил, что Клод – весьма приятный человек, и у меня нет причин сомневаться в его оценке.

Я не был настолько уверен, что отец хорошо разбирался в людях, но возражать не стал. Избегая слова «почему?», я попробовал еще немного прощупать почву:

– А этот Клод, случайно, не на белом «порше» ездит? Как в старых фильмах?

– Лиам, твоя любознательность и смелость меня восхищают. В твоем возрасте такие качества – редкость. Ответ на твой вопрос: «необязательно». А ответ на твой следующий вопрос, если я верно его угадал: «узнаешь, когда придет время». Устроят тебя такие ответы?

– Устроят, – кивнул я, все больше и больше восхищаясь безумием происходящего.

Добрая улыбка на лице Харрисона воодушевила меня. Мне не терпелось узнать, что же за книгу он принес в чемодане. Какого она века, в каком переплете, кто автор и все остальное. Вне всякого сомнения, она была очень ценной, но это не слишком волновало меня. Да, нам, моей семье и отцовской церкви, нужны были деньги. Но меня необъяснимо привлекала сама книга как предмет, и я не смогу ответить почему, даже если потрачу на это тысячу лет. Наилучшим объяснением станет слово «любовь». Я не слишком сентиментален, но я чувствовал к этим книгам любовь: чистую и простую и одновременно – порочную и сложную. Не такую, которую я испытывал к Аманде – ее я любил больше всего на свете, – но полноценную, растущую с каждым днем любовь к этим античным игровым приставкам в кожаных переплетах, пергаментных телевизорах, запрограммированных и настроенных Боецием и его блестящими сотоварищами, что обессмертили себя, поставив свои имена на бумаге. Мне хотелось выпалить Харрисону, что я в деле, но я сохранил хладнокровие. Пускай немного подождет. Он достаточно умен, чтобы догадаться самому.

К тому же я вспомнил в точности слова матери, сказанные после гибели отца, острые, словно бритва, которой я только начал снимать тонкие волоски на подбородке, и твердые, как цементный пол, о который отец разможил голову. «Теперь ты – глава семьи, – сказала она, – и заменишь отца, насколько сможешь». Тогда я не задумывался о том, что от меня потребуется. Но время быстротечно, и моя жизнь мгновенно перевернулась с ног на голову. Я больше не мог сидеть и мечтать, чтобы все вернулось на круги своя. Я знал, что должен сделать, если хочу оправдать возложенные на меня надежды. Знал, кем должен стать. Курс на ближайшие несколько лет был задан. Я твердо решил пробиваться к цели, не обращая внимания на подводные камни. Пораздумав несколько дней, Харрисон позвонил мне и спросил, готов ли я.

– Да, сэр, – отчеканил я. – Благодарю за доверие!

Мы встретились у игровой площадки начальной школы. Харрисон передал мне книгу, добытую для отца, на этот раз в непримечательном бумажном пакете коричневого цвета, и поспешно ушел.

Я выполнил свои обязанности безупречно, и было решено, что я продолжу играть роль посредника. Я с гордостью облачился в шкуру моего отца, но не забывал об осторожности. Мне все больше казалось, что любой диплом, который я мог получить, не шел ни в какое сравнение с теми симбиотическими знаниями, что я получал при чтении и изучении этих книг. Не хочу показаться глупым и преувеличивать, но они пробудили во мне желание узнать гораздо больше, чем я мог узнать в колледже или университете.

Мне до сих пор кажется невероятным, что в те дни моей безусой юности, дни безумно методичного стремления к знаниям, дни, когда мне приходилось постоянно перекрашиваться из хорошего мальчика в плохого и обратно, осторожно передавая редчайшие книги за деньги, которые, как известно, не пахнут, Харрисон или Клод мог довериться несовершеннолетнему, неопытному мальчишке. У меня было лишь одно разумное объяснение: раз мой праведный, благочестивый отец считался идеальным посредником в их «освободительной операции» – так они называли контрабанду, вероятно прогоняя угрызения совести, – то я, его старший, но еще невинный сын, мог справиться с этим еще лучше.

Я благоразумно не спрашивал Харрисона о причинах моего вовлечения в отцовский подпольный бизнес, если можно так сказать. Мы лишь говорили о книгах, суммах, прибыли, коллекционерах и дилерах – Клод был далеко не единственным. Как я вскоре выяснил, всех наших клиентов звали Клодами. Оплата всегда шла наличными, и я никогда не видел чеков, водительских прав и других удостоверений личности. Я не знал и не хотел знать настоящих имен своих коллег-библиоманов. Имя «Клод» было идеальным – вы знаете хоть одного исторического деятеля с таким именем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.